

CLANDESTINUS

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ОДИНОЧЕСТВА

ГОТИКО-МИСТИЧЕСКИЕ
ПОВЕСТИ

Литературный клуб

Калининград 2008

ББК 84-44 (2Рос-Рус)
УДК 82-344

В оформлении обложки использована
картина Ирины Герасимовой «Старый дуб»

ISBN 5-901194-30-6

Готическое творчество Clandestinus – молодого поэта, писателя и переводчика из Литвы – в сборнике «Последний день одиночества» представлено девятью повестями. Продолжая развивать классические образы детективных хоррор-историй и готико-мистического жанра, Clandestinus уверенно и без особого труда идёт по стопам своих великих предшественников: Э. А. По, Г. П. Лавкрафта, Г. Уолпола, Б. Стокера, Б. Олшеври, У. Бекфорда.

Знаи Судьба моя над всеми вознесла, -
Когда направилась мой путь в твои объятия, -
Ах, словно роза в склепе трагично зацвела!
Да будто враз с души моей сияла проклятье...
Знаи отпущено нам Богом сония ает -
Над душой ишь тебя Любимой звать я;
И без тебя не появлюсь ни в тьму, ни в свет...
Что ты теперь моей Марией стала, Свой...
Ах, моя радость, причину тебе обет:

Мою, куда смерть не аяжет мне на веки -
О, будь отныне моей жизни королевой;
Я - ишь тебе одной принадлежу навеки!!!

Грань веры и сомнения...

Возможно, Clandestinus повезло в том, что большая часть его жизни – и осознанно взрослой в том числе – прошла в этом крае. В крае, воздух которого хранит дыхание Перкунаса (Перуна?) и жрецов Криве-Кривейте, св. Франциска и фантастического Чюрлёниса... В крае жёстких ветров и ласковых дюн, любовно поглощаемых волнами.

В Клайпедском (но и – Мемельском ведь?) крае Малой Литвы, где среди солнечных стволов сосен, в которых и ветер может обрести человеческие голоса, можно позволить себе встретиться даже с собственным воображением... Более того – оживить это воображение, уйти в него, превратив мысль во вполне вещное бытиё. И тогда время перестанет существовать как реальное, и, в общем-то, придуманное и фиксируемое солнечной тенью или стрелками циферблата лишь для удобства отправления суетливых забот. Отправления в небытие собственной жизни и природных возможностей, дарованных человеку с обретением ума и души. И тогда нет нужды в каком бы то ни было договоре с тайными силами и неведомыми посланцами, ибо все они – в тебе самом. И слух твой воспримет голос стихотворного речитатива проповеди Донелайтиса, а зрение поймает хитроватые взгляды жемантийских пахарей, терпеливо внимающих словам пастыря и тайком передающих по кругу бутыль с крепкой сливовицей. И вовсе нетрудно, подпоясавшись рукодельным вервием, нырнуть в монастырской библиотеке в разноголосицу давних книг и языков, чтобы потом проснуться под распевный зов муэдзина или воркование шотландской волынки... Но человеку в лю-

бом вообразяемом мире предстоит, рано или поздно, пройти самое сложное испытание: остаться наедине с самим собой. Наедине с тем, что дано ему природой в отличие от прочих тварей земных. Наедине с сомнением. Ибо вне этой данности человек не в состоянии совершить главное, для чего он явлен миру – самопознание и осознание своего предназначения. Ведь природа (назовите это Богом, вселенским разумом и т.д.) и явила homo sapiens для того, чтобы через него познать самую себя... Через веру и сомнение. Лишь через эту призму возможно разглядеть и понять как саму жизнь автора этой книги, так и его литературы, за фантазмагорией перипетий которой открываются читателю вполне реальные метания человеческого духа.

*Вячеслав КАРПЕНКО,
писатель,
председатель
Калининградского Пен-центра*

Вместо предисловия

Автор этой книги лишний раз подтверждает, что творчество рождается характером и всей жизнью писателя. Несмотря на то, что все повести книги являют собой фантастическую мистику и уводят нас в средневековые времена, во времена готики, колдунов и призраков, старинных замков и рыцарских схваток, автор остается самим собой. Он тоже ведь некоторым образом фигура загадочная. Псевдоним – Clandestinus. В переводе с латыни – сокрытый, уже говорит о том, что автор хочет укрыться забралом таинственности. Немного приоткроем завесу. Он был монахом двух католических орденов – иоаннитов и францисканцев. Готовился стать священником. Писал тайно в монастырских кельях, скрывая страсть к сочинительству от своих братьев. Изучал философию в Вильнюсской духовной семинарии и богословие во Франции. Познал не только философию, обнаружил в себе способность к изучению языков. Владеет литовским, пишет на русском, знает английский, французский и даже арабский и иврит. Знание языков пригодилось для переводов. Принятый в Союз российских писателей в Калининграде и живущий в Литве в Клайпеде он стал тем неизменным мостом, который соединил усилия двух организаций, вылившиеся в издание литовских писателей на русском языке и соответственно русских – на литовском. Человек кипучей деятельности, успевающий воспевать в стихах Ливан и родную Литву, сочинять мистерии и выполнять большой объем переводов, он все время в движении. Он не сидит за письменным столом и придумывает не только на бумаге, но и в жизни различные объединения и издания. Он свободно путешествует по миру,

не опасаясь придуманных им самим ужасов. Его литературные провокации, смущающие писателей-реалистов, будоражат литературную жизнь Клайпеды. Меня они тоже немного смущают, я не специалист в готической мистике, но все же понимаю, что литературы без выдумки тоже не существует. И потому с интересом прочел странные повести *Clandestinus*, где герои могут перерезать всех, кто стоит на пути их замысла, продать душу дьяволу и не выдержать одиночества, где прекрасные графини оборачиваются вампирами, где наивные странники ищут бессмертия, где в замках бродят призраки. В общем – все в канонах жанра, все в ином таинственном средневековом мире. И за всей этой выдумкой скрывается стремление автора отрешиться от обыденности и скуки жизни. Отправимся же вместе с ним и пощекочем нервы бурной выдумкой.

*Олег ГЛУШКИН,
писатель, член Пен-клуба*

Последний день одиночества

После долгого и упорного изучения старинных пожелтевших манускриптов и книг Саймону Виммеру, наконец, удалось вызвать Дьявола. Как он и предполагал, все церковные рассказы о последнем были чистейшим вымыслом: Дьявол оказался вовсе не чудовищем – он был одет в чёрную одежду и имел внешность цветущего мужчины. Виммер предложил гостю сесть в кресло и немедленно начал излагать своё желание:

- Я пригласил вас, чтобы заключить интересующий нас обоих контракт, если, конечно, вы не будете против. Ведь вам, как известно, нужна всякая человеческая душа? Так вот, взамен я получаю от вас власть над людьми. Конечно, после моей смерти эта власть закончится...

Дьявол смотрел на него ясными глазами:

- Продолжайте, Виммер. И, по возможности, излагайте свои мысли как можно точнее.

Виммер улыбнулся и хрустнул пальцами:

- Итак, первое: мне нужна власть. Абсолютная или, по крайней мере, близкая к абсолютной, которую я смогу использовать по своему усмотрению и чтобы никто не требовал у меня отчёта в моих действиях – даже вы...

При этих словах его собеседник нахмурился.

- Прошу прощения, - поспешил сказать заметивший это Виммер, - но это – одно из моих главных условий. И потом, в случае заключения сделки, вы никак не должны мне мешать; ну, скажем, вы никоим образом не имеете права ускорить мою кончину или выкинуть некий подобный фокус – ведь вы, как говорят, мастер таких приёмов.

- Ну-у-у, - обиженно протянул Дьявол, играя отлично накрахмаленной манжетой, - церковь это слишком преувеличила. Никто

и никогда не мог пожаловаться, что я первым нарушаю контракт. Чего-чего, а честности у меня не отнимешь.

- Ладно! – засмеялся Виммер. – Тогда приступим к соглашению.

Он указал на стол, на котором лежали два чистых листа бумаги, два пера и обоюдоострый, прекрасно заточенный кинжал. Дьявол задумчиво осмотрел эти предметы и снова поднял взгляд на собеседника.

- И далась же вам эта власть, Виммер! – пробормотал он. – Но позвольте уж мне полюбопытствовать: что вы собираетесь с нею делать? Простите за нескромный вопрос: сколько вам лет?

- Сорок два, - ответил Саймон несколько обеспокоившись, - но какое отношение к нашему контракту...

- Итак, сорок два, - продолжил гость. - Предположим, что вам суждено прожить вдвое больше. Что же вы собираетесь делать с этой властью всё оставшееся время?

- Хм... – Виммер потёр подбородок. Кое-какие планы у него имелись, но только самые ближайшие; он поймал себя на мысли, что действительно не представляет, на что употребит власть в течении почти полувека. – Ну, сначала уничтожу тех, кто чернит моё имя и вообще – отравляет моё существование. Затем я, как подобает всякому властителю, начну строить себе дворцы в разных частях света, приглашу туда самых лучших музыкантов, самых красивых женщин... ну, словом, я намерен чудесно проводить время.

- Для повелителя над людьми у вас довольно скромный размах, - улыбнулся гость. – И, тем не менее, такая сделка мне совсем не подходит.

Виммер опешил:

- Это ещё почему?

- Вы просите гораздо большего, чем в состоянии мне предложить. Судите сами – вы получаете всё, а я – только одну душу...

Саймон Виммер молча чесал затылок.

- ...и к тому же, - между тем продолжал Дьявол, - вы не отдаёте себе отчёта в том, насколько вся эта власть наскучит вам ещё в ближайшем году. Мне неоднократно приходилось заключать договоры с людьми по поводу власти, только в отличие от вас многие из них просили власти ограниченной – и, смею вас уверить, были этим

очень довольны. Бывали, конечно, случаи, когда просили - подобно вам - абсолютной власти, но все эти люди кончали трагически.

Виммер поднял указательный палец и открыл рот, собираясь что-то сказать, однако Дьявол не дал ему такой возможности:

- Нет, нет! В их участи я совершенно не повинен! Я даже предупреждал их об этом – также, как теперь предупреждаю вас. Власть вам очень быстро надоест, Виммер.

- Не думаю. Разве вам она надоела?

- Но ведь должен кто-то нести это бремя, вы согласны?

- Нет, уважаемый! – Саймон стукнул кулаком по столу; при этом один из листов бумаги упал на пол. – Ваши софизмы меня не убедят. Мне достаточно ясна моя цель. И если вы намерены заключить контракт – то делаем это немедленно.

Дьявол встал с кресла и тоже начал ходить по комнате. После нескольких минут непрерывной ходьбы он остановился у окна:

- Хорошо, Виммер! Я согласен.

- Правда? – Саймон даже зажмурился от удовольствия, приятная дрожь пробежала по телу. – Тогда приступим.

С этими словами он взял было в руку кинжал, но Дьявол плавным движением остановил его:

- Подождите! Я имею небольшую поправку...

- И в чём же она заключается? – подозрительно спросил Виммер, исподлобья глядя на гостя.

- Сейчас я проанализировал все возможные варианты вашего царствования. Власть, как вам известно, всегда порождает ещё большую жажду власти. Для начала вы удовлетворитесь своей страной. Когда вам это покажется незначительным, вы захватите весь континент. Я не знаю, сколько времени займёт у вас после этого подчинение своей власти всей планеты – но то, что это произойдёт обязательно, у меня нет ни малейших сомнений.

- Ну и что же тут такого? – недоумённо пожал плечам Виммер. – Разве это превышает условия контракта?

- Это – нет. Но не забывайте – ведь у вас абсолютная или почти абсолютная власть, как у Высших Сверхъестественных Существ. Понимаете? Тогда на Земле будут уже три силы: Бог, Дьявол и Виммер.

К тому же вы – неподотчётны ни одному из нас. А нам с Богом лишний конкурент не нужен.

- Но даже если так и случится, то ведь всё закончится с моей смертью, - попытался успокоить Дьявола Саймон.

- И тем не менее, - упорствовал гость, яростно смахивая пылинку с рукава. – Конечно, вы умрёте. Но кто знает, что вы натворите до своей смерти? Кто знает, что взбрёт вам в голову? Ведь вы – почти абсолютный властелин; и даю голову на отсечение, что вам до безумия захочется стать абсолютным, стать Богом. Представим на минуту, что вы захотите свергнуть даже меня – и по контракту я не буду иметь права вам помешать! Это когда-нибудь закончится, но приятного для меня всё-таки мало...

Саймон серьёзно думал над словами Дьявола. Бесспорно, последний был во многом прав; Саймон пришёл к выводу, что он совершенно недооценил всё возрастающую жажду власти.

- ...Я уж не говорю о том, - продолжал гость, - во что может вылиться ваше правление; может, мне придётся исправлять его последствия не одну сотню лет. Никому не известно, куда вы можете зайти... например, с жестокостью или милосердием. И насколько ужасной может оказаться для всех ваша власть в таких поистине астрономических масштабах!

- Ах, да! – Саймон вопросительно посмотрел на Дьявола. – Какую же поправку вы хотите внести, чтобы выкрутиться из положения? Если речь идёт об Адском Троне – то обещаю вам на него не претендовать. – Он секунду помедлил и добавил, улыбнувшись. – Божий Престол тоже от этого автоматически застрахован.

- Нет, дорогой Виммер! Делайте, что хотите – ваша власть, как говорится... – Дьявол усмехнулся. – Но чтобы наш договор был обоюдовыгодным, я хочу предложить вам ещё кое-что.

- Конечно, я понимаю! Мне и самому теперь кажется, что за одну душу награждать абсолютной властью с чёрт знает какими последствиями, – тут Саймон рассмеялся, – чистейшее безумие. Так что докидывайте на свою чашу весов ещё что-нибудь – и мы квиты.

- Да, я вижу, вы меня прекрасно поняли. И поэтому предлагаю следующее: перед непосредственным получением власти вы проведёте в полном одиночестве ровно сто и один день.

Виммер слегка нахмурился:

- Не пойму – зачем это нужно? И, признаюсь, – ждал я вовсе не такого предложения...

- Наоборот, это самое лучшее – сменить абсолютное одиночество на абсолютную власть сразу. Вообразите себе такую резкую смену действия! Какой эффект!

- Это понятно, - пробубнил Виммер, - но только где вы собираетесь устроить такое одиночество? Люди сейчас повсюду. Их нет только в Аду и в джунглях Амазонки. Вероятно, вы и воспользуетесь одним из этих мест?

- О, зачем же? – Дьявол снова начал теревить манжету. – Всё обстоит гораздо проще: милях в двухстах отсюда находится принадлежащий мне старинный замок. Там вы и проведёте положенное время.

- В замке? – Виммер заметно оживился и повеселел. – Что ж, я, пожалуй, согласен. Каковы будут ваши условия?

- Их немного. Итак, первое: попав в замок, вы не имеете права покидать его ни на минуту – в противном случае наш контракт немедленно расторгается. Во-вторых: в замке вам придётся пребывать в полной тишине – вы не услышите даже пения птиц, даже шума ветра; единственное, что я разрешаю вам слышать – так это ваш собственный голос.

- Не имею дурной привычки разговаривать сам с собою вслух! – прервал его Виммер.

- Прекрасно! – одобрил Дьявол. – Далее. О пище не беспокойтесь – вы всегда найдёте в трапезной всё, о чём только пожелаете подумать.

- О! – снова не удержался Саймон и хлопнул в ладоши. – Это мне нравится! С вами чрезвычайно приятно иметь дело!

- Можете в этом не сомневаться, - любезно заверил его гость, ничуть не смущаясь тем, что его так часто перебивают. – Вы можете гулять по всему замку, где вам вздумается; можете гулять в прилегающем к нему большом саду – никаких запретных мест я не устраиваю. Ровно через сто и один день я снова явлюсь к вам – и кто знает: может, мне придётся тут же поздравить вас со вступлением на земной престол?.. Подумайте: подходят ли вам такие условия?

Саймон Виммер в волнении забегал по комнате. Несколько раз он даже схватился руками за голову, чтобы унять поток самых противоречивых мыслей. «Да – или нет? – думал он, искоса поглядывая на Дьявола; тот задумчиво рассматривал через окно шпиль высящейся над крышами домов старой немецкой кирхи. – Быть – или не быть? Ведь, в сущности, что это значит: сто дней в одиночестве? Разве так уж много?...» «Нет, не сто – а сто и один день!» – вдруг сказал ему какой-то внутренний голос. «Ну, с этим особенно нечего считаться!» – ответил ему Виммер. – Днём больше, днём меньше – не велика разница.»

Он закрыл глаза – и на секунду представил себе, как по прошествии этого времени он выходит из замка: впереди него шёл сам Дьявол, а весь мир лежал у ног Виммера, но ещё не подозревал об этом.

Саймон открыл глаза и увидел, что Дьявол пристально наблюдает за ним.

- Ну! Так каким же будет ваш ответ? – спросил он тихим спокойным голосом. Виммер подошёл к бару и, открыв его, извлёк на свет уже начатую бутылку водки «Smirnoff» и две рюмки. Налив обе до половины, он кивнул Дьяволу головой и залпом выпил свою порцию. Ему показалось, будто гость усмехнулся.

- Я согласен! – сказал, наконец, Саймон, утирая губы. – Присоединяйтесь! За удачный контракт! – и он кивнул головой в сторону ещё не тронутой Дьяволом рюмки.

Его собеседник рассмеялся:

- Извините, Виммер, но я не пью. Во всяком случае, сегодня ещё не время... Что ж, тогда закончим поскорее все канцелярские формальности – и в путь!

- Чудесно! – Саймон и не заметил, как очутился возле стола и сделал кинжалом небольшой надрез на левом безымянном пальце; тем временем Дьявол аккуратно, каллиграфическим почерком заполнил оба листа текстом договора и протянул их Виммеру на подпись. Саймон перекрестился и подписал бумаги...

- А это ещё зачем? – удивился Дьявол, заметив его последнее действие. – Вы мне казались человеком образованным и лишённым всякого рода предрассудков.

- Понимаете ли, - честно признался Виммер, краснея как помидор, - мне сейчас немного стало не по себе...

- А, пустяки... – Дьявол ловко поставил свою подпись на листах; один из них он немедленно перегнул пополам - и тот словно исчез в складках его одежды, второй же передал Виммеру. – Я ещё никогда не видел человека, который бы не дрожал, заключая со мною сделку. Церковь, знаете ли, наложила на меня весьма тёмное клеймо... Я вижу, вы уже готовы? – и он осмотрел фигуру Саймона, который успел накинуть себе на плечи старый неглаженный плащ. Виммер ответил прищёлкиванием пальцев – и открыл входную дверь, учтиво пропустив гостя вперёд.

Когда они спускались по лестнице, то у него было чувство, что на самом деле нет никакого Дьявола; что не заключал он с ним никакого контракта – и что он вообще через мгновение проснётся. Но нет: контракт, свёрнутый в трубку, лежал у него во внутреннем кармане плаща (Виммер даже потрогал его рукой); Дьявол, спускаясь по лестнице, проклинал дворника, содержащего дом в таком беспорядке и нечистоте; однажды, перед последним пролётом, он даже споткнулся об угол мусорного ящика. Саймону (странное дело!) даже стало немного стыдно за своё неубранное жилище. Ну, да ничего! Скоро он пригласит Дьявола в один из своих многочисленных дворцов, где тот не сможет ни к чему придраться.

На улице их ожидала красивая большая карета; в упряжке было шесть отличных, породистых чёрных лошадей. Бородатый кучер поклонился им обоим – и вскочил на козлы. Его лица Виммер не рассмотрел.

- А это кто такой? – спросил он Дьявола, когда они сели в карету и двинулись с места. – Ваш кучер? Человек?

- Нет, дорогой Виммер, это – один из низших демонов. Но тем не менее он первоклассный парень – с таким в дороге не соскучишься. Мигом доведёт, куда прикажут.

- Но двести миль – это немало!

- Не извольте беспокоиться, будущий повелитель! На это расстояние мой кучер затратит несколько часов. А в дороге мы тоже не останемся без дела... – Дьявол достал откуда-то колоду игральных карт. – Не хотите ли в покер? В преферанс?

Всю дорогу до замка Саймону было весело. Дьявол оказался исключительно приятным собеседником; он рассказывал различные истории своей жизни, перемежая их всяческими анекдотами – Виммер смеялся от души и чувствовал себя превосходно.

Но вот на горизонте показались две одиноко возвышавшиеся над лесом башни; Дьявол сказал, что это и есть конечная цель их путешествия. Саймон ещё раз выглянул в окно кареты: повсюду простирались поля; время от времени попадались небольшие деревни. Дорога шла по самому берегу извилистой реки; в воздухе носилось благоухание цветов и чистой воды.

- Замечательно! – воскликнул Виммер, набирая полную грудь воздуха. – Можно с радостью просидеть в одиночестве сто дней только ради проделанной дороги!

«Нет, не сто, а сто и один день!» - снова проснулся внутренний голос Виммера. «Заткнись!» - он и не заметил, что произнёс это слово вслух; Дьявол при этом рассмеялся. Саймон виновато улыбнулся и откинулся на подушки.

В поле, неподалёку от замка, работало несколько крестьян; шум колёс привлёк их внимание и они увидели карету, которая медленно ехала по направлению к замку.

- Смотри-ка! – сказал пожилой крестьянин в соломенной шляпе, обращаясь к друзьям. – Никак, в замке объявился новый хозяин?

Карета скрылась в парке перед замком; до мужчин донёсся скрежет открываемых ворот.

- Похоже на то, - ответил ему молодой рабочий с ведром в руках, - замок ведь пустует почти месяц. Наверное, это – очередной родственник бывшего владельца замка.

- И предыдущего тоже, - снова сказал пожилой.

Ещё раз посмотрев в сторону башен, мужчины молча вернулись к работе.

Виммер вышел из кареты и стал осматривать двор. Вслед за ним вышел Дьявол:

- Послушайте, Виммер! Вы ещё успеете осмотреть тут всё и без меня! Идёмте – вам надо познакомиться с помещением.

Они прошли под сводом над лестницей из чёрного камня и оказались в огромном зале. У Виммера от всего увиденного разбежались

глаза, но Дьявол не дал ему возможности выразить свой восторг:

- Я говорю вам ещё раз – осмотрите всё без меня; благо, времени у вас предостаточно... Запоминайте: спать вы можете в любом зале или комнате, смотря по вашему вкусу. Пищу вам достаточно только пожелать. В вашем распоряжении хорошая библиотека; словом, вы найдёте здесь много интересного и удивительного.

- Конечно, конечно, - поспешил ответить Саймон, разглядывая какой-то витраж.

- Условия вы помните, надеюсь? – Дьявол погрозил ему пальцем. Виммер кивнул. – Хорошо. Если что-нибудь забудете – перечитайте договор... А мне следует вас покинуть: у меня на сегодня ещё целая куча дел... Счастливо оставаться!

Дьявол махнул на прощание рукой – и мгновенно исчез. Виммер, прыгая по ступеням лестницы, выбежал во двор: карета словно испарилась – даже на траве не осталось никаких следов её недавнего пребывания. Подойдя к воротам и с силой толкнув их, Виммер убедился, что они закрыты. И тут на него снизошла радость: он снова вбежал в большой зал и воскликнул:

- Коньяк сюда! Водку! Вино! Лучшую закуску! Я хочу пировать в этот день, когда мои надежды начали сбываться!

Онемевший от удивления, он смотрел на огромный стол из красного дерева, на котором, словно по волшебству, появлялись упомянутые им напитки и еда. Плюхнувшись в одно из больших кресел, на рукоятках которых были вырезаны львиные головы, Виммер безостановочно выпил две рюмки водки. Восторг распирал его. Вот сейчас бы переговорить с кем-нибудь о будущем! О грандиозных планах, которые сотнями возникали в его мозгу; они тут же забывались, но на их место немедленно приходили новые...

Он слегка перекусил и решил осмотреть замок, которому в ближайшие три с лишним месяца надлежало стать его резиденцией. «Все великие короли и цари до начала правления частенько отсиживались в неизвестных замках и даже лесах, - вспоминал он историю, двигаясь по широкому коридору с высоким потолком. По всей протяжённости стен находилось множество античных статуй; сами стены были увешаны шедеврами живописи и старинным оружием. Повсюду, несмотря на солнечный день, горели десятки факелов. – О

них никто не подозревал, когда они неожиданно являлись в мир и начинали диктовать ему свою волю. Да, и у них тоже перед годами правления лежали годы одиночества и неизвестности... Но мне-то в этом отношении проще! – Виммер улыбнулся, разглядывая старинный двустольный пистолет; тот висел на стене не слишком высоко и при желании до него можно было дотянуться. Рядом висела огромная боевая секира и четырёхгранный морской кинжал. – Мне надо провести в одиночестве всего сто и один день – (Саймон не хотел больше связываться с внутренним голосом, предпочитая отныне называть полный срок своего добровольного заключения) – а потом... потом...»

Виммер не удержался и начал танцевать. Странно: он никогда этим не занимался, да и не умел (во всяком случае был уверен в том, что не умеет) танцевать. Нет! Движения давались ему очень легко. Минут пять он кружился вокруг статуй; их каменные и деревянные лица – как зеркала – отражали его радость: Изида улыбалась вовсю; Аполлон явно хотел повторить все движения Виммера, не будь он каменным; и даже мрачный Карл Великий разделял его непрекращающийся восторг.

Смеясь и немного задыхаясь от своего первого в жизни танца Виммер бросился на старинный диван японской работы, который мягко принял его тело. Он положил голову на подушку и перевернулся на спину, рассматривая чудесную роспись потолка: на нём был великолепно передан красками рыцарский турнир – люди и лошади смешались в одну кучу; внизу, под ними – поверженные друзья и враги, а над ними – улыбающиеся Луна и Солнце. Хоть сам Виммер и не имел никакого отношения к искусству, но он понял, что над потолком замкового коридора работал настоящий мастер.

Тут же ему пришло в голову, что неплохо бы начать список различных реформ и преобразований мира, когда он вступит во владение им; ведь он может многое позабыть за эти три с лишним месяца. Он поднялся с дивана и зашёл в ближайший зал в поисках стола с письменными принадлежностями. Этот зал явно был музыкальным: в центре его находился большой немецкий рояль; около стен в специальных стойках и шкафах пребывали различные музыкальные инструменты – виолончели, скрипки, гобои, трубы... На маленьких

столиках лежали старые нотные тетради; их страницы были покрыты небольшим слоем пыли.

- Странно! – удивился Виммер. – Дьявол сказал, что я не смогу слышать здесь ничего, кроме своего голоса... – он подошёл к роялю и поднял крышку с клавиатуры. – Однако стоит мне дотронуться до любой из клавиш...

Он надавил на одну из них, ожидая чистой и звонкой «ля». Звук не последовало. Виммер надавил на «до», на «фа» – тот же результат. Тогда он резко нажал пальцем на начальную клавишу первой октавы и провёл по всей клавиатуре инструмента. На его пальце осталась пыль, но ничто не нарушило тишины замка... Виммер сделал шаг назад и дернул за одну из струн контрабас – тишина. Вдруг он расхохотался:

- Чёрт побери! – воскликнул он, смеясь. – А Дьявол-то не солгал!

Он громко хлопнул в ладоши – и когда этот звук замер, Саймону впервые стало отчётливо ясно, что его полное одиночество началось.

Он тихо, стараясь не стучать каблуками, перешёл в соседний зал. Судя по словам Дьявола здесь и находилась библиотека. Но не книги сейчас интересовали Виммера – он радостно бросился к письменному столу. Сбросив с него несколько старинных фолиантов, он обнаружил под ними пару перьев и полную до краёв чернильницу. Рядом лежало несколько чистых листов писчей бумаги, пожелтевшей от времени.

Света в зале хватало, но Саймон, для пущей важности дела, достал из кармана зажигалку и зажёл несколько свечей в большом бронзовом канделябре. Теперь его рабочее место выглядело таинственно и внушительно: повсюду – огромные стеллажи с книгами, а в центре зала – он сам за большим рабочим столом, при свечах, решает судьбу народов и материков.

«С чего бы мне начать? – подумал он. – Какой королевский эдикт должен быть выпущен в первую очередь?» На помощь Саймону пришёл его внутренний голос: «Поскольку ты не имеешь других собеседников, то я буду помогать тебе в твоих делах... Ты задумался о начале? Ха-ха! Поистине, ты – глупец! Что делают императоры и прочие им подобные при восшествии на престол? Они объявляют о себе! И это – первым делом!»

Поблагодарив своего советчика, Виммер набросал несколько первых строк: «Сегодняшний день объявляется началом Новой Эры. Нет больше никаких королей, императоров, президентов. Есть тролько Я. Я – Великий Император Планеты, Бог среди людей...» - Виммер перечитал написанное; он поймал себя на мысли, что титул, которым он решил себя обозначить, звучит как-то просто и по-обыденному. Он подумал ещё немного, глядя на пламя свечей, на ряды книг вокруг – и зачеркнув предыдущее, написал: «Грозный и Милосердный Абсолютный Монарх...» Нет, это ему тоже не понравилось. Над титулом он думал более часа – всё получалось расплывчато или незаконченно. Виммер решил отложить это до лучших времён – он сам устроит конкурс среди своих министров и поэтов на лучший титул для своей особы. Победителю конкурса, конечно, он пожалует небольшую страну, которую тот сможет передавать детям по наследству.

Виммер почесал подбородок – перед ним начали вставать различные социальные вопросы, в которых он был довольно слаб, если не сказать – не разбирался совершенно. «Ладно! – сказал он про себя. – Пусть текстом указа и прочим занимаются мои придворные; моё же дело – принимать их мысли или отвергать. Я – выше того, чтобы писать чернилами.» Он бросил перо на стол – и увидел себя в царском наряде, диктующим своим секретарям различные указы: там – развязать войну, а там – прекратить; в той стране – сделать так-то, и прочее, и прочее. Приятно осознавать, что все его повеления исполняются мгновенно. Потому, что за малейшее неповиновение его приказам ослушников ожидает смерть. «Да! – он ударил кулаком по столу; чернильница опрокинулась на пол и разбилась – по белому мрамору растеклось синее пятно. – Да! Именно смерть! Моё правление будет милосердным, пока это будет на руку. Я встану в один ряд с Чингиз-ханом и Александром Македонским... Нет! Я стану гораздо выше их! Весь мир у моих ног; все люди на земле исполняют мою волю! Бог среди людей!» – и он представил себя выходящим из своего огромного дворца – подобного ему не было в мире ни по величию, ни по красоте. Повелитель Земли окружён стражей, придворными – им нет числа. А люди на большущей площади перед дворцом – их тысячи, десятки тысяч, миллионы! – опустили на колени. Они

боятся поднять взор на своего Повелителя, пока он милостиво им этого не разрешит...

Он вышел из библиотеки и продолжил осмотр комнат и залов. Убранство и богатство замка поражало – повсюду картины, статуи, золото. Ему слепило глаза от этого великолепия. Он, конечно, попросит Дьявола подарить ему этот замок; необходимо, чтобы люди бывали здесь, как в музее, где их Повелитель и Бог проводил время до вступления во власть...

Виммер поднялся по витой лестнице в одну из башен; она возвышалась над лесом и из окон её открывался чудесный вид на многие мили. Он увидел поля, деревни; люди на полях казались крошечными, но Саймон отчётливо наблюдал все их действия. Вот, например, старик в соломенной шляпе – он вспахивает землю, но ещё не знает, что делает это исключительно для Виммера... Эта мысль рассмешила Саймона и он снова громко засмеялся. Ему дружно вторили эхо старой башни и его внутренний голос; а он презрительно смотрел на людей и заливался хохотом.

Затем он закурил и прешёл к осмотру второго этажа. На это у него ушёл весь оставшийся день и часть ночи. Когда он почувствовал усталость, то выбрал себе прекрасный спальный зал с огромной кроватью под балдахин – на ней вполне могли уместиться десять человек – и заснул счастливым безмятежным сном маленького ребёнка и Великого Императора Вселенной. Утром он проснулся – и вышел после завтрака прогуляться по саду, думая о будущем. Да, он был самым счастливым человеком, только одиночество немного мешало ему. Ну, как же это: в таком замке – и без красивой девушки?! «Ничего! – с философской стойкостью успокаивал он себя. – Скоро – уже через сто дней – этому наступит конец, и тогда...» При мыслях о том, что же будет «тогда», Виммер снова начинал танцевать и смеяться.

Так проходил день за днём, ночь за ночью. Всё было словно написано по графику: днём Саймон бродил по замку, любовался произведениями искусства; гулял по саду, строя планы своего правления – правда, уже через час он их полностью забывал, их вытесняли другие, более безумные. Ночами он что-нибудь читал, в основном исторические и любовные романы – и после этого начинал мечтать

о власти в тысячу раз сильнее. Всё это время аппетит у него был хороший; Виммер ни на что не мог пожаловаться. Однако он всё-таки заметил в себе странную перемену: он начал разговаривать с собою вслух.

Впервые это случилось около трёх недель спустя после его появления в замке Дьявола. Виммер курил, сидя в кресле и глядя в окно на реку, как вдруг произнёс неожиданно для себя самого:

- Интересно – а смогу ли я заставить её течь в другую сторону?

После этого он дико вскочил и огляделся, словно кто-то другой произнёс эти слова. Нет, их причиной был его собственный голос! Виммеру стало страшно и почему-то стыдно. Как это могло случиться? Сначала явилась мысль, а потом он произнёс её вслух... Это понятно, но почему он произнёс её вслух? Не потому ли, что ему слишком одиноко в этой башне? Да, похоже на то. Виммер прислушался к своему внутреннему голосу – тот упорно хранил молчание. И тут Саймона осенило – нет больше внутреннего, теперь есть только его настоящий голос! А может, это внутренний трансформировался в настоящий? «А не схожу ли я попросту с ума?» – подумал он, пытаясь следить за своими мыслями. Нет, это вряд ли: соображал он прекрасно. Да и нечего об этом думать, только голову забивать всякой дрянью! Лучше подумать о будущем: это полезнее. Да и нужнее.

Весь остаток дня Виммер следил за собой и не произнёс ни слова вслух. Ему было известно, что такое поведение – один из верных признаков сумасшествия. Он много думал об этом за обедом и ужином (ел он, кстати, совсем без аппетита), но к наступлению ночи он всё-таки не выдержал.

«Скажу несколько слов, хоть это и глупости, - подумал он. – А может, мне это понравится; и поскольку я – Властелин, то глупостей совершать не могу – для меня их просто не существует!»

Он пролежал в кровати около получаса, думая, что бы ему произнести. Наконец он взял одну из книг с ночного столика: «Лучше что-нибудь почитать вслух – это не так уж по-сумасшедшему, чем просто вести диалоги самому с собой!» Он раскрыл книгу наугад – и начал читать первый попавшийся ему на глаза рассказ господина Эдгара По. Виммер поначалу испугался звуков своего голоса, но после первых нескольких слов обрёл уверенность:

«Правда! Я нервный, очень даже нервный, просто до ужаса, таким уж уродился; но как можно назвать меня сумасшедшим? От болезни чувства мои только обострились – они вовсе не ослабели, не притупились. И в особенности – тонкость слуха. Я слышал всё, что совершалось на небе и на земле. Я слышал многое, что совершалось в Аду. Какой я после этого сумасшедший? Слушайте же! И обратите внимание, сколь здраво, сколь рассудительно я могу рассказывать всё от начала и до конца... »

Прочитав несколько строк Виммер уже не мог остановиться. Он боялся, что стоит ему умолкнуть, как весь мир рухнет в руины. Читал он громко, чётко; изредка даже импровизировал, выкрикивая такие фразы, как: «Ха! Да разве мог бы сумасшедший действовать столь мудро?» или: «Ну, не говорил ли я вам, что вы полагаете сумасшествием лишь крайнее обострение чувств?» Фразу: «Если вы всё ещё считаете меня сумасшедшим, вам придётся переменить своё мнение, когда я расскажу о тех мудрых предосторожностях, с какими я спрятал тело» он выкрикнул голосом, в котором почти не было ничего человеческого.

Он закончил читать произведение и без остановки взялся за следующее. Саймон перелистывал страницу за страницей совершенно не думываясь в смысл прочитанного – он слушал свой голос и больше ему ничего не было нужно. Он читал без остановки несколько часов; он порывался бросить чтение, но у него не получалось – как, снова остаться наедине со своими мыслями?! Так и читал он до тех пор, покуда книга не выпала из рук, а глаза не сомкнулись – и сон овладел Виммером совершенно.

Наутро он встал в довольно бодром состоянии духа; голова была ясной и свежей, мысль работала чётко. «Ну и чертовщина произошла ночью! – подумал он, глядя на вчерашнюю книгу. – Так и действительно с ума сойдёшь!» Он неспеша оделся и, хлопнув ладонью по подушке, громко произнёс:

- Ладно! Хватит бояться собственной тени! Голос мой – что хочу, то и делаю. И какому дураку взбрело в голову, что только сумасшедшие говорят сами с собой?! Я-то ведь нормален! И впридачу, я – Повелитель!

С этого дня Виммер не прекращал разговаривать вслух. Все его

планы, все реформы, задумки будущего правления он обсуждал громким голосом. И находил это гораздо лучшим, нежели если бы он думал про себя. Сказанное надолго запоминалось, всё было хорошо, но... ещё сильнее чувствовалось одиночество. Виммеру так хотелось общества: мужского, женского – неважно какого, лишь бы людей было побольше. Он уже откровенно скучал, глядя на работающих в поле крестьян; он не знал, куда можно деться от скуки. Только грядущая власть радовала его – и думая о ней он снова начинал прощупывать свои грандиозные перспективы, которые, без сомнения, были не за горами. Он вёл строжайший учёт каждому дню, каждому часу; высчитал даже точную минуту своего освобождения – и думал, упорно думал о людях, которые находились за стенами замка.

Полтора месяца минуло с тех пор, когда Виммер впервые решился поговорить с собою. Этим утром он сделал пометку на листе бумаги, который именовал календарём: «Сегодня – шестьдесят седьмой день одиночества.» Точно такие же надписи располагались выше над этой; разница была только в количестве дней, проведённых в заточении. Выглядел Виммер превосходно: он был аккуратно причёсан и надушен дорогими духами. Со своей одеждой он давно расстался: в одном из многочисленных шкафов он обнаружил старинный мундир русского генерала и теперь ходил исключительно в нём. Правда, мундир был великоват Саймону на пару размеров, но его это не смущало. Он часто любил рассматривать своё отображение в многочисленных зеркалах своей тюрьмы. В них же он часто ловил отражение собственных глаз – взгляд их изменился. Он стал каким-то другим.

- Меняюсь я, меняюсь, - говорил он сам себе, разглядывая в зеркале своё отражение. – Но оно и понятно: разве я теперь просто Саймон?

Он рассуждал настолько мудро и толково, что сам подумывал о возможном сумасшествии.

- Может, я действительно сошёл с ума? – сказал он себе как-то за обедом. – Нет, это невозможно – ведь сумасшедший никогда не признается себе в том, что он – сумасшедший; я же вполне всё осознаю... Значит ли это, что я нормален? Получается, что да. Но даже будь я сумасшедший – что из того? – Виммер даже засмеялся. – Тем оригинальнее будет моё правление. У меня будет шанс во сто крат превзойти самого Калигулу!

Но это – он понимал – только ждало его впереди, а пока ему было очень одиноко. Поэтому он читал книги. Самые разные. Но все они повествовали об обществе, о женщинах, о званных балах и обедах; такие книги словно сами лезли ему в руки. Да! Саймон был уверен в том, что он не сумасшедший, просто его подавляло постоянное одиночество. Он только и делал, что читал да представлял себя героем какого-нибудь романа: он был путешественником, едущим на верблюде во главе каравана, идущего через Сахару; он был капитаном огромного корабля, постоянно находящимся на капитанском мостике в белой униформе с многократным биноклем в руках; он был герцогом Орлеанским, любовником королевы Изабеллы – вокруг него постоянно были люди, и если он ими не повелевал, то, во всяком случае, был окружён ими всякую минуту.

После каждой прочитанной книги Виммеру становилось всё тяжелее переносить одиночество. Когда наступил семьдесят второй день его заключения, ему в первый раз явилась мысль о том, что он немного поторопился принять условие Дьявола.

- Чёрт возьми! – разговаривал он с собственным эхом в главном зале. – По-видимому, я немного не рассчитал своих возможностей! Трудно было предположить, что два месяца могут так наскучить человеку. Однако я не сдамся! Выдержу до конца! Зато в конце...

Что бы не говорил себе Виммер, как бы он себя не обнадеживал, но с каждым последующим днём ему становилось только хуже: одиночество буквально подминало под себя, парализовывало...

Очередное событие произошло во время завтрака; согласно «календарю», это был семьдесят девятый день. Виммер уже собирался выходить из-за стола, когда неожиданно до его слуха долетела музыка. Что-то классическое. И эта музыка доносилась из ближайшего зала: кто-то играл на рояле. Виммер чуть не опрокинул стол и бросился в соседний зал; музыка мгновенно смолкла. Он вбежал, широко распахнув тяжёлые двери, и остановился на пороге, удивлённый до ужаса – в помещении никого не было. Однако Виммер готов был поклясться, что минуту назад кто-то играл на рояле! Причём именно здесь! Он подошёл к инструменту и надавил несколько клавиш – ни звука не последовало за его действи-

ями. Виммер глупо тарачился на инструмент и вдруг разразился страшным смехом:

- Чтоб мне провалиться! Эта коробка (он ударил по клавишам кулаком) не способна издать ни звука – и как же я об этом забыл! Ха-ха! Я оказался жертвой обыкновенной звуковой галлюцинации!

Он снова зашёлся истерическим хохотом; он смеялся один – один! – в этом замке, который ему уже осточертел, но ничего не мог с собою поделать. Ему было ужасно смешно. Когда, успокоившись, он попытался установить причину хохота, то, к своему удивлению, он таковой не обнаружил. Поднявшись в свою любимую башню с рюмкой коньяка в руке, он решил чётко проанализировать свои мысли и желания.

- Что-то в последнее время мне кажется, - говорил он, уныло глядя на маленькие фигурки людей на полях, - что за власть свою я немного переплачиваю... Но разве я сам этого не хочу? Разве только этого не добиваюсь? Действительно: поначалу мне было совершенно ясно, что сто и один день в одиночестве – довольно небольшой срок. И что же теперь? Завтра будет только восьмидесятый – а я уже не нахожу себе места! Переоценил ли я себя? Нет! Властитель не может себя переоценивать или недооценивать. Тут что-то другое... – и впервые за всю жизнь ему явилась мысль о самоубийстве.

Виммер ухватился за неё и начал было развивать, как вдруг снова услышал звуки рояля: это была та же самая мелодия. Отшвырнув рюмку с коньяком – она вдребезги разбилась о каменную стену, оставив на ней мокрое пятно – он сбежал вниз по лестнице и очертя голову понёсся в музыкальный зал. Очаровательная мелодия не прекращалась; теперь Виммер был уверен, что это – не галлюцинация. Он бежал по коридорам, перепрыгивая целые лестничные пролёты; дважды он падал, поскользнувшись на гладком полированном полу... Музыка неожиданно смолкла, когда Саймон находился в начале коридора, ведущего в музыкальный зал; однако Виммер не сбавляя скорости преодолел оставшееся расстояние и ввалился в помещение. И опять никого! Только теперь он был твёрдо уверен, что в замке он не один. Кто же тогда играет на рояле?! Даже то, что инструмент не издаёт звуков, теперь уже не принималось Саймоном в расчёт.

Итак, он не один! Следовало немедленно найти таинственного

обитателя или обитателей замка! Виммер бежал по залам; он перевернул все помещения вверх дном; от его глаза не укрылась даже самая маленькая комнатка, даже уборная. Он заглянул всюду. Тяжело дыша на бегу, он сновал по лестницам замка вверх и вниз; побывал в обеих башнях и, наконец, выскочил в сад.

Часов до двенадцати ночи, наверно, Виммер шарил по замку и саду – но розыски его были безуспешны. Он не обнаружил никаких следов таинственного посетителя. Начался дождь, но Саймон всё гулял по саду и, сорвав большую алую розу долго объяснял ей, что обязательно найдёт её (он был уверен, что на рояле играла женщина) во что бы то ни стало. Когда стемнело, он, насквозь промокший от гулянья под дождём, явился в замок и сел в своё любимое кресло. Поставил розу в самую красивую вазу, которую только мог найти; она была сделана в форме распустившегося лотоса. О! Как великолепно играл огонь факелов и свечей на её золоте!

Виммер поужинал и, развалившись в кресле, закурил сигару. Взгляд его, бесцельно блуждающий по комнате, неожиданно упал на картину, висевшую сразу над камином; на ней была изображена сцена охоты – несколько рыцарей гнали на лошадях во весь опор за лисой; сзади них ехали три молодых дамы. На двух из них Саймон не обратил никакого внимания, но третья, на белом иноходце, буквально приковала его взгляд. Чтобы получше рассмотреть её, Виммер даже залез на камин со свечой в руке; сердце его учащённо билось.

- О, Дьявол, – простонал он и свеча выпала из его руки, - мои глаза удостоились лицезреть Богиню!

После этого он сорвал картину со стены и спрыгнул с камина. Он зажёт все свечи, какие только были в зале – и снова опустился в кресло, водрузив картину на стол и подперев её винным кувшином. Теперь, при ярком свете, он мог вдоволь ею любоваться.

Красота женщины была изумительной. На вид ей было лет двадцать-двадцать пять. Её белое, без малейшего изъяна лицо, обрамляли густые чёрные волосы – они были так длинные, что ниспадали на круп лошади. Синие глаза прекрасно сочетались с пышными бровями и длинными ресницами; её губы словно были созданы для поцелуев – долгих, бесконечных... Она улыбалась – и улыбка ещё больше

подчёркивала прелесть румяных щёк. В её маленьких ушках были золотые серьги в форме сердец.

Женщина была нарисована в длинном красном атласном платье; на плечи была накинута голубая шаль. Маленькие руки с тонкими белыми пальцами держали поводья; на каждом пальчике был перстень с камнем или кольцо. Виммер не видел на картине ничего, кроме этой женщины – всего остального попросту не было. И тут его словно обухом по голове ударило:

- Она! Я знаю! – воскликнул он, обращаясь при этом к розе. – Это она! Это она играла на рояле, это она нарушила моё одиночество! Иначе чем бы она могла привлечь моё внимание? Боже, как она прекрасна!

Роза несколько раз тряхнула листьями, явно подтверждая мнение Саймона о неземной красоте молодой женщины.

- Я найду её! Я чувствую, что она где-то рядом! – говоря это, Виммер любовно ласкал лицо женщины; она продолжала улыбаться, будто отвечая на его ласки. – Да! Да! – опять восклицал он, - ты – моя! Я тоже люблю тебя! Я найду тебя и сделаю своей супругой – супругой Повелителя всего сущего! Мы будем вместе ездить на охоту, мы будем вместе веселиться и никогда не состаримся. Ты будешь королевой! Но подожди немного: у меня кое-какой договор с Дьяволом; ещё двадцать дней – и мы вместе... Ух, ты, чёрт! – Саймон не мог найти себе места от нахлынувшей радости.

Он выпил несколько кубков вина; он начал танцевать с картиной, зажав в зубах розу. Ему было страшно весело.

- Вот так и становятся Богами! – крикнул он, поднимая глаза к потолку. – Или сумасшедшими! Ха-ха-ха! Да разве это – не одно и то же?! К чёрту! Всё к чёрту! – и продолжал танцевать.

На следующее утро он не мог вспомнить, как оказался на полу, а не на кровати. Он, вообще-то, довольно смутно помнил вчерашний день. Рядом с ним лежала картина. Горели свечи – видимо, он забыл их потушить. Со стоном он налил себе вина и выпил; ему показалось мало, и он начал пить прямо из кувшина. Память начала потихоньку возвращаться к Виммеру; он вспомнил о своей любимой и снова отправился на её поиски. В кармане своего мундира он нашёл увядшую и помятую розу, но ни объяснить, ни вспомнить, как она

туда попала, так и не сумел. Картину он положил в постель и накрыл одеялом – сам не понимая, зачем это делает. Женщина благодарно улыбнулась ему; Саймон поцеловал её и пообещал, что скоро они увидятся; после этого он отправился на её поиски...

А поиски возлюбленной были длительны и безрезультатны – за шестнадцать дней он изучил каждый сантиметр замка и сада. «Девяносто пять дней одиночества» – записал Виммер по своему обыкновению в «календаре». Он совершенно перестал следить за своей внешностью; перестал бриться и умываться по утрам. От бывшего великолепия генеральского мундира не осталось и следа: погоны съехали на бок, одежда была грязной и сидела на нём мешковато. Нет! Его это совершенно не интересовало! Он всё понимал! Через несколько дней он станет полноправным Властителем Планеты. Об этом он часто говорил со своим новым другом, министром юстиции – старым каштаном, ветви которого едва не касались окон его любимой башни. Виммер просто поражался, насколько здраво тот рассуждал о делах юриспруденции с главным дворецким и постельничьим Повелителя Земли – только сумасшедшие приняли бы этих двух за кресло и этажерку с книгами.

Музыку он теперь слышал почти постоянно. Это были настоящие симфонические концерты, на которые собиралось много народу. Только министр юстиции не мог поместиться в замке и слушал музыку через окна, одобрительно кивая головой с большими усами. Здесь появлялись многие знаменитости: чуть ли не каждый вечер руку Виммера пожимал Иоганн Себастьян Бах, лично настраивавший инструменты; Саймона чрезвычайно радовали и развлекали философские беседы Сократа с Аристотелем – они появлялись почему-то в доспехах, но это никого не интересовало. Бывала здесь и Изабелла Баварская – с ней под руку обычно приходил Эдгар По; вместе они смотрелись чудесно. В замке были почти все, о ком Виммер когда-либо что-нибудь слышал или читал – почти все до единого. Саймон отговорил Пушкина стреляться с Дантесом и помирил Микеланджело с Леонардо да Винчи, а после – и с Рафаэлем. Он был счастлив. Особенно он радовался, когда Достоевский познакомил его с Кирилловым; тот поначалу не хотел разговаривать с Виммером, но узнав, что он скоро будет Повелителем Всего Сущего,

улыбнулся – и посоветовал немедленно застрелиться; все трое рассмеялись. Со Ставрогиним Виммер тоже поначалу не сошёлся, но потом их отношения улучшились; в этом им помогли Лукиан и папа Иннокентий III.

Одно, только одно ужасно огорчало Виммера – он никак не мог напасть на след своей любимой; он показывал всем своим гостям её портрет – увы! – никто ничего не знал о ней; дон Жуан открыто признался, что он не только не знает её имени, но и вообще видит эту даму впервые.

- Вы что – считаете меня за сумасшедшего? – кричал Виммер на гостей. – Ведь я чувствую, что она где-то рядом! Она где-то среди нас! Кто из вас укажет мне её местонахождение, тот будет назначен моим вице-президентом!

Гости только переминались с ноги на ногу: Людовик XIV молчал, опустив голову; Софокл о чём-то шептался с Виктором Гюго, рядом с ними безучастно стоял Клод Фролло; Иисус Христос задумчиво теребил гвоздь в ране левой руки. Решительно, Виммеру никто не мог помочь! Он рассердился – и выгнал из замка всех, кроме маркиза де Сада, которому долго рассказывал о своей любви к незнакомке. Де Сад внимательно слушал его, но попыток утешать не предпринимал. Наконец за ним подали карету – и Виммер вновь остался в одиночестве.

Сегодняшнее одиночество особенно угнетало его. Он не находил себе места. Зачем он так рассердился на гостей?! Ведь какое удовольствие доставляла ему болтовня с Тутанхамоном о процессе правления; как приятно было слышать легко льющуюся речь герцогини Валентины Миланской – и вот! Теперь ничего этого нет.

- Ужасно одиноко! – Саймон налил себе коньяку. – Я ведь всё равно тебя найду! – Он бросил взгляд на картину и послал любимой воздушный поцелуй. Потом засмеялся. – Найду!

Любимая улыбалась.

- Ты мне не веришь? – взорвался Виммер, не в силах более выносить её улыбку. – Раз так – берегись!

Он подскочил к стене и сорвал с неё турецкую саблю. Подбежав к столу, на котором покоилась картина, он нанёс по ней несколько страшных ударов. Пот стекал по его искривлённому от злости лицу;

верхняя губа приподнялась, обнажив грязные зубы; из груди вырывалось звериное дыхание. Три удара, шесть... Достаточно было бы и одного – после первого же удара картина превратилась в щепки, но Саймон уже не мог остановиться. В дикой ярости он рубил всё, что попадалось ему под руку: стол, шкафы, деревянную обшивку камина... Не моргнув глазом он изрубил в куски и своего постельничьего; он даже не обратил никакого внимания на это убийство.

- Найду нового! – кричал он с пеной у рта, разрубая старинный диван. – Я вам покажу, как мне перечить!

Превратив диван в гору деревянных обломков и куски материи, он принялся разбивать зеркала и стёкла в окнах – швырялся по ним, чем попало: подсвечниками, книгами, стаканами. И всё время смеялся и плакал.

Погром закончился лишь глубокой ночью – совсем обессиленный и пьяный, Виммер упал на пол и, несколько раз сильно вздрогнув, заснул. Ему приснилась дама с картины; он гулял с ней по лесу, ведя за собой двух лошадей. Повсюду пели птицы; лес был как живой – ветви ласкали лицо женщины, ветер играл её волосами, она улыбалась. Саймон шёл рядом с ней и смеялся, смеялся без остановки. Почему ему было так смешно? Он услышал – впервые услышал! – её голос; это напомнило ему и журчание ручейка, и рёв водопада одновременно. Почему он не спросил, как её зовут? Зачем же? Он знал – её зовут Матильда. Да, это имя очень шло к её лицу, но произнося это сочетание букв, Виммер почему-то испытывал тошноту...

Что-то толкнуло Саймона – и он проснулся; солнце уже посылало свои лучи сквозь разбитые окна.

- Кто? – воскликнул Виммер не своим голосом. – Кто посмел разрушить сон Повелителя?

Он осмотрелся вокруг мутными глазами, но никого не увидел. Часы показывали десять. Десять утра девяносто шестого дня одиночества... Никого из гостей не было видно – ещё рано. Но тогда кто же посмел разбудить его? Виммера передёрнуло от холода.

- А, так это ветер! – усмехнулся он. – Ладно, я тебя прощаю: ты не ведаешь, что творишь...

Он поднялся с пола. Пнул ногой лежавшую рядом саблю; что-то пробормотав, плюнул. Взял какую-то книгу и попробовал читать; про-

читав страницу до конца он начисто забыл, о чём говорилось в начале. Бросил книгу на пол и потянулся к изрубленному столу за выпивкой.

- Что же это происходит? – громко спросил он себя. – Всё было так замечательно, и вдруг – одиночество... Я могу убежать отсюда! – эта мысль заполнила всё его существо. – Чёрт возьми! Это элементарно! А-а-а!.. – он укусил себя за руку. – Кто же тогда будет Правителем? Законодателем? Воином? – он снял со стены двуствольный пистолет и бросил его на кресло. – Я человек рассудительный!

При этом он лукаво погрозил пальцем своему отражению в случайно уцелевшем от вчерашнего погрома зеркале. И начал загибать пальцы:

- Осталось пять дней, это немного. Даже не стоит больше вести календарь... Я так хочу!

Его отражение в зеркале вытянулось по швам – Виммер остался доволен.

Предпоследние четыре дня Саймон провёл в башне. Из гостей никто не являлся.

- Наверно, обиделись и покинули меня навсегда, - рассуждал Виммер. – В такую минуту! А жаль... Я был очень ими доволен! Хорош был толстяк Чичиков!.. Да... – он закурил трубку, поскольку правителям не пристало курить сигары. – Как же там её зовут? А, Матильда... Ой, не могу... тошнота! Послушай-ка, - обратился Виммер к факелу на стене. – А разве ты не считаешь, что Монте-Кристо в прошлый раз несколько хватил через край, вызвав на дуэль деревянного Анубиса? Ха-ха! Вот уж комедия... А этот, как там его... Эврипид, что ли? Учил меня слагать стихи или не помню... писать что-то... Смех! Да мне ничего не стоит порвать в куски любого Полифема! Слышишь, урод! – крикнул он своему министру юстиции, который начал раскачивать ветвями от ветра. – Не переживай! И тебе перепадёт железный крест.. Я всегда думал: а почему звёзды – пятиконечные? А если нарисовать звезду с одним концом – что это будет? Надо попробовать... Одноконечная звезда – вот мой новый символ! Символ моего правления. Сколько у неё концов – столько и правителей. Поэтому я – самодержец! Один конец!

Он швырнул погасшую трубку себе под ноги:

- И ты умрёшь, лишь я один – бессмертен... О, кажется, у меня начинают получаться стихи! Значит, недаром мне досаждали поэты! Интересно, интересно... Это, собственно говоря, надо бы немного продолжить... Эх, как там? Жаль, забыл, забыл... Ничего! Талант есть – и это главное. Придумаю что-нибудь поновее... Да...

Он подошёл к окнам, из которых открывался вид на деревню и поля с крестьянами. Люди работали далеко друг от друга, и это привело Виммера в бешенство:

- Как, чёрт возьми! – кричал он, скрипя зубами и сжимая кулаки. – Почему вы далеко друг от друга? Почему молчите, идиоты? Неужели вам не хочется общаться между собой? У-у-у, скоты!

Пена летела с его посиневших от злости губ; глаза – прежде мутные – сверкали. Но, несмотря ни на что, он чувствовал себя прекрасно: ведь завтра – последний день его пребывания в замке Дьявола. О! Об этом он не забывал ни на минуту! Так же, как и об одиночестве. Оно продолжало глотать его всё сильнее, сильнее...

Виммер увидел её, когда спустился из башни и прошёл половину коридора; Матильда сидела на одном из уцелевших диванов и читала какую-то книгу. Саймон остановился в нерешительности на пороге зала – женщина увидела его. Виммер постоянно видел её улыбающейся; нет, она улыбалась и теперь, но только очень странно – то ли с болью, то ли с жалостью, а может, с тем и другим одновременно.

- Зачем ты убил меня, Саймон? – спросила она грудным голосом, глядя ему в переносицу. – Разве я сделала тебе что-нибудь плохое?

После этих слов Виммер упал на колени и вспомнил причину погрома от начала и до конца. Он ползал по полу и дрожал, словно в лихорадке. Несколько раз он, поднимая глаза к потолку, восклицал: «О, нет!... Только не сейчас!..» – и бил себя руками по лицу. Вдруг он сел на пол и протёр глаза, осознавая, что всё происходящее – наваждение. Ведь это невозможно – разговаривать с персонажем картины! Даже если это Матильда! Виммер ещё раз протёр глаза – видение не исчезло; не пропало оно даже после того, как он ущипнул себя за руку.

- Я ни в чём тебя не обвиняю, - продолжала Матильда; Виммер

смотрел на женщину хлопая глазами. – Я не имею права обвинять своего будущего Повелителя...

Эти слова ударили Виммера по барабанным перепонкам, словно звук от разрыва бомбы. Он вспомнил, кем он должен стать через... самое большое – сутки; он вспомнил также, кем он был несколько месяцев назад, до той самой поры, пока не заключил договор с Дьяволом – простым, серым, ничем не примечательным человеком. Виммер сжал кулаки от злости, но по какой-то причине решил сменить гнев на милость.

- Почему же ты не являлась ко мне, почему не поддержала меня среди моей скуки и одиночества? – неожиданно спросил он. – Или ты совсем не боишься ослушаться меня? Ведь мне ничего не стоит лишить тебя лошади и пышных одежд – за неповиновение я вполне могу сделать тебя из принцессы посудомойкой или прачкой!

Женщина хотела что-то сказать, но Саймон перебил её взмахом руки:

- Известно ли непокорной, какую участь я тебе уготовил при моём понтификате, который начнётся через сутки? Ты стала бы земной Богиней, тогда как я был бы земным Богом...

Он подошёл к ней и сел рядом; Матильда несколько отодвинулась от него – а может, ему это просто показалось?

- Чего же ты ждёшь? – резко спросила его будущая супруга.

- Чего же я жду? – Виммер опустил глаза в пол. – чего же я жду? Станный вопрос для Богини... Как – чего? Я жду завтрашнего утра, последнего утра; того утра, когда Саймон Виммер будет ещё человеком. Послезавтра в каждой стране я прикажу установить по десятку памятников в свою честь: это будет, пожалуй, моим первым государственным актом. Вот и стану я Богом... Но, признаюсь – или я тебя не понял, или ты нарочно высказала свою мысль очень непонятно. Будь же любезна...

Саймон поднял глаза на женщину – и даже подпрыгнул от неожиданности: рядом с ним никого не было!

- Чёрт подери! – воскликнул он, страшно кривя лицо. – Ты продолжаешь играть со мной?! Да я прикажу тебя колесовать, повесить или сжечь, проклятая девчонка! Где ты, убийца сердца моего?

Он почему-то решил, что женщина незаметно ушла в сад – и, распахнув двери, Саймон вылетел на улицу. Около ворот он наткнулся на своего знакомого – кажется, это был Данте – и с размаху крикнул ему в лицо:

- Где эта тварь? Ты должен был её видеть!

Человек равнодушно посмотрел на него и произнёс:

- O vos omnes, qui transitis per viam, attendite et videte, si est dolor sic ut dolor meis...

- Ах ты, чёртов стихотворец! – взорвался Виммер. – Сумасшедший поэт, болван! – и кинулся от него прочь по тенистым дорожкам сада.

Вскоре, запыхавшись от бесцельной беготни, он опустился на скамейку в небольшой беседке, возле цветника. Он о чём-то говорил, размахивая руками и разбрызгивая слюну, но в то же время в страхе оглядывался по сторонам, словно загнанный зверь. Что за страх так мучил его? Был ли это страх смерти? Виммер ничего не мог ответить, но это его вовсе не интересовало. Ему было слишком одиноко, чтобы думать о чём-нибудь помимо человеческого общества.

Так, в отчаянии, он и провёл всё время до полуночи. Виммеру удалось каким-то чудом обуздать свои нервы и прилечь поспать; во сне он дико метался по кровати, спасаясь от кошмаров, преследовавших его до самого утра.

Проснувшись, он не сразу мог узнать место, где он провёл ночь; память возвращалась к Виммеру очень медленно – да, он в замке Дьявола, в центральном зале. Потом его словно подбросило изнутри: да ведь сегодня – последний день одиночества! Саймон даже не дал себе возможности поразмыслить, каким оно было в последнее время – ведь за последние две недели в замке перебывало огромное множество народу. Разве это можно было назвать одиночеством?

Но Виммера это не занимало: он думал только о скорейшем окончании дня. Несколько раз он громким криком оглашал замок, пытаясь призвать своих гостей; однако никто так и не появился. Он был брошен всеми – Богом, Дьяволом, людьми и даже видениями; ему оставалось разговаривать лишь со своим отражением в зеркале.

- Они покинули меня, - громко вздохнул Виммер перед зеркалом

в спальном зале, – и сегодня я одинок больше, чем в любой из предыдущих дней.

Он отошёл от зеркала и медленно спустился вниз по лестнице, в центральный зал. Он, как и в прошлый раз, ожидал увидеть Матильду, но зал был пуст.

- Ах, как же мне одиноко! – Виммер сел прямо на стол, смахнув с него кувшин и вазу; они покатались по полу, издавая громкий металлический звон. – Не понимаю: почему я не могу возрадоваться, если сегодня последний день? Насколько же мне всё осточертело! Как хочется уйти отсюда поскорее – с Дьяволом, без Дьявола – всё равно.

Через открытые двери Саймон видел толстые высокие стены забора; он прекрасно понимал, что для их преодоления необходимы сверхъестественные усилия. Но, чёрт возьми, отыщи он сегодня в замке лопату – пошёл бы на подкоп!

- А ведь уже осень, - Саймон говорил всё более повышая голос. – Нет, не может быть, что я провёл здесь сто дней! Наверняка замок заколдован или время тут идёт совсем по-иному. Я здесь никак не меньше тысячи лет! Может, Дьявол просто обманул меня? Или, скорее всего, обманул себя я сам? Может ли человек столько времени быть одиноким? Настолько одиноким, что теряет интерес ко всему существу?

И тут некая мысль ослепила его; она пронеслась в мозг Саймона со стремительностью кометы и обожгла его подобно тысяче Солнц:

- Нет! Конечно, нет! Человек на это просто не способен! В таком случае, я перестал являться человеком. Из этого следует, что я – Бог... Впрочем, я и не отрицаю свою несколько божественную сущность; ведь как-никак я – Повелитель. Но человеческого во мне остаётся с каждой секундой всё меньше и меньше... Я одинок – очень одинок! – но разве это не удел Богов? – он поразмыслил и зевнул. – Нет всё-таки... Боги окружены ангелами и святыми. Они – в центре поклонения и... общества. Следовательно, я – не Бог. Может, я уже был Богом, но только не успел заметить, когда же именно? Можно ли мне всё ещё вернуть свою божественность? Или она всё ещё ждёт меня впереди?

Виммер задумался и молча водил глазами по коллекции оружия на стене. Тяжёлый двуручный меч времён британского семицарствия; дуствольный пистолет с вензелем или гербом на рукоятке; аркебуз, мушкет, турецкий ятаган... Что-то толкало Виммера подойти к стене поближе, но какое-то внутреннее чувство заставляло его по-прежнему сидеть на месте. Вскоре эта борьба вышла на уровень сознательного; Саймона раздирали ужасные мысли и предчувствия: он хотел подойти к стене поближе и в то же время страшно боялся это сделать. Колени его дрожали; рубашка, мокрая от пота, стекавшего по спине с затылка и шеи, прилипла к телу; глаза навывкате чуть не выпадали из глазниц. Схватившись руками за голову, Виммер сполз со стола на пол и прислонился к одной из его ножек. Однако легче ему не стало – стена по-прежнему притягивала всё его внимание, притягивала его самого. Больше Саймон не мог, да и не хотел сдерживаться; ему уже надоела эта непонятная внутренняя борьба, порождавшая панический ужас перед сверкающей оружием стеной: он подскочил на ноги как резиновый мячик – и в три прыжка оказался возле зловещей своей цели; с размаху прижался к ней всем своим дёргающимся в конвульсиях телом. Он плакал и слёзы скатывались на пол, разбиваясь на тысячу капель; он плакал взахлёб, словно маленькая обиженная девочка, у которой отобрали её любимую куклу. Но он не мог объяснить причину этих слёз – почему? Он знал, что плачет от одиночества, но такое объяснение было явно неполным; ещё какая-то причина витала над ним, вот только он никак не мог её ухватить. Плакал он также оттого, что чувствовал и осознавал то, что ему вовсе не нужно хватать эту мысль за хвост – чем бы она могла ему помочь? Матильда? И вообще – чем бы ему могли сейчас быть полезны люди? Неужели они спасли бы его? Возможно. Но вокруг никого нет, поэтому не стоит мечтать о том, что невозможно.

В какой-то миг Саймон вдруг перестал плакать; ему самому стало удивительно, насколько неожиданно закончились слёзы – словно его организм выдал их определённую порцию и перекрыл слезоисточающие каналы глаз. Виммер чувствовал себя немного лучше – он даже набрался храбрости и отважился посмотреть на

стену долгим, пронзительным, изучающим взглядом. Что-то в его мышлении окончательно перевернулось, перевернулось безвозвратно; теперь он не мог бы ответить, что именно вызывало у него страх перед стеной. Одно было ясно до конца – это не был страх перед развешанным на ней оружием. Виммер подпрыгнул и сорвал со стены двуствольный пистолет французского производства; на вид ему было лет сто, не более. Он опустил на корточки и прислонился спиной к стене, не выпуская оружия из правой руки; оно было заряжено и – странно! – от этого открытия душа Саймона словно успокоилась. Он закрыл глаза; перед его взором начали появляться картины прошлого – вот мать везёт его маленького в колясочке... он видел всё словно в тумане, который время от времени разгонялся лёгким ветерком; вот он, несколько повзрослевший, выходит с друзьями из школы – сегодня он получил плохую отметку по математике и знает, что по приходу домой получит хорошую взбучку от родителей; а вот и он сам – в теперешнем возрасте – заключает договор с Дьяволом в собственном доме... Виммер открыл глаза, но видения не исчезали: он словно продолжал смотреть на самого себя, на Саймона Виммера, который со смехом решил, будто сто и один день одиночества совершенно плёвое дело...

- А-а-а! – он с криком бросился к своему двойнику, намереваясь схватить того за горло. Видение мгновенно рассеялось, как дым. Саймон повертел пистолет на пальце и сел на ступени лестницы. Одиночество душило его; после таких видений оно стало вообще непереносимым.

- Кириллов захотел стать Богом – и стал им, - рассуждал Виммер вслух. – Я же не хочу уподобляться Богу; можно быть счастливым даже в толпе людей, которыми ты вовсе не повелеваешь. Бога нет – значит, всё дозволено... Ха-ха-ха! – Саймон засмеялся, внимательно рассматривая блестящий предмет в своей руке. – Но меня эти вопросы не занимают. Они мне совсем неинтересны. Основным пунктом отправления в мышлении моего русского коллеги была его заявка на божественность; я же стараюсь вырваться из тесных и железных объятий сковавшего меня одиночества... Как? Неужели я раньше не мог осознать, что могу стать повелителем

когда угодно? Ведь и Матильда спрашивала меня о том, чего же я ожидаю! Я жду избавления от одиночества – почему надо быть терпеливым до завтрашнего дня? Что могут изменить несколько часов? Ничего, ровным счётом... Чего ради я буду продлевать так надоевшее мне ожидание и более того – одиночество? Нет! Лучше смерть, чем ещё несколько минут чувствовать себя оторванным от мира людей, быть совершенно одному... Если я мог бы что-нибудь сделать, что-нибудь придумать... Боже мой!

Виммер судорожно сглотнул; его правая рука начала медленно подниматься с колен. Вот она уже на уровне рёбер; ещё немного – и она поравнялась с шеей. Виммер закрыл глаза, когда почувствовал холодное прикосновение металла к виску. Ему стало холодно: подумалось о том, что уже осень, а двери в замок раскрыты настежь. Затем он вспомнил, что ему ужасно одиноко, одиноко как никому; всплыли в памяти слова поэта: «О, все вы, идущие по жизни, придите и узрите, есть ли где такая скорбь, подобная моей скорби?..»

«Нет, - в смертельном страхе подумал Виммер, - я больше не хочу, да и не могу мириться с этим проклятым одиночеством! Дьявол оказался в выигрыше, я не могу обвинять его; но терпеть такое одиночество дальше может только настоящий безумец! Хочу слышать голоса мужчин и женщин, детей и стариков; хочу сам говорить с ними о последних пустяках; смеяться над самыми глупыми и идиотскими шутками. Но только не это! Только не это!»

Виммер почувствовал, как его палец сам вцепился в оба курка и с силой надавил на них. Резкая, короткая боль пронзила всё его тело, но он был ей даже благодарен: она отвлекла его, пусть хоть и ненадолго – Саймон переключил всё внимание на эту боль, перестав думать о своём одиночестве...

Грохот выстрела потряс всю округу на несколько миль. Крестьяне, работавшие на полях, вздрогнули и посмотрели друг на друга. Старик стащил с головы свою соломенную шляпу и тихо произнёс:

- Ровно сто дней! Долго... И всё-таки этот замок – проклятое место для его владельца. Сто дней!

- Этот ещё долго продержался, - сказал подошедший к нему юно-

ша. – Как вы помните, предыдущий владелец замка застрелился на восемьдесят четвёртый день.

- А тот, кто был перед ними обоими, - вмешался в разговор третий мужчина, - покончил с собой на шестьдесят третьем дне... Долго в замке никто не живёт.

- Однако, можно не сомневаться – пройдёт некоторое время и в замке объявится новый хозяин, - надевая шляпу сказал старик.

И мужчины, молча покачав головами, снова взялись за работу.

Ужас Кастерхолла

Тяжёлый ключ трижды повернулся в замке с яростным скрежетом – и старинные двустворчатые двери, застонав, распахнулись. Лучи солнца осторожно легли на запылённый пол, осветив также старинное кресло привратника в центре холла и уходящую в верхние покои лестницу из серого мрамора. Сделав шаг внутрь, Энтони разглядел свисавшие с готического потолка люстры, в которых ещё находились оплывшие огарки свечей и несколько почти не пропускавших света окон, выложенных витражами. Углы холла были сплошь затянуты паутиной; над давно потухшим камином висела почти совсем истлевшая оленья голова. Запустение было полным. Запах заброшенного помещения так и витал в воздухе.

- Добро пожаловать в Кастерхолл, леди и джентельмены! – патетически произнёс Энтони и шагнул в центр зала, приглашая тем самым войти и остальных. – Полагаю, что после продланного нами пути вторжение в музей моих предков никого из них не обидит... Клянусь, что времяпровождение в Кастерхолле никогда не изгладится из вашей памяти!

После его слов вся весёлая компания шумно ввалилась в зал, устраивая своим нелепым вторжением в тишину невообразимую суматоху: Синти и Энджел почти волокли по полу огромную сумку с продуктами, поднимая при этом целые ураганы столетней пыли; шедшие за ними Майк, Шон и Уильям, так же нагруженные всевозможными свёртками, только чертыхались и плевались от поднятой девчонками пыли. Далее в замок ввалились Джейн, Роза и Джордж: кто из них тащил топоры и пилы, кто – вёдра и кастрюли; последней, внимательно оглядываясь по сторонам, вошла Линда – она несла в руках несколько одеял. Компания сложила принесённые вещи в кучу посреди зала и, словно сговорясь, пришедшие молча усталились на Энтони.

- Итак, лорд Кастерхолл, - кокетливо произнесла Роза, описывая рукой полукруг в воздухе, - итак, мы здесь, в ваших милых владениях. Что же мы будем делать теперь – осматривать замок или, отложив экскурсию по подземельям на потом, начнём обустраивать возможные спальные места?

- Я думаю, - Энтони посмотрел на наручные часы, - я думаю, сначала найдём места для отдыха и приведём их в порядок – ведь до захода Солнца осталось два-три часа; а затем – при свете факелов, – оцените романтику! – мы сможем наслаждаться осмотром замка по всему его периметру... Идёт?

- Здорово! – отозвался Шон, взъерошив волосы Синти, на что получил от неё лёгкую имитацию оплеухи. – Сначала следует позаботиться о мягких кроватях под балдахинном – а уж тайны Кастерхолла от нас никуда не сбегут...

- А это действительно правда, Энтони, - перебила его Джейн, присаживаясь на корточки перед старинным креслом и внимательно рассматривая его, - что один из твоих предков занимался колдовством в этом самом замке?..

- Послушай, крошка! – влез в разговор Уильям. – Как мы и договаривались, все ужасные легенды и леденящие душу истории будут обсуждаться во время ужина...

- Тогда – давайте за работу, - кивнул головой, соглашаясь с ним, владелец замка. – Как я полагаю, трапезная и комнаты для гостей в Кастерхолле находятся на втором этаже. Поэтому – прошу! – и он вытянул руку в направлении лестницы наверх.

Второй этаж оказался намного светлее первого; там было даже несколько теплей. Широкий коридор со множеством маленьких лестниц и поворотов предстал перед глазами новоприбывших. Более десятка массивных дубовых дверей выстроились справа и слева от поднявшейся наверх компании. Давным-давно догоревшие факелы пиками выпирали из древних каменных стен, обильно затянутых плесенью и паутиной. Конец коридора венчался огромным окном с витражами и уходящей на третий этаж витой лестницей с полуманьями местами перилами. Повсюду лежала веками не тронутая пыль. Высокие потолки, опускающиеся на металлических тросах люстры, громкое эхо от малейшего движения – всё это непередава-

емо давило на пришедших любителей весёлых приключений тяжестью прошедших столетий.

Толкнув первую попавшуюся по коридору дверь, друзья попали в одну из опочивален для гостей – квадратную, футов двадцать на двадцать залу; центральное место в ней занимала большая кровать под балдахином («Ого! – подумал Шон. – Вот тебе и сексодром по желанию!»); в простенках между двумя большими окнами, на которых ещё остались куски истлевших от времени штор, стояли изящные шкафы со множеством выдвижных ящиков и роскошное трюмо; у стены, ближе к одному из окон, стоял письменный стол и большой сундук; на нём, как и на столе, имелось несколько канделябров. Сразу около входа располагался камин, возле которого ещё лежало несколько поленьев. И пыль... повсюду пыль.

- Замечательно! – сотрясла тишину Энджел. – Да это будет лучше любой гостиницы! Короче, мы с Шоном остаёмся здесь и объявляем территорию своей спальней... Надеюсь, лорд Кастерхолл не будет против?

Энтони равнодушно повёл плечами, показывая, что ему всё равно:

- Что ж, тогда вы можете начинать приводить комнату в порядок... Кстати, - он мотнул головой в сторону камина, - неплохо бы ребятам сходить в лес и свалить пару елей, коли мы не хотим ночью помереть от холода...

- Ну, эта ночь обещает быть жаркой, - улыбаясь вставил Майк, обнимая Энджел за талию. Она притворно оттолкнула его:

- Эй, Майк, пусти меня и не лапай раньше времени! Лучше отправляйся нарубить дров, пока светло.

- Верно! – заметил Джордж, поглядывая на Солнце. – Через час, пожалуй, стемнеет... Давай, Энтони: находи места для остальных; девчонки пусть займутся комфортом и ужином, а мы – в лес.

И вот в старинном замке начался ужаснейший кавардак – далее по коридору были найдены ещё четыре комнаты, размерами и обстановкой похожие на первую; были принесены щётки, тряпки и прочие необходимые для капитальной уборки предметы. По всему замку раздавался топот ног и весёлые перекрикивания девушек. Тем временем парни хозяйничали в большой трапезной – они сдвинули

два тяжелых дубовых стола один к другому и придвинули к ним ещё крепкие скамейки.

- А теперь – в лес! – скомандовал Энтони.

- Слушай, если в замке всё так прекрасно сохранилось, то тебе, пожалуй, совсем не придётся тратиться на покупку мебели! – заметил ему Уильям.

- Да, антиквариат всегда был моей страстью, - задумчиво ответил ему хозяин.

- Так мы идём за дровами или нет? – напомнил всем Джордж. – Потом будет поздно.

- О'кей, пошли за топорами и пилами, - нехотя выдавил из себя Шон, передёргиваясь от мысли о предстоящей работе.

Столько лет проведенный в молчании замок стал неузнаваем: смех молодых людей, их разговоры и работавшее на всю катушку радио полностью преобразило эту твердыню одиночества и запустения. На многие и многие мили от человеческого жилья находился Кастерхолл, но сегодня и он мог именоваться настоящим, пышущим очагом жизни и веселья, коего он не видел уже много сотен лет. Пока девушки наводили порядок в его спальнях и трапезной, таская туда-сюда подушки и одеяла, парни вышли за ворота замка с топорами к ближайшим деревьям. Морозный воздух и солнце, подобно вину, ударили в голову. Настроение у всех было отличным. И таким оно обещало быть целую неделю.

- Так: Майк, Джордж и Уильям – валите эту пару деревьев, - распряжался Энтони. – Ты, Шон, помоги... Нет, давай сначала сходим и возьмём точила из автомобиля.

Стук топоров громко разносился по лесу; из замка доносилась весёлая музыка. Деревья рухнули, но не успели занятые ребята обратить их в дрова, как Шон и Энтони появились снова.

- Чёрт! Где вас носило столько времени? – утирая пот со лба крикнул Майк. – Чтобы сходить до автомобилей, не нужно двадцати минут!

- Кончай работу, господа лесорубы! – спокойно сказал Энтони, дружески хлопая его по плечу. – Дровами мы с вами обеспечены на целое столетие.

Майк хотел расспросить его подробнее, но в разговор вмешался Шон:

- Да, мы нашли дрова – их в замке целая зала!

- Дровница, - также спокойно поправил его Энтони. – К тому же мы нашли воду; значит, нам не придётся каждое утро черпать ведрами снег...

- Пошли, ребята! – неугомонно вопил Шон. – Мы вам покажем... эх, чёрт! Вот это круто!

Закрыв ворота замка, парни спустились узкой лестницей в подвал. Энтони и Шон зажгли карманные фонарики:

- Первая зала по коридору налево.

Лязгнула тяжёлая дверь, рукоятка которой была изображена в форме драконьей морды. Здесь было более холодно, хотя в воздухе чувствовалась влага. На полу местами блестел иней.

- Надо будет установить новые факелы на стенах, - двигаясь вперёд рассуждал Энтони, казалось бы, сам с собой.

Шаги идущих гулко отдавались в холодном и закрытом помещении. Свернув в открытую дверь, парни вошли в дровницу – зал футов тридцать на тридцать, как показалось при свете двух фонариков; дрова были аккуратно сложены вдоль стен в несколько рядов, а возле входа они были беспорядочно свалены в огромную кучу. В центре зала находились два колодца. Джордж поочередно заглянул в каждый из них, светя вниз взятым у Энтони фонариком:

- Да это просто замечательно! И в том, и в другом есть вода – и она не замёрзла!

- Дров тоже завались, - вторил ему Шон, - просто Энтони сказал мне: «Давай-ка спустимся на минуту в подвал – вдруг что найдём?» А вы сразу разорались, что мы отлыниваем от работы... - сам он был готов молиться Богу от радости, что ему так и не пришлось валить деревья.

- Тогда давай обрадуем такой находкой и остальных, - обратился к нему Уильям. – Значит, делаем так: оставляем тут фонарики, чтобы, чёрт возьми, не переломать себе ноги в этой тьме, и начинаем таскать дрова по своим спальням и в трапезную. Потом наберём пару ведёр воды девчонкам – и пусть занимаются ужином.

- Наберём, но только не этим ведром, - Энтони пнул проржавевшую посудину на полу. – Оно и миллиграмма в своих стенках не удер-

жит... Что ж, тогда начали: кто нагрузит мне первую партию этих средневековых дров?

Работа – особенно дружная – спорится быстро. Парни летали по замку вверх-вниз, гремя охапками поленьев, задевая плечами стены и своих подруг; милые представительницы женского пола более-менее привели в порядок спальни и трапезную, готовясь заняться святая-святых вечера – ужином. И вот канделябры и подсвечники уже на столах; шашлыки и овсяная каша готовятся, согласно традиции, на натуральном огне; всевозможные сорта вин и кое-чего покрепче аккуратно расставлены между столовых приборов – торжественный ужин начинается. Гости Кастерхолла сидят за столом парами: Шон, маленький и болезненный учитель английского, занимает место рядом со своей подругой Синти – рыжеволосой красавицей, победительницей университетского конкурса красоты. Студент того же университета Уильям – широкоплечий крепыш с тёмными глазами, душа компании – что-то шепчет на ухо своей Розе, корреспондентке одной из ливерпульских газет. Майк и Энджел тоже создают впечатление прекрасной пары: он – самый юный, но перспективный бухгалтер в «United Brass Company» с требовательными взглядами на жизнь, она – известная, почётная поэтесса международного литературного клуба «Ars Magna», уже успевшая издать два нашумевших в эстетских кругах стихотворных сборника. Далее чинно восседает Энтони с Джейн – владелица Кастерхолла ничем особенным не выделялся: спокойный, вечно замкнутый; и как ему пришло в голову собрать в своём родовом гнезде эту шумную компанию? Он ничем не отличался от других – пока не стал законным лордом Кастерхоллом. А Джейн – просто романтический ребёнок: как будто ей не двадцать четыре, а четырнадцать! Как она может быть хорошей служительницей «Visa Interbank»? Впрочем, они тоже неплохо смотрятся. И, наконец, Джордж – горячий поклонник в рэгби – сидит рядом со своей милой; Линда очень красива, кажется, неужели она не могла выбрать никого получше, нежели простого клерка страховой компании, нос которого бывает разбит по меньшей мере раз в месяц? Линда умна и очень наблюдательна – в этом сходятся все её знакомые – значит ли это, что она заметила «нечто» в личности Джорджа? Словом, это была очень милая компания друзей, которые знали друг друга уже не год; возраст

их не превышал тридцати лет – и самым старшим среди них являлся Энтони, новый владелец Кастерхолла.

Вино налито в фужеры, аппетитно дымится мясо, жареное прямо в пламени древнего камина; горят свечи, мистически играя тенями на лицах гостей старинного замка. Уже произнесены тосты в честь хозяина и спичи по поводу удачного времяпрепровождения в этом месте; эхо готического зала подхватывает голоса молодых людей, таинственным образом усиливая их и преображая своими стенами и потолочными сводами.

- Послушай, лорд, - обращается к Энтони Шон, - так что там у тебя по поводу тайн Кастерхолла: привидений, кладов и прочей чертовщины?

- Кстати, Энтони, - подхватывают увлечённые девушки, - расскажи нам, что за легенды ходят об этом месте?

- Верно! – усмехается Джордж. – Дамы захотели послушать страшных сказок на ночь; говорят, это повышает сексуальную активность...

- Да ничего особенного я вам не расскажу, - неопределённо пожав плечами и отпив из бокала вина ответил Энтони. – Просто, как ходят слухи, около двухсот лет назад в Кастерхолле мой прапра... не знаю, сколько раз прадедушка приобрёл славу знаменитого чернокнижника и сатаниста, занимаясь страшными кровавыми церемониями и вызовами всех чертей с того света. Что-то, конечно, здесь и правда, что-то – выдумка...

- Но вот что именно? – не сдержалась сидевшая рядом Джейн.

- Брось, детка! – перебил её Майк. – Давным-давно доказано, что никаких привидений не существует, и верить в эту чушь – полнейший абсурд!

- Послушайте-ка, что говорит коренной англичанин – житель Страны Призраков, как называют Англию в энциклопедиях! – расхохотался Уильям.

- Нет, постойте! – Роза взглянула на окно; Солнца уже давно не было видно, тяжёлые сумерки накрыли собой и замок, и весь мир. – Я думаю, что именно то, что замок был покинут две сотни лет или более как раз и породило легенду о его бывшем владельце-нечестивце.

- Хм... – вмешалась в разговор Линда. – Как же объяснить то, что замок – отличный, в прекрасном состоянии – был всё-таки покинут? Не разрушен, ни продан – а покинут?

- Ну, милая, - протянул Джордж, обнимая возлюбленную, - это можно списать на глупого архитектора, который построил замок в лесной глуши и, – прости, Энтони, – на не менее глупого заказчика. Продать недвижимость в таком месте невозможно, а рушить – незачем; впридачу, это повлечет дополнительные расходы.

- Ходили слухи – это уже в нашей семье, - словно прислушиваясь к чему-то начал Энтони, - что этого моего предка-колдуна по приговору уж не знаю какого суда замуровали заживо в стену замка за его отвратительные деяния; и что он вовсе не мёртв, но словно находится под неким заклятием...

- Значит, этого твоего прапра... словом, его можно выпустить опять на свободу? – с ужасом выдохнула Джейн.

- Брось, милая! – Шон даже закачался от хохота. – Поэтесса среди нас только одна – это Энджел. И умоляю тебя – не ходи по её стопам.

Энджел снисходительно улыбнулась:

- Кстати, это очень поэтично – иметь в числе своих предков злодея-колдуна.

- А приговоривший его суд мне очень напоминает традицию Линча, - вставил Уильям.

- Что бы там ни было, у меня есть документ – в числе других, позволяющих мне принять владение этим замком, - сказал Энтони, доставая из кармана брюк сложенную вчетверо бумагу и разворачивая её. – Это и есть протокол суда, учинённого над моим почтенным предком. Прошу, кому интересно, ознакомиться с ним.

Старинная бумага с гербом владельцев Кастерхолла пошла по рукам, пока снова не вернулась к Энтони.

- Как видите, послужной список моего родственника довольно однообразен – ритуальные убийства, страшные церемонии и тому подобное; затем следует текст о вынесении приговора и его исполнении – замуровывания в стену заживо. И в конце документа – подписи свидетелей и исполнителей.

- Среди них – почти все аристократы, - задумчиво произнесла Линда. – Никак не похоже на простой Линчев суд в мужицком стиле.

- Да будет тебе, Агата Кристи! – хохотнул Шон, выпив залпом полбокала вина.

- А главное, - продолжала девушка, словно не заметив его восклицания, - главное, что документ точно указывает место, где был замурован этот сэр Эдуард Кастерхолл – подвал замка... И на стене в форме могильной плиты, где он покоится до сих пор, должен находиться мраморный крест.

- Отлично, друзья! – крикнул Уильям. – Это даёт нам повод поискать могилу сэра Кастерхолла после ужина, если кому-то очень интересно.

- Хорошо. Делать-то больше на сегодня нечего, - согласился с ним Майк. – А заодно – при свете факелов и фонариков – осмотрим замок.

- Это будет замечательно! – воскликнула Энджел.

- И как романтично, - улыбнулся, глядя на неё, Энтони.

В эту минуту замок словно сотрясся от порыва налетевшего ветра; витражи в окнах даже задрожали от его напора. Снег стал белой пеленой липнуть к стеклу. Компания от неожиданности вздрогнула, как один человек.

- Что за чёрт? – обернувшись к окну за спиной рявкнул Джордж. – Да уж не разбудили ли мы своими разговорами дух твоего предка, Энтони?

Новый хозяин замка улыбнулся:

- Не думаю. Это просто снег.

- Точно, - поддержала его Роза, облеглоённо вздыхая. – Помните, девочки, что сказали сегодня по радио? «Идущая с севера Шотландии снежная буря накроет весь средний регион острова...» Ого! Ну и снег!

- Хорошо, что дров навалом, а то выходить из замка в такую пургу – нет, спасибо! – засмеялся Майк.

- Так что – мы отправляемся на поиски могилы дедушки-привидения или нет? – напомнила Энджел.

- Ну, поскольку изысканный ужин закончен, то можно присту-

пить к более серьёзным делам, - заключил Уильям. – Энтони, как ты на это смотришь?

- О'кей. Давайте ещё подбросим дров в каминные наши спальни и трапезной, дамы тем временем уберут со стола и вымоют посуду – и на поиски, - милостиво кивнул головой хозяин замка. – Только оденьтесь потеплее, - обратился он к девушкам, - в подвалах замка чертовски холодно...

- У меня небольшая канистра денатурата, - спохватился Уильям. – Пойдём, Энтони, изготовим десяток хороших факелов.

После этого в замке опять поднялась суматоха: грохот кастрюль и тарелок в трапезной едва перекрывал шум огня в каминных спальнях. А из-за стен этой суматохе вторила невероятной силы снежная буря.

Вооружившись факелами и фонариками, компания спустилась по лестнице этажом ниже. Какая-то вязкая, гнетущая тишина окружала молодых людей и их подруг; она проникала в самую душу, завораживая их, чаруя и одновременно пугая. Тяжёлая дверь в подвал была открыта и Уильям зажёл факелы:

- Итак, далеко друг от друга не отходить, а в случае чего – орать во всю глотку, - пошутил он. Его друзья молчали в ответ, начиная свой поход во тьму по широким каменным ступеням.

Коротышка Шон выступал в роли гида, хотя сам тут был не более раза, да и дошёл он всего лишь до дровницы и колодезной:

- Итак, леди и джентельмены... вернее – леди, ибо джентельмены тут уже были, – слева от нас дровница и теперь мы её осмотрим... – он открыл дверь в залу. – Отсюда мы будем пополнять свои запасы дров и воды, пока находимся в этом чудесном месте... Далее, - Шон поправил воображаемый галстук, - далее... моя роль гида заканчивается.

Майк хохотнул; эхо его голоса пронеслось под сводами подвалов настоящим ураганом:

- Ладно, дальше обойдёмся без экскурсовода... Вперёд.

Они прошли и осмотрели ещё несколько помещений древнего подземного коридора, который казался вечным по своей протяжённости. Залы были сплошь заполнены ненужными, испорченными или вышедшими из обихода бытовыми предметами – шкафами,

столами, креслами; было среди них даже несколько неплохо сохранившихся статуй святых и божеств римского пантеона. Некоторые залы были совершенно пустыми, что казалось странным; только потом на стенах стали явно заметны при свете факелов и фонарей цепи с ручными и ножными кандалами, выдававших назначение этих залов как темниц. Девушки содрогались от этого вида и жались поближе к своим возлюбленным. Кое-где на полу им попадались кости бывших узников Кастерхолла. Тревожное ожидание главной находки, ради которой и был предпринят поход в подвалы замка, достигло своего апогея, когда компания осторожно вошла в последнюю залу перед каменной лестницей с перилами, ведущей куда-то вверх. С первого взгляда пришедшим стало ясно, что они обнаружили цель своих поисков.

Это было небольшое помещение футов десять на десять, совсем пустое; прямо от входа и находилось подобие могильной плиты со светящимся мраморным крестом в центре этого своеобразного надгробия. Под крестом была выбита надпись хорошо сохранившимися готическими буквами: CONDAMNATUS ES IN AETERNAM.

- Энтони, э-э-э... – выдавил из себя Джордж, - а документ суда, похоже, не подделка...

- Это латынь, - сказал Майк. – «Проклятый навеки».

Плита в стене произвела на друзей ужасное впечатление. Сказанное здесь было первыми словами с тех пор, как компания покинула дровницу. Тревожное напряжение так и зависло в холодном воздухе подземелий Кастерхолла.

- Я в этом и не сомневалась, - тихо произнесла Энджел, дрожа всем телом и боясь произвести громкое эхо своими словами.

- Вот что: давайте-ка убираться отсюда, - предложила Роза глядя на крест. – Очень уж тут мне не нравится; да и факел скоро потухнет...

- Да, давайте лучше осмотрим замок повыше этого подвала, - подхватил Майк, оглядывая всех по очереди и явно ища поддержки. И также тихо, освещаемая гаснущими фонарями и факелами, компания двинулась к ближайшей лестнице с перилами.

Все облегченно вздохнули, оказавшись в коридоре наверху.

- Ну, и где мы теперь? – полюбопытствовала, набравшись смелости, Синти.

- Судя по расположению замка, - ответил Энтони, высоко поднимая факел над головой, - мы сейчас обретаемся на том же этаже, что и наши спальни, но только с северной стороны... Замок ведь имеет форму квадрата, соответственно с тогдашними архитектурными методами.

- Чёрт возьми! – произнёс Джордж, оглядываясь по сторонам. – А лестниц-то сколько! Сам дьявол ногу сломит...

- В общем, на сегодня впечатлений достаточно, - заключила Роза, - предпочитаю осмотреть остальное днём. А как остальные? – вопросительно взглянула девушка на друзей.

- Мы, пожалуй, присоединяемся к твоему мнению, - за всех ответил Майк.

Завывания ветра вторили ему с улицы. Уильям подошёл к одному из окон:

- Ни черта не видно! Похоже, что нас тут занесёт как следует... Что ж, тогда – отправляемся спать!

И вся компания, в очередной раз облегчённо вздохнув, медленно двинулась по мрачному коридору.

Перед сном все собрались в трапезной за столом: парни молчали, девушки подозрительно оглядывались на каждое завывание ветра и шелест падающего за окном снега. Энджел стало плохо.

- Что, поэтическое воображение разыгралось? – без тени улыбки спросил её Майк.

- Да ну тебя к чёрту, это совсем не смешно! – гневно огрызнулась девушка.

- Ничего, милая, сейчас всё пройдёт и спать ты будешь спокойно, - подошёл к ней Энтони. В руках он держал блюдо с оставшимся от ужина жарким, бутылку и рюмку.

- Ты что – напоить её собираешься, что ли? – осведомился Уильям с усмешкой.

Энтони налил полную рюмку коньяку и подал Энджел:

- Нет, просто для успокоения и улучшения сна после таких приключений... То же могу посоветовать и остальным, - он указал глазами на бутылку. – У нас у всех нервы немного расшатаны. А утром всё как рукой снимет.

Энджел покорно приняла рюмку из рук Энтони и выпила еди-

ным залпом. Закашлялась, поперхнувшись. Энтони подал ей кусочек мяса и налил вторую:

- Давай, Энджел, ещё одну, последнюю.

Девушка выпила и, медленно пережёвывая мясо, удивлённо пробормотала:

- Ну и бабахнули же мы специй в жаркое! За ужином я даже не заметила...

- Что ж, теперь можно идти отдыхать, - зевая произнёс Шон, поднимаясь из-за стола. – А спать – и в том клянусь вам! – я буду очень долго. Мне уже по горло этот замок с его привидениями.

Не прошло и минуты, как все молча приняли предложение Шона и стали расходиться по комнатам. Они успели хорошо прогреться от пламени давно не топленных каминов; теперь комнаты были не такими холодными, как сразу после приезда гостей. Свечи в большом количестве горели на столах, трюмо и шкафах, немного успокаивая и возвращая людям уверенность, что эта ночь – первая ночь их пребывания в Кастерхолле – будет намного лучше вечера. Девушки прижимались к парням крепче – и вскоре только лёгкое дыхание и шелест углей в каминах нарушали тишину замка.

Внезапный женский крик разорвал эту тишину, эхом пронесясь по многочисленным коридорам и лестницам Кастерхолла; неоднократно оттолкнувшись от стен и дверей, он тут же поднял на ноги всех без исключения. Стремительно накидывая на себя одежду, обитатели комнат, спросонья спотыкаясь, выскакивали в коридор; глаза друг на друга, они задавались одним вопросом: «Что тут случилось и кто кричал?» И только всей гурьбой войдя в трапезную, они поняли причину ужасного вопля; от этого открытия девушки чуть не потеряли сознания, а парни молча переглянулись.

На скамейке, в одной ночной рубашке, неподвижно лежала Энджел; одна её нога была обута в тапочку, другая – голая. Вторая тапочка валялась в нескольких шагах от дверей. Неестественно заведённая за спину рука давала понять, что боли от этого Энджел не чувствует. Впрочем, кровавые порезы на её горле и теле, до сих пор кровоточащие и заливающие кровью пол и скамью, ясно указывали на то, что Энджел уже вообще ничего не чувствует. В её тёмных гла-

зах застыл ужас, дикий ужас; рот был полуоткрыт. На столе стоял стакан с водой, горело несколько свечей; под скамьёй валялся ещё один канделябр.

А потом раздался ещё один крик – это кричал Майк. Он совсем обезумел от вида своей милой! Юноша прижимал к груди мёртвое тело, называл любимую по имени, плакал... Его друзья стояли в молчании – да и чем они были в состоянии помочь несчастному? Один только Энтони, подойдя к Майку, положил ему руку на плечо:

- Возьми себя в руки, Майк. Ей уже ничем нельзя помочь. Нам надо...

- Плевать я хотел! – дико озираясь по сторонам завопил Майк и выругался. – Я хочу найти того подонка, который так поступил с Энджел!

- Это мог быть кто-то из нас, - медленно и отчётливо произнесла Линда, глядя на тело подруги.

- Или кто-то не из нас... – не менее отчётливо сказал Энтони и присел на корточки возле окровавленного тела.

- Ты хочешь сказать, что раны на теле Энджел нанесены твоим милым родственником? – спросил, подходя ближе к Энтони, Джордж. – Готов поспорить, что они нанесены ножом!

- Вот тебе и неделя отдыха! – выдохнула Синти; она была бледнее остальных и еле держалась на ногах. – Надо вызвать полицию и сообщить...

- Каким образом? – осведомился Шон, прижимая девушку к себе. – В Кастерхолле никогда ещё не было известно о таком изобретении, как телефон!

- Да, верно, - Энтони почесал затылок и, поднявшись, сел на скамью рядом с энджел, печально глядя на неё. – Завтра кому-нибудь из нас придётся смотаться в город за коронером... Однако, не пойму – кто, как и за что? – он закрыл лицо руками.

- Зато мне всё понятно! – Майк поднялся на ноги и схватил со стола большой нож. – Мне наплевать, кто убийца: призрак, кто-нибудь из нас или ещё кто – я перерою весь замок от подвала до чердака и найду его! Если это кто-нибудь из нас – он рано или поздно выдаст себя; впрочем, этот вариант я почти отметаю... Если это кто-то не из нашей компании – я найду его логово и прикончу мерзав-

ца... Кто со мной? – он вызывающе оглядел окружившую его толпу людей; глаза его горели вызовом и бешенством.

- Брось, дружище! – успокаивающе начал Уильям. – Это пустая затея...

- Тогда пошёл к чёрту! – воскликнул Майк, снова сверкая глазами и сжимая рукоять ножа. – Я обещаю весь замок – и тогда коронер к утру получит целых два трупа!

- Надо позаботиться об Энджел, - остановил его за руку Энтони. – дайте хоть вынесем её отсюда.

Тело убитой было перенесено в одну из комнат противоположной части коридора и положено, накрытое старинным покрывалом, прямо на пол; после этого Энтони с Джорджем занялись непродолжительной уборкой в трапезной. Затем молодые люди, вооружившись ножами и кочергами, снова собрались в коридоре. Майк никого не хотел слушать. Все прекрасно понимали, что искать убийцу ночью, да ещё в незнакомом замке – абсурд; и поддержать такую мысль – значит поддаться полному безумию. Но никто не хотел раздражать Майка, пережившего такую потерю. И он, несмотря на сильное потрясение, немедленно взял командование поисковой экспедицией на себя.

- Значит, так! – говорил он скороговоркой, раздавая всем факелы. – По замку особенно не разбредаться. Держаться, по меньшей мере, по двое и постоянно перекликаться. В случае чего – кричать и не задумываясь использовать нож или каминную кочергу... Пошли!

Это было странное зрелище: люди шли тёмными коридорами, вставляя ярко горящие факелы в подфакельники на стенах и постоянно озираясь на шум бури за окнами старинного замка; лезвия ножей тускло сверкали в пламени свечей; их голоса приглушённо разносились в огромном замкнутом пространстве. Компания разбилась на группы по парам; Майк присоединился к Энтони и Джейн. Люди бродили по тёмным коридорам и лестницам, время от времени громко перекликаясь по именам. Но от этого не было легче; ибо громкий звук и его эхо, рождающееся в таком месте, как Кастерхолл, само по себе вызывает чувство непередаваемого ужаса.

Битые два часа они лазали по замку, где только можно было пройти: ибо на третьем этаже за прошедшие годы случилось несколько обвалов потолков и стен, обломки балок и плит мешали

войти в некоторые комнаты. Впрочем, усталость и нервы давали о себе знать – и потому искатели постепенно возвращали на свой этаж, в трапезную. Собрались все – кроме самого Майка.

- Ну, наш детектив чересчур увлётся! – зевая произнесла Синти.
- Я просто падаю от усталости.

- Мы только что видели его с Джейн, - сказал Энтони, наливая себе коньяку. – Он был на лестнице между вторым и третьим этажами...

- Ладно, вы как хотите – а мы, пожалуй, пойдём, - отрезала Роза, взяв Уильяма под руку. – Майк, похоже, не собирается успокаиваться до утра. Надо дать ему выдохнуться.

- До встречи утром, во время завтрака, - поддакнул ей Энтони, и они с Джейн вышли из трапезной. За ними молча потянулись и остальные.

Одним из первых наутро собрались Энтони, Джордж, Линда и Уильям – другие ещё спали. Они уселись за стол в трапезной и принялись обсуждать случившееся. Так и не придя ни к какому выводу, они решили заняться приготовлением завтрака; Линда ушла будить остальных. Орудие убийства Энджел тоже не было найдено, однако все без исключения считали это ножом.

Один за другим в трапезной появлялись Шон, Синти, Джейн, Роза... не явился только Майк.

- Ладно, оставь ты его в покое, - ответил Уильям на предложение Розы разбудить Майка, - он наверняка устал за ночь так, как никто из нас.

Завтрак прошёл почти в полном молчании. Компания лишь переглядывалась, прислушиваясь к воплям бури за окном. Последняя настолько разошлась, что сквозь снежную пелену не видно было Солнца. Наконец, Энтони не выдержал и отложил вилку в сторону:

- Ну, так что мы намереваемся делать? Сворачиваем наши каникулы и едем в полицию?

- Я всё-таки позову Майка, - вызвался Шон и поднялся из-за стола. – Может, теперь нам нужна не только полиция, но и квалифицированная помощь психиатра.

Энтони кивнул ему:

- Да, позови его, Шон. Решить же надо, чем заняться!

Шон вышел из трапезной. Его шаги гулко отдавались по коридору, затем послышался скрип открываемой двери. И возглас Шона. Друзья повыскакивали из-за стола и выскочили в коридор. Но Шон сам уже спешил к ним:

- Эй, ребята! Майка нет в комнате! Где он, чёрт побери?

- Не похоже, чтобы он ещё нас мистифицировал. При его состоянии... – начал было Джордж.

Энтони оборвал его:

- Так. Даже совсем не зная замка, в нём практически невозможно заблудиться – он имеет квадратную форму. Но, тем не менее, отправляемся на поиски Майка.

- Может, он где-нибудь потерял сознание и лежит беспомощный? – еле слышно предположила Джейн, хотя по её лицу было заметно, что сама она вряд ли допускает такую возможность.

Опять были взяты в руки кочерги и ножи; на этот раз компания предпочла не разделяться на части.

Был безрезультатно обследован весь второй и третий этаж; при этом молодые люди постоянно звали своего друга по имени. Нет, на зов никто не откликнулся – только гулкое эхо было ответом на их старания. Все до единого ощущали давящую тяжесть тишины, высоких потолков и широких коридоров, увешанных старинными люстрами с оплывшими в них свечами. Идущие стали понимать каким-то шестым чувством, что молчание и тишина – это тоже крик, но крик куда более ужасный, чем любые создаваемые звуки этого мира.

И вот они спустились в подвал – холодный и кошмарный, как сама преисподняя. На самом пороге дровницы компания в ужасе замерла – никем не было издано ни звука! – факелы задрожали в руках парней; безумные тени заплясали на полу и стенах залы. Ничто не нарушало тишины, ибо крик тоже ничем не мог быть полезным, – потому что они все внезапно увидели то, что осталось от их друга Майка.

Его тело лежало прямо на разбросанных по полу дровах, заливая их густой, тёмной кровью; впрочем, кровь успела давно свернуться, и теперь в её, словно зеркальных, лужах отражалось пламя принесённых факелов. Майк лежал на спине; его свитер был насквозь

пропитан кровью и в нескольких местах угадывались нанесённые ножом чудовищные ранения; глаза его были закрыты, а наискосок от подбородка через всё горло проходила ужасная рана. Капли запёкшейся крови были у него и на лице.

А потом тишина подвалов Кастерхолла взорвалась дикими непрекращающимися воплями девушек; да и сами парни чуть не поддались истерике, прижимая возлюбленных лицами к своей груди.

- Тихо! – сказал Энтони; однако его слова не произвели никакого успокоительного эффекта на вопящий прекрасный пол, поэтому он заорал во всю мочь: - Заткнитесь, чёрт вас подери! Хватит орать! Ну!

Эхо подвалов только усилило этот звуковой кошмар, но цель была всё-таки достигнута – девушки замолчали и словно обмякли на руках своих друзей.

- Надо унести Майка наверх, к Энджел, - сказал Энтони, - а потом нам всем следует убираться отсюда.

Так же молча девушки под предводительством Шона поднялись наверх; за ними Энтони и Уильям несли Майка. Его положили рядом с любимой, накрыв одним и тем же покрывалом – как ужасна порой бывает судьба! А после все опять собрались в трапезной. И тут нервы Синти не выдержали:

- Ты ублюдок, Энтони! Это ты заманил нас всех в этот чёртов замок!

Энтони сжал кулаки и угрожающе произнёс:

- Детка, постарайся выбрать выражения! Или ты нервничаешь больше других?

- Да хватит вам! – крикнула Линда, стукнув кулаком по столу, даже столовые приборы зазвенели. – Энтони! Может, ты объяснишь нам, что здесь происходит? Ведь это ты владелец Кастерхолла? – она посмотрела на него в упор.

- Или не ты, а твой предок? – неожиданно буркнул Шон.

- Я повторяю – на этот раз всем, – что ничего не знаю о подоплёке случившихся смертей, - грубо отрезал Энтони глядя в окно.

Буря не стихала.

- О Боже, так неужели убийца – один из нас? – воскликнула Джейн, ломая руки.

- Ну, прямо «Десять негрятят», чёрт возьми! – пожал плечами Джордж. – Всё было так замечательно...

- Да неужели это может быть один из нас? – продолжала причитывать Джейн со слезами на глазах. – Ведь мы так хорошо знаем друг друга! А главное – за что?

- Этим пусть занимается полиция, - нервно прервал её Шон. – Я не детектив. Надо подумать о скорейшем отъезде из этих проклятых мест.

Итак, сборы несчастных гостей Кастерхолла не были особенно долгими. Пока девушки собирали вещи, парни пробовали открыть дверь наружу. Бесплезный труд! – дверь замка была словно замурована; толща снега намертво запечатала её своим весом. Никакие усилия нескольких человек не могли сдвинуть её ни на дюйм. А буря за стенами замка продолжалась. Казалось, что оно затянется на долгую, столь легко достижимую вечность.

С такими новостями молодые люди вернулись к ожидавшим их девушкам. Первым заговорил Энтони:

- Мы в ловушке, милые леди! Дверь так занесло снегом, что открыть её невозможно. Далее. Мы тут посоветались с ребятами и вот к чему пришли: пока ещё надо остаться здесь. По крайней мере до того, как эта буря закончится.

Синти заплакала:

- Да вы с ума посходили, ребята! Остаться ещё неизвестно какое время в этом кошмарном замке, где лежат трупы наших друзей?! Нет, делайте что хотите, но давайте выбираться отсюда... И причём сегодня!

- Ты не поняла, Синти, - попытался улыбнуться Джордж, отлично понимая, что его улыбка вовсе не к месту. – Если мы даже и выберемся на улицу, то наши два автомобиля превратились в такие сугробы, от которых не будет никакого толку. И даже если мы их откапываем – и если в процессе раскопок их снова не занесёт, – то вряд ли мы сможем уехать на них в такую погоду. Уровень снега очень высок.

- Ну, так давайте бросим всё и уйдём пешком, - простионала Роза, вздрагивая всем телом.

- Дорогая моя, - вступил в разговор Уильям, - никто из нас не

пройдёт в такую погоду несколько десятков миль – мы неминуемо замёрзнем... Ничего не остаётся – надо ждать окончания пурги; раньше нам не следует покидать Кастерхолл.

- Мы пойдём с Шоном и Уильямом принести побольше дров в комнаты, - заключил Энтони, возвращая внимание друзей к текущим нуждам, - а ты, Джордж, побудь здесь наверху вместе с девушками...

Джордж молча отдал ему салют, прикоснувшись пальцами к виску, и тяжело опустился на скамью.

Пока прекрасный пол под присмотром Джорджа снова распаковывал сложенные в сумки вещи, Энтони, Уильям и Шон зажигали факелы перед подвальной дверью.

- Я не понимаю одного, - сказал вдруг Энтони, наваливаясь на дверь и открывая её, - как Майк вошёл в подвал?

- Что значит – как? – не понял Шон. – Так же, как и мы – через эту дверь.

- Но ведь она открывается только снаружи, понимаешь? Неужели он был таким ослом, чтобы дать ей захлопнуться? Изнутри-то её не открыть!

- Ну, значит он прошёл по той лестнице, где мы поднялись наверх в первый раз, когда осматривали подвал, - вмешался, заинтересовавшись, Уильям.

- Но ведь там – могила моего милого родственника! – ответил Энтони и хмыкнул. – Вряд ли у кого-нибудь из нас хватило бы смелости пройти мимо неё в одиночку.

И друзья, позабыв о дровах, медленно пошли по коридору к проклятой комнате. Вот и лестница наверх; вот и комната. Они вошли в неё, освещая тёмное и затхлое пространство факелами... И остолбенели, когда свет упал на могильную плиту в стене залы: на ней явно было что-то лишнее; что-то такое, чего не было раньше. Уильям и Энтони бросились к плите: несомненно, на ней расплылись два кровавых пятна. Энтони притронулся к ним рукой:

- Уильям, как странно: создаётся впечатление, что эта кровь не выплеснута на камень, а словно выступила из него...

- И тем не менее она будто запечатлена в камне, - задумчиво произнёс Уильям, когда Энтони отнял пальцы от пятна – на них не было никакого следа крови. – Шон! Взгляни-ка на это чудо!

Когда дрова были принесены в верхние покои, Уильям поделился с остальными обнаруженным в подвале непонятным явлением. Все немедленно побежали осматривать его. Да, это были пятна крови, выступившие из камня и оставшиеся под его полировкой. Два пятна. Как предположила Линда, они будто символизировали их друзей – Майка и Энджел.

Каким-то ужасным, inferнальным духом веяло от старинной стены, от этого надгробия, скрывавшего тело проклятого. CONDAMNATUS ES IN AETERNAM. Факелы сильно коптели, поэтому друзьям пришлось покинуть мрачное подземелье и подняться вверх.

- Да неужели действительно твой ужасный предок, Энтони, убивает нас? – трясась от страха спрашивала бедная Синти.

- Если это призрак, то он не может нанести увечий обыкновенным ножом, - заметила Линда.

- К тому же, - веско вставил Энтони, - к тому же призраки действуют только по ночам, как всем известно. Днём они ничего не смогут нам сделать – такова уж их природа.

- Но зачем, зачем? – Шон схватился обеими руками за голову. – Какого дьявола ему надо?

Энтони пожал плечами.

День прошёл в тревожном ожидании ночи. Радио не работало – в прямом эфире можно было услышать только помехи. Большую часть времени все просидели в трапезной, молча разглядывая стены и друг друга. Синти уснула прямо на скамье, положив голову на колени Шона. Все ждали приближающейся ночи.

Лишь поздним вечером у них нашлось сил приготовить скромный ужин и поесть; после этого снова были розданы ножи и каминные щипцы – и пары разошлись по комнатам с соответствующими наказаниями Энтони орать во всю глотку, если что случится. Сильное волнение поначалу никому не давало спать, однако позже усталость взяла верх над беспокойством – обитатели Кастерхолла провалились в глубокий сон.

Непрекращающийся крик поднял всех на ноги почти мгновенно – истерически визжала Роза; её пронзительный визг нельзя было спутать ни с чем другим. Поскольку многие легли даже не раздеваясь, то

выскочить в коридор для них было делом одной секунды. Роза кричала не переставая; первыми ворвались в её комнату Джордж, Энтони и Линда; потом вбежали и остальные. На полу, рядом с кроватью, в ещё увеличивающейся луже крови лежал Уильям с перерезанным горлом; он был только в нижнем белье, поэтому на теле легко различались ещё несколько глубоких колотых ран – они были рваными и ужасно кровоточили. Невидящие глаза были широко раскрыты, словно ещё хотели сделать предупреждение им, живущим.

Не было сомнений, что убийство произошло совсем недавно. Наручные часы Энтони показывали половину второго. Он подошёл к Розе и обнял её; она оттолкнула его, но тут же прижалась к нему всем телом и расплакалась. Пришедшие молча поглядывали на труп и друг на друга.

- Ну, каково? – дрожа произнёс Шон, даже не пытаясь скрывать ужаса. – Не соблазняет ли это прямо сейчас сваливать из замка, не смотря на пургу?

- Клянусь жизнью, что на каменной плите теперь появилось и третье кровавое пятно, - прижимая руки к груди прошептала Линда.

- Только не думаю, что найдутся охотники проверить это прямо сейчас, - тяжело произнёс Энтони. – Как это случилось, Роза? Ты что-нибудь видела? – обратился он к девушке, продолжая её обнимать.

- Нет... Не знаю... Я спала... Такая тяжесть в глазах... – только и произнесла она надрывающимся голосом.

- А ты не можешь отложить свой допрос бедняжки до утра? – неожиданно вспылила Джейн, отталкивая Энтони от Розы и в свою очередь обнимая подругу.

- Да будет ли ещё это утро? – мрачно произнёс Джордж. – И для кого из нас?

- Значит, так, - инициативу снова перенял Энтони. – Расходимся по комнатам и прошу всех забаррикадировать двери изнутри чем попало: шкафами, столами; словом, хоть саму кровать придвиньте к дверям. Встретимся утром... Да, кочергу тоже держать поближе к себе. – Он взглянул на Розу. – Она будет находиться со мной и Джейн. А теперь – за работу!

Некоторое время на этаже был слышен шум и скрежет передвижаемых шкафов и кроватей, после чего все звуки стихли опять и тишина – зловещая, предвещающая неминуемые кошмары тишина – вновь воцарилась в покоях замка Кастерхолл.

Наутро Энтони и Джейн были разбужены криком нескольких голосов:

- Эй, Энтони! Джейн! Чёрт возьми, что тут у вас происходит? Где Роза?

Они открыли глаза, спросонья осматриваясь по сторонам. Розы нигде не было; небольшой шкафчик, служивший им баррикадой у двери, отодвинут; сама дверь распахнута настежь. Возле кровати стояли Джордж, Линда, Синти и Шон – все оставшиеся в живых гости Кастерхолла.

- Что за дьявол! – Энтони вскочил с кровати, протирая глаза. – Она же была здесь! Роза ночевала у нас... А вы-то как вошли?

- Через открытую настежь дверь, как ты можешь заметить, – Джордж поскрёб небритый подбородок. – Мы с Линдой вышли в коридор, там встретили Шона и Синти – они выходили из трапезной; смотрим – ваша дверь распахнута. Ну, мы вошли – вы с Джейн спите, а Розы нет...

- Как же так? – Джейн помяла пальцами виски и даже сморщилась от боли, – мы легли на кровать втроём – Роза, я и посреди нас Энтони... Дверь мы задвинули вот этим самым шкафом... Ничего не понимаю...

- Значит, надо её искать, – сказал, надевая ботинки, Энтони. – Я не верю, что она могла уйти из замка одна.

- Не сомневаюсь, – злобно взглянула на него Линда и хрустнула костяшками пальцев. – Как не сомневаюсь и в том, что Роза уже мертва.

Поиски Розы начались по уже заведённому порядку: все сбились в кучу и стали осматривать замок комнату за комнатой. Только на этот раз поиски было решено начать с подвала; что-то внутреннее подсказывало им, что осмотр надо проводить именно оттуда. И опять была мрачная тяжёлая дверь и лестница, уходящая во тьму; и опять был шум капающей со стен воды и копоть факелов, падающая на лица и одежду; и опять были бесконечные переходы, хлопанье воды и треск льда под ногами...

Войдя в комнату богохульного захоронения проклятого предка, компания сразу заметила явные изменения на надгробии колдуна: количество кровавых пятен, проступающих сквозь мрамор, увеличилось вдвое. Пришедшие столпились вокруг проклятой могилы; взгляд каждого, брошенный на ужасное надгробие и на своего соседа, отнимал всякую надежду у остальных, видящих его.

Линда была первой, кто пришёл в себя от увиденного:

- Что ж, третье пятно – это Уильям, а четвертое – Роза... Можем сворачивать поиски – живой её мы больше не увидим.

- Постой! – Энтони дотронулся до надгробья, словно изучая вновь проступившие пятна. – Подожди... Нельзя же оставлять нашу Розу валяться где-нибудь в замке, непохороненную...

- Ха-ха! – с ненавистью и жестокой иронией в голосе воскликнула Линда, направляясь к выходу из зала. Факел ярко сиял в её поднятой руке. – Спешите, господа и дамы, зарегистрировать себе место в похоронной компании «Кастерхолл»! Обряд похорон проводится на месте. Вас поместят в прехорошенькую залу на втором этаже и накроют средневековыми тряпками по высшему классу... – она поперхнулась и закашлялась.

Энтони лишь махнул рукой и произнёс, обращаясь к Джорджу:

- Ты уж меня прости, но она – настоящая дура!

Тело Розы они обнаружили на третьем этаже, почти под самыми чердаками Кастерхолла. Чья-то жестокая, не ведающая жалости рука буквально исполосовала её тело ножом; кровавые реки растекались по неровному каменному полу в разные стороны от трупа, образуя собой несколько озёр. Убийство ещё больше поражало своей чудовищностью, потому что глаза Розы были выколоты.

Энтони сорвал покрывало с одной из кроватей в соседних залах и вместе с Джорджем понёс останки девушки вниз. Их шествие замыкали уцелевшие гости проклятого замка. С потолков свисала паутина, она свисала со старинных люстр и коврами колыхалась на стенах, когда мимо неё проходила эта молчаливая и скованная ужасом процессия.

Четыре изуродованных тела возлегли на полу второго этажа замка Кастерхолл; они были накрыты покрывалами, изображающими

охоту в древнем лесу – а кто же теперь охотился на них, на оставшихся в живых? Они были в ловушке и прекрасно это осознавали. Из этого Храма Кошмаров не было никакого выхода наружу. Потому, что снаружи по-прежнему бушевал снежный ураган.

Днём они сумели немного поспать прямо в трапезной, по очереди, чтобы не терять друг друга из виду; они знали, что ночью им не предвидится такой роскоши, как сон. Вечером они чуть-чуть подкрепились холодным мясом и хлебом, запивая этот простой ужин имбирным лимонадом – и приготовились к самому худшему.

- Значит, если не ошибаюсь, сегодняшняя ночь унесёт ещё двоих, - безразличным голосом произнесла Синти, когда они закончили ужин. – Станный он, этот твой предок, Энтони: убивает парами...

Никто даже не поднял головы на это замечание, не говоря уж о том, чтобы улыбнуться... А ещё через некоторое время часы на руке Энтони показывали полночь. Время кошмаров. Время смерти.

На этот раз всех разбудил Энтони – он барабанил в каждую дверь подряд и орал безумным голосом:

- Вставайте! Вставайте, Джордж, Шон! Линда! Синти! Джейн мертва!

Все тут же высыпали в коридор – никто из них и не думал спать этой ночью, которая для каждого из них могла оказаться последней.

Джейн лежала возле кровати, в центре огромной багровой лужи. Руки её были сложены на груди, как будто она собиралась вознести небесам свою последнюю молитву. Горло и грудь её были немилосердно исполосованы острым ножом.

Синти заплакала и, прислонившись сначала к стене, стала медленно сползать по ней на пол; сев на корточки, она закрыла руками лицо и тихо всхлипывала.

- Чёрт возьми, Энтони! – воскликнул Джордж; Линда молчала за его спиной. – Как это случилось? Ты видел?

Энтони отрицательно покачал головой:

- Я вышел буквально на пару минут в трапезную попить воды. Ни звука не слышал. А когда вернулся... – и он взял покрывало, собираясь использовать его для переноса Джейн к остальным телам; но только

неожиданно выронил его и упал в кресло, закрыв лицо руками.

- Это я виноват, - слышался его шёпот сквозь ладони, - не надо было нам сюда приезжать... Джейн! Джейн...

- Так, - голос Шона обрёл несвойственную ему ранее твёрдость. – Вы как хотите, но я не стану ждать, пока проклятый лорд или кто-нибудь ещё явится за мной – поэтому я ухожу из замка. Пусть холод, пусть снег – однако там, за стенами, есть хоть ничтожная надежда выжить. Здесь же никто не может поручиться за более-менее положительный исход событий.

Энтони, казалось, тоже обрёл силу от слов друга; он поднялся с кресла и накрыл тело возлюбленной покрывалом:

- Да, ты прав, Шон! – голос его был совершенно спокоен, как и ранее. – В эту ночь нам вообще не следует расходиться: просто посидим в трапезной до утра, постоянно дежуря и не выпуская друг друга из поля зрения. А утром попытаемся выйти из Кастерхолла и завести автомобиль... может, каким-то чудом нам удастся уехать отсюда... Ну, что ты уставилась на меня с таким подозрением? – резко меняясь в лице и голосе рявкнул он Линде. – Не думаешь ли ты, что это я убил Джейн и всех остальных, чтобы таким образом отметить своё переселение в Кастерхолл?!

Линда только опустила голову; Джордж ответил вместо неё:

- Спокойно, дружище! Тут никто никого не обвиняет... А поступим мы согласно твоему предложению: переждём ночь в трапезной, а утром смоемся отсюда...

- Буря, похоже, утихомирилась, - поднял палец, прислушиваясь, Шон. – По-моему, у нас начинают появляться неплохие шансы.

Пятеро оставшихся в живых от вдвое более шумной и весёлой компании молча перешли в трапезную; Синти тут же села за стол и уронила голову на руки, тихо вздрагивая плечами; Шон обнял её. Напротив них расположились Линда и Джордж; девушка безразлично глядела в пол под ногами, а её милый занялся радио. Энтони нервно прохаживался по трапезной вперёд-назад, время от времени окидывая коротким взглядом сидевших за столом.

Буря действительно пошла на убыль – почти не было слышно ужасного рёва ветра; да и снег замедлил свою бешенную свистопляску за окнами замка. Это подтвердило и радио: оно теперь пере-

давало не только помехи в эфире – время от времени на его волнах стали прорываться обрывки новостей, музыки, рекламы. Казалось, что вместе со звуками радио в молодых людях вновь пробуждаются силы к борьбе за жизнь; они вспомнили, что за стенами замка не средние века, а двадцатое столетие. И трещащее, временами оживающее радио было лучшим тому доказательством; когда же передали о скором окончании бури, друзья воспряли духом – и первые улыбки неуверенно заиграли на их лицах.

Так и прошёл остаток ночи: друзья то прохаживались по трапезной, разминая затёкшие члены, то – засыпали за столами на короткие промежутки времени. Никто из них не произнёс ни звука до самого утра, пока первые лучи Солнца не постучались в готические окна Кастерхолла сквозь белую пелену кружащегося снега.

После непродолжительного завтрака, также прошедшего в полном молчании, Энтони обратился к Шону:

- Слушай, давай найдём в подвале верёвку покрепче и попробуем выбраться из этого проклятого места.

Все недоумённо подняли глаза на Энтони.

- Какого чёрта? – удивлённо спросил Джордж. – Какого чёрта нам понадобилась эта верёвка?

- Если ты не помнишь наших вчерашних попыток выйти через дверь, то можешь хоть до весны продолжать пытаться её открыть, - в голосе Энтони не было даже тени насмешки. – Мы разобьём окно в коридоре и через него попробуем спуститься к автомобилю...

- Вот это идея! – хлопая в ладоши крикнул обрадованный Шон, вскакивая из-за стола. – Что ж, тогда пошли – поищем!

Через четверть часа друзья вернулись в трапезную со старым, но ещё довольно крепким длинным канатом футов в пятьдесят; Энтони нашёл его в одном из подвальных залов рядом с дровницей. Затем все перешли из трапезной в коридор к большому окну; Энтони бросил верёвку на пол и сказал:

- Теперь я советую всем одеться потеплее – ведь после такой операции, как удаление окна, температура в замке существенно понизится... – он осмотрел окно ещё раз, сжимая в руках топор. – Прощай, антикварная ценность!

Грохот топора по дереву и звон бьющегося стекла сотряс эхом весь Кастерхолл; пока друзья одевались и выходили в коридор снега, Энтони успел разнести окно в щепки – осколки так и блестели, хрустя под ногами всей компании. Ветер и снег ворвались в коридор; однако, как и говорилось в сводке погоды, буря действительно сильно ослабела.

- Далее вот что, - говорил Энтони Шону, - ты спускаешься на каменный карниз под окном, оттуда – по верёвке на землю; пробуешь завести автомобили и возвращаешься... Тем временем мы с Джорджем раздобудем где-нибудь пару лопат или что-нибудь похожее на лопаты – и присоединяемся к тебе.

- А почему я? – только и пробурчал Шон, боязливо выглядывая в окно. Действительно, автомобили стали похожи на два обыкновенных сугроба... Заведутся ли они? – Почему я один?

- Потому, что одному на улице не так страшно, как в замке, - обернулся к нему Энтони, привязывая верёвку к подфакельнику в стене и проверяя её на прочность. – К тому же из нас всех ты самый лёгкий и юркий... Так что – вперёд! – с этими словами Энтони выбросил смотанную верёвку за окно.

Спуск Шона прошёл благополучно – через миг он уже стоял по колено в снегу и махал рукой глядящим на него через окно, веревке, через дыру, которая осталась от окна. Его друзья увидели, что Шон добрался до автомобилей и стал счищать снег с крыш и стёкол, постепенно добираясь до дверей. Девушки стояли возле самого окна, наблюдая за действиями Шона; парни смотрели на него через их головы. Вдруг замок сотряс дикий крик Энтони: «Нет!» – и всё остальное свершилось в одну секунду. Кошмар, зримый кошмар снова настиг обитателей Кастерхолла, словно он не хотел отпускать их, не получив на прощание хотя бы ещё одной жертвы. Синти, глядя на это, просто сползла по стене в глубоком обмороке – бедняжка даже не издала ни звука, провалившись в тёмную пустоту от увиденного. Линда завизжала и закрыла лицо руками; она тоже была близка к обмороку. Случившееся казалось таким невероятным, настолько невозможным, что навряд ли кто-нибудь в первую минуту поверил своим глазам.

Энтони, всегда спокойный Энтони Кастерхолл наносил ножом

удар за ударом в тело своего друга; сила его ударов отбросила Джорджа к стене – и он сполз по ней, оставляя спиной кровавые полосы. Из его руки выпал окровавленный нож – Джордж более не двигался. Но словно озверевший Энтони продолжал наносить удар за ударом, вопя не своим голосом:

- Подлец! Убийца! Сволочь!

Затем он бросил свой нож на пол рядом с трупом и, тяжело дыша, крикнул, не глядя в окно:

- Эй, Шон, возвращайся! Всё кончено.

И обратился к Линде:

- Всё кончено, Линда. Вот он, - Энтони указал рукой на труп, - он и являлся призраком Кастерхолла.

Линда не выдержала потрясения – ноги её подкосились; она хлопнула губами, словно ей не хватало воздуха – и последовала в глубины обморока вслед за подругой. Энтони посмотрел на неё и бросился к окну:

- Шон! Давай, лезь! Я подам тебе руку!

- Что там у вас? – испуганно прошептал Шон, снова появляясь в окне.

Энтони помог другу влезть на подоконник и почти перетащил его в коридор.

- Теперь я знаю, чьих рук делом были смерти наших друзей... – Энтони утёр лицо и сплюнул в сторону трупа, кровавое пятно под которым всё увеличивалось. – Я не допускал и мысли, что в замке кроме нас мог находиться кто-то ещё, не говоря уж о всяких призраках...

- Ты убил его, Энтони? – дрожа спросил Шон, глядя на друга широко открытыми глазами.

- Да, и не чувствую за собой никакой вины... Если бы не я, то на его месте лежала бы твоя Синти; затем я, Линда и ты, мой дорогой, напоследок... Девчонки были заняты происходящим во дворе и, забыв обо всём, устали в окно; вижу – Джордж с дикими глазами выхватил нож – вот он, валяется рядом с ним – на нём кровь Уильяма, Розы, Майка и Энджел – и уже занёс его над Синти. Я, конечно, немедленно выхватил свой и давай полосовать его так, что он даже опомниться не успел... Так что прошу считать меня героем дня и

освободителем оставшихся от ужаса Кастерхолла, - закончил Энтони.

Синти застонала и внимание парней переключилось на девушек. Они были на руках перенесены в трапезную, где их превели в чувство. Затем они услышали страшный рассказ о случившемся.

- Не понимаю – почему? – спрашивала не обращаясь ни к кому Линда. – Что им руководило? Зачем? И как он создавал эти пятна на могильной плите?

- Не знаю, - развёл руками Энтони, – но крыша у него всегда ехала... Или ты до сих пор считаешь убийцей меня?

Он усмехнулся и откупорил бутылку с шампанским. Затем налил доверху четыре бокала:

- Что ж, тогда тост – за оставшихся в живых! Теперь самое время подумать об отъезде отсюда.

Шон выпил свой бокал залпом; обе девушки почти в ступорозном состоянии отпили около половины. Энтони всё ещё держал нетронутый бокал в руке.

- Плохо дело! – сказал Шон, садясь на скамью рядом с Синти. – Мы не сможем уехать, потому что у обоих автомобилей проколота шины; кроме того, они в таком состоянии...

Он не договорил и упал всем телом прямо на стол; а через несколько мгновений из рук ничего не понимающей Линды выпал бокал, звонко разбившись у её ног – сама она растянулась на скамье, ударившись рукой об угол стола. Синти лишь вздрогнула, как от внезапного укола иглой и упала со скамейки на пол. Всех охватил глубокий сон.

Очнувшись, Линда услышала треск радио; помех в эфире почти не было. Девушка повернула голову и сразу не сообразила, почему она не может встать. Повернувшись на бок она всё поняла: её руки были крепко связаны за спиной, ноги – чуть повыше щиколоток. Казалось, что верёвка врежется в мясо через одежду. Она лежала на кровати в одной из комнат для гостей – похоже, это была зала Майка и Энджел; с неё Линда увидела также связанную по рукам и ногам Синти, сидящую на полу – девушка всё ещё сидела, уронив голову на колени или находясь в обмороке. А затем дверь широко распахнулась – и в комнату вошёл Энтони, играя окровавленным ножом.

- А, маленький Шерлок Холмс уже пришёл в себя? – он заметил очнувшуюся на кровати девушку. – Ну и чудесно!

Затем он поглядел на Синти; переведя взгляд на окно, пробормотал себе под нос:

- Уже совсем стемнело... стемнело...

- Ты ублюдок, Энтони! – крикнула мигом всё сообразившая Линда. – Это ты убил всех!

- Что ублюдок – так это ты ошибаешься, - мило улыбнулся Энтони, подходя к Синти и наклоняясь над ней. – Я – потомственный лорд Кастерхолл и потому ублюдком не являюсь... Кстати, убил-то я ещё не всех: осталась ты да Синти... – Произнося эти слова он стал бить Синти по щекам.

- Терпеть не могу убивать сонного человека, - продолжал разглагольствовать довольный сам собою Энтони, видя, что Синти приходит в сознание. – Шона пришлось прирезать почти в полусне, чем сильно сократились его возможности увидеть и почувствовать предсмертный ужас по-настоящему...

- Ты убил Шона?! – вдруг простонала Синти, поднимая голову.

- Да, милая! – с очаровательной улыбкой произнёс Энтони, с силой резанув ей ножом по горлу и отпрыгнув в сторону от ударившего из тела девушки фонтана крови. – Убил! Так же, как и тебя, дорогая!

Линда кричала. Синти бешено вращала глазами и ловила ртом воздух; тело её дёргалось в конвульсиях, кровь хлестала на пол и одежду. Через несколько мгновений она затихла, прислонившись головой к стене – девушка была мертва.

- Почему, Энтони?! – надрывалась Линда, пытаясь освободиться от своих пут и, глотая слёзы боли, извивалась на кровати. – Почему ты сделал это?!

- Заткнись, мисс Холмс, и я тебе всё объясню, - Энтони положил окровавленный нож на стол и сел в ногах Линды; кровать при этом отвратительно скрипнула. – Понимаешь, всё началось очень давно – с тех пор, как только мне стало известно, что я владелец Кастерхолла. В мои руки попало множество документов, касающихся страховки, имущества и тому подобного; однако самым интересным из них было свидетельство судей в деле моего предка-колдуна...

- ...который ты показал нам сразу по приезду?

- Хм... не совсем, Линда. Я показал вам копию документа. А вот и сам оригинал... – Энтони неторопливо достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и развернул его перед лицом девушки: она узнала ранее виденный документ процесса, только между его строк, написанных синими чернилами, было вписано множество мелких строчек красными. Энтони сложил документ и опять спрятал его в карман. – Это и есть оригинал. С него-то всё и началось... Помню, когда я просматривал его несколько лет назад в первый раз, то мне уже тогда бросились в глаза строки в самом низу текста: «Здесь видно не всё, что написано. Ужас Кастерхолла более велик.» Ну, далее подписи судей, свидетелей. Так вот, «видно не всё, что написано»... Это ведь явный намёк на то, что написано больше, чем видно сразу. У меня тут же явилась мысль о симпатических чернилах – и при помощи прокаливания текста документа над слабым огнём я убедился в правильности своей догадки.

Почерк и личность писавшего между строк красными чернилами мне неизвестны. Возможно, это писал один из преданных слуг моего предка или один из его тайных друзей – сейчас об этом можно только гадать. А говорилось в этих записях о том, что моего предка можно вернуть с того света, если на пол Кастерхолла прольётся кровь девяти людей – пяти женщин и четырёх мужчин. В тексте прилагается и ритуальное заклинание, которое необходимо читать после совершённого жертвоприношения...

- Скотина! – с ненавистью, превозмогающей боль, произнесла Линда.

- Согласен! – добродушно отвлёкся от рассказа Энтони, но тут же вернулся к нему. – После каждой смерти на каменной могильной плите должны были появляться кровавые пятна – и ты была тому свидетелем. Далее в документе говорится, что ритуал может быть совершён только во время сильной бури, которая случается в регионе Кастерхолла ежегодно специально для этой цели. Следовательно, все ключи к воскрешению предка были у меня в руках.

- Ты использовал нашу дружбу и доверие, мерзавец! – злобно прошептала Линда, глядя ему в лицо с нескрываемой ненавистью.

- Совершенно верно! – безумно глядя перед собой продолжал Энтони. – Мне оставалось только собрать вашу компанию и привезти её сюда, в Кастерхолл. Пользуясь услугами метеоинформационного бюро я смог до точности – суди сама, до какой! – просчитать начало бури и доставить вас на место. Поначалу у меня была мысль просто перестрелять вас всех в первую же ночь – заряженный револьвер всегда был в моём кармане, – но потом, ещё до поездки сюда, мне пришла в голову мысль устроить вам настоящий готический ужас. Согласись, как это круто! Замок, таинственные коридоры, факелы... (Линда поморщилась от выражения его лица.) Словом, на всякий случай я прихватил револьвер и снотворное – с его чудесным действием вы познакомились сегодня утром – и повёз вас сюда.

Перед тем, как закрыть перед бурей двери замка, я привёл в негодность автомобиля – для этого мне и понадобилась фиктивная прогулка с ребятами к лесу, якобы за дровами. Сам-то я прекрасно был осведомлён, что дровница полна – это я знал ещё с первого своего приезда сюда, почти год назад, – ещё с XVII столетия. Но мне было необходимо алиби. На всякий случай.

Когда ночью началась буря, я решил, что настало время действовать. Первой была Энджел. Собственно, у меня не было никакого плана убийств, прошу прощения – жертвоприношений! – сам случай или ад помогли мне. Энджел стало плохо и я дал ей коньяку, а мясо зарядил красным перцем. Известно, что сочетание перца и алкоголя вызывает сильную жажду – а при той дозе, которую получила Энджел, она вообще не смогла бы заснуть. Мне оставалось просто ждать её в трапезной, пока все остальные занимались любовью. Убив её, я немедленно скрылся у себя и вернулся назад вместе со всеми, как ни в чём не бывало – и подобно остальным «подивился» убийству. Превосходно зная, что Джейн чутко спит, я использовал слабые дозы снотворного, чтобы она никогда не слышала о моих уходах и приходах. Этого я мог в дальнейшем не опасаться.

Затем был Майк. Дурак, он тоже сам дал мне в руки возможность покончить с ним, когда захотел поиграть в детектива. Что ж, убив его я посчитал, что на одну ночь работы достаточно.

Но потом – я это хорошо видел! – у тебя и других появилось по-

дозревание в моей причастности к смертям в Кастерхолле – и я решил подпустить мистики, сводив вас в подвал к могиле моего достопочтенного предка. Пятна вас явно озадачили и моё положение было спасено. Мне очень не хотелось использовать револьвер и нарушать нашу маленькую готическую игру.

После был Уильям. Могу сказать, что сама Роза неволью помогла мне убить его. Ты ведь знаешь, что она трахалась за его спиной с кем попало – и я решил на этом сыграть. Зарядив коктейль Уильяма снотворным, я договорился с Розой встретиться на третьем этаже для небольшой любовной утехы – как я и ожидал, она ничего не имела против узнать, каков я в постели. Вы все спали; Уильям и Джейн не могли нас застукать, потому что под воздействием снотворного спали ещё крепче – и мы с Розой встретились в коридоре. Конечно, риск был – кто-либо из вас мог случайно выйти в коридор и увидеть нас – но что же игра без риска?!

Я уже говорил, что год назад был здесь и сумел как следует изучить все переходы, лестницы и коридоры замка. Я вёл Розу наидлиннейшим путём туда, где мы развлекались, а вернулся оттуда наикратчайшим, убив Уильяма и проскользнув к себе. Розе я сказал, что не стоит рисковать, если бы нас увидели вместе – и предложил разделиться для пути назад. Так что Уильям был уже трупом, когда Роза проделала только половину пути.

После убийства Уильяма Роза пошла со мной и Джейн в нашу комнату. Через некоторое время Джейн опять захрапела, а я пригласил Розу опять наверх. Дура, она даже в таком месте оставалась падкой до всего корреспонденткой – я наплёл ей чего-то о привидениях и кладах; сделал намёк даже, что, мол, ради неё готов бросить Джейн, и тому подобное. После повторения наших любовных игрищ на третьем этаже, в ответ на её вопросы о кладах и призраках я несколько раз пырнул её ножом, предварительно зажав ей рот.

До сих пор моё алиби было полным; во всяком случае, я не особенно рисковал. После убийства Джейн у меня никакого алиби не было. Вам пришлось поверить мне на слово, за что я вам безмерно признателен...

Энтони грациозно кивнул в сторону Линды и продолжил:

- Вы стали требовать немедленного отъезда из Кастерхолла. Конечно, это никак не входило в мои планы. В любом случае, я сделал только половину работы. А мне так хотелось закончить её без единого выстрела!

Джорджа я убрал почти нахально, совсем неожиданно для себя самого. Вы с Синти грохнулись в обморок; я боялся, что вы побежите – и мне придётся стрелять, чего я тоже не желал. То, что Шон находился вне замка, меня не пугало – он ни за что не покинул бы Кастерхолл без своей глупой блондинки... Дженгельмен, чёрт возьми! Это я тоже знал. Он убедился в моей «невиновности», когда я подал ему руку и помог снова оказаться в коридоре – я казался ему воплощением дружбы! Да и вы своими обмороками облегчили мою работу... Затем я угостил вас шампанским с начинкой; пока ты с Синти отдыхала, я перерезал глотку Шону. А остальное тебе известно, - Энтони хлопнул в ладоши, давая понять, что рассказ окончен.

- Трус! – всхлипнула Линда, сжимая связанные руки в кулаки. – Оставил беспомощных женщин напоследок!

- Конечно, милая сыщица! – демонически улыбаясь ответил Энтони, потирая окровавленные руки. – Это я тоже просчитал: лучше остаться под конец со слабыми шлюхами, чем с такими крепкими орешками, как Уильям или Джордж. Сильных, дорогая, всегда надо убирать сначала. Так, знаешь ли, больше гарантий, что дело твоё выгорит... Что ж, мы заболтались, - он поглядел на наручные часы. – Буря закончится к утру. Надо доделать работу до конца.

Энтони поднялся с кровати и резким движением схватил девушку на руки. Линда громко закричала; он перебрросил её через плечо, словно куль с мукой и, проходя мимо стола, взял с него нож. Девушка отчаянно дёргалась на его плече; тогда он нанёс ей кулаком несколько ударов в живот. И тогда она замолчала и обмякла. Невозможно было оказывать сопротивление безумному и безжалостному маньяку. Девушка совершенно безнадежно покорилась судьбе, которая находилась в лапах этого чудовища. Спасения не было.

Он тащил её вниз по лестнице, в подвал; коридор был освещён новыми факелами, явно заготовленными ранее для такого похода и с такой ношей на руках.

- Если дёрнешься, деточка, - только и произнесло это исчадие ада, - так я сразу ткну тебе факелом в рожу, ясно?

Он бросил её на пол перед могильной плитой; на ней проступили уже восемь кровавых пятен. Энтони нагнулся над девушкой и приложил лезвие ножа к её горлу:

- Прощай, милая! Передавай привет тем, кто ушёл перед тобой!

Фонтан крови окрасил лицо, руки и одежду Энтони. Он выпрямился и, даже не посмотрев на труп, обернулся к могильной плите. На ней проступило ещё одно кровавое пятно.

Выйдя на минуту из комнаты, он вернулся с четырьмя факелами, которые установил в подфакельники по обе стороны от замурованной в стену плиты. Затем достал из кармана брюк старинный документ, исписанный синими и красными чернилами и, повернувшись лицом к кресту, начал читать громким голосом: O MAGNUS INNOMINANDUM, QUI POTEST ES... Свет факелов, казалось, задрожал от этого чудовищного заклинания; неожиданно стену словно потряс страшный удар изнутри – и на мраморе появились трещины, разбегающиеся по всей плите. Второй удар... Третий... И будто от внутреннего взрыва плита разлетелась на части; Энтони едва успел прикрыть руками лицо от каменных осколков и пыли. Он закончил читать заклинание. За плитой зияла чёрная пустота. И вот, через мгновение его глазам предстала ужасная рука трупа, цепляющаяся останками пальцев за край обломившейся стены. Энтони даже зажмурился от удовольствия: с таким повелителем тёмных сил, как его предок, ему будет наплевать на всё – на закон, на мораль и на её создающих. У его предка – а теперь и современника! – он обучится всему. Ни время, ни пространство никогда не станут препятствием на его пути. Он не будет никогда и никому давать отчёт за свои деяния. Он будет повелевать. Он, только он. Энтони Кастерхолл.

Парень смело шагнул к пролому в стене и обеими руками схватил эту чудовищную лапу. За ней из темноты появилась другая. Энтони коварно улыбнулся:

- Добро пожаловать в мир живых, дорогой предок! Мы с тобой отлично повеселимся!

С этими словами он стал вытаскивать чудовище из его могилы...

Тайна графини Алукард

В старинном замке Рочерстоу собралось блестящее общество. Да и понятное дело – именно сегодня Рочерстоу был полностью отреставрирован, все строительные работы в нём были закончены – и новая его владелица давала чудесный бал по случаю новоселья. А сколько уже лет пробежало с тех пор, когда в этом замке, в его огромных, сверкающих отделкой залах, собиралось столько народу! Поговаривали, что это время можно было измерять столетиями. Но сегодня чудесный замок Рочерстоу снова обрёл владельцев; снова принимал под своей древней крышей именитых гостей – знатных вельмож Британского Королевства; снова в его залах ломились столы от обилия яств; снова повсюду звучала музыка... Остров, на котором был построен замок, утопал в лучах летнего солнца; по озеру так и сновали лодки, доставлявшие приглашённых гостей прямо к мраморным, ниспадающим в прозрачную воду ступеням лестниц, ведущих всех прибывших в этот, казалось бы, сказочный дворец великолепия.

Как уже упоминалось, замок Рочерстоу находился на острове посреди чудесного тихого озера, милях в десяти от N. Со всех сторон озеро было окружено замечательным хвойным лесом; и только лишь со стороны N. к нему вела широкая дорога, проложенная ещё в более древние времена. Сейчас-то по ней и направлялись к озеру многочисленные экипажи, кареты и даже первые модели автомобилей, казалось, нескончаемой вереницы гостей. И хотя теперь было около трёх часов пополудни, а торжественное открытие замка было назначено на одиннадцать часов вечера, знатные гости спешили попасть на остров как можно скорее, дабы успеть познакомиться с новой очаровательной владелицей Рочерстоу и совершить экскурсию по замку и острову.

Между берегом озера и старинным замком на острове почти непрерывно сновали около пятнадцати лодок, доставлявшие приехав-

ших приглашённых. Лодочники выбивались из сил, перевозя раз за разом огромное количество гостей – им приходилось совершить множество рейсов через озеро в одну и другую стороны, между тем как гости всё прибывали. Около полудня требовалось для преодоления необходимого расстояния между берегом и островом; поэтому некоторые из лодочников, начавшие перевозить гостей едва ли не с полудня, давно сняли жилетки, оставшись в просторных белых рубашках. Погода держалась очень жаркой, так что почтенным лодочникам было на что пожаловаться.

Сам остров занимал площадь около шести акров; и даже сам по себе – без великолепного замка – он являлся чудом природы: с восточной стороны он зарос небольшим лесом из елей и берёз, стволы которых доходили почти до самой воды; западная и северная стороны острова были открытым местом – здесь был небольшой парк с многочисленными дорожками из гравия, со множеством скамеек и беседок для отдыхающих; тут же находился и небольшой лодочный причал. Южная сторона острова была холмистой, усеянная огромными валунами – именно здесь и возвышался Рочерстоу, белые стены которого ослепительно сияли в лучах солнца.

Мраморные ступени широкой лестницы с высокими перилами из того же материала вели в покои старинного замка. Поднявшись по ним до конца, глазам прибывших открывалась чудесная площадка-веранда перед самым входом в замковые ворота; здесь было расставлено несколько больших столов под тентом, спасающих от горячих солнечных лучей – на них имелось невиданное количество разнообразных напитков и фруктов. Кресла и скамьи со спинками на веранде были почти полностью заняты гостями; но, поистине, ещё большее количество народу пребывало в самом замке, знакомясь с его достопримечательностями и радушной хозяйкой.

Прихожая была самым настоящим залом; две лестницы вели наверх здания; на стенах красовались старинные гербы феодальной Англии и множество охотничьих трофеев со времён средневековья – головы и рога убитых животных. Уже здесь всё сверкало великолепием дорогих ковров, персидских занавесей и большим числом всяких украшений и орнаментов на окнах – можно было лишь догадываться, какая красота убранства скрывалась во внутренних по-

коях Рочерстоу! Коридоры его были отреставрированы в готическом стиле – узкие стрельчатые окна от пола до потолка; их витражи бросали на лица проходящих всю гамму цветов. Рыцарские доспехи и огромное количество статуй украшали коридоры; в нишах залов имелось большое множество живописных картин и фресок; карликовые пальмы в сверкающих металлических вазах находились почти во всех апартаментах. Инкрустированные позолотой кресла и большие столы; огромные свисавшие с потолков бронзовые люстры; картины битв и охоты; великолепные камины, кровати – всё это носило на себе утончённый, изысканный вкус новой владелицы замка Рочерстоу графини Дианы Алукард.

Прекрасная, черноокая и черноволосая женщина лет тридцати пяти, с несколько восточными чертами лица и роскошной фигурой стала совсем недавно появляться в великосветских кругах потомственной британской аристократии. Как поговаривали, она приехала в Англию из Польши или Чехии около трёх лет назад; бедняжка потеряла мужа – во время одного из революционных восстаний в тех местах он пал жертвой заговора. Таким образом, молодая вдова покинула прежнее место жительства – и через некоторое время появилась на Британских островах со значительной суммой денег и неутраченной болью от утраты милого супруга. Немного спустя она смогла приобрести замок на острове, развернув его широкий ремонт и реконструкцию – многие полагали, что эта особа намерена вести в дальнейшем жизнь затворницы, но они ошиблись. Графиня Диана стала появляться на балах и аристократических вечерах в Лондоне, Глазго, Манчестере, где немедленно завоевала внимание публики своей молодостью, красотой, богатством и обаятельностью.

Новая владелица Рочерстоу даже сумела победить ненависть коренных англичан к древнему замку, о котором ходили всякие недобрые слухи. Толковали о том, что около трёхсот лет назад в замке случилось что-то ужасное, в результате чего всё его население без исключения погибло. Таким образом, для суеверного и подверженного припадкам острого мистицизма английского общества замок казался навеки проклятым. Не находилось ни единого желающего купить его на протяжении трёхсот лет; никто не пожелал восстанавливать замок из руин и селиться в нём. Невзирая на то, что та-

кое чудесное место было совершенно запущено и продавалось государством за минимальную цену, охотников вернуть былую красоту замку и острову так и не нашлось. Говорили, что графиня Диана приобрела Рочерстоу потому, что она не являлась коренной уроженкой Британии и ничего не знала о страшных легендах, столетиями окружавших старинный замок на острове... В общем говоря, правда это или нет, неоспоримо было одно – сегодня новая хозяйка Рочерстоу давала в восстановленном замке пир и бал, не обращая внимания ни на какие суеверия и предрассудки.

Графиня Диана была любезна и остроумна с каждым из гостей; хозяйка повсюду находила минутку, чтобы поговорить с кем-нибудь из них, поприветствовать новопривывших, дать необходимые распоряжения слугам – молодая женщина выглядела весьма бойкой и деловой. Никто не посмел бы сказать, что обойдён её вниманием – графиня улучала время для каждого из посетителей сегодняшнего праздника.

Естественно, что многие из аристократических донжуанов, равнодушные к её молодости, красоте и богатству, слетелись к прекрасной графине, как мухи на мёд; однако никто из них не заслужил внимания женщины больше, нежели его соперники. Графиня Диана и в отношении любви проявила себя весьма искусным дипломатом – никто из предъявляющих претензии на её руку и сердце не мог похвалиться тем, что получил больше красивых слов или обворожительных улыбок, чем другие претенденты. Графиня со всеми играла по-честному, не давая никому преимущества перед остальными.

Впрочем, само общество, из которого ей рано или поздно, как полагали аристократические ловеласы, предстояло сделать выбор, было великолепно: не только большое количество фабрикантов, банкиров и политических фигур присутствовало в замке – среди них было несколько человек, состоящих в родстве с коронованными особами. Однако графиня, похоже, ещё не могла как следует забыть о гибели своего супруга, чтобы начать новые отношения с кем-нибудь из приглашённых. Хоть её и видели постоянно улыбающейся и расточающей любезности гостям, было заметно, что в скором времени ей вряд ли кто мог бы составить пару.

Тридцатисемилетний Иезекия Холтон прибыл в замок Рочерс-

тоу уже как около двух часов; потомственный эсквайр и совладелец одной из пароходных компаний государства также не мог устоять перед красотой графини Дианы – раньше он не видел её, поскольку лишь недавно вернулся с собственных индийских плантаций. Он был приглашён ею через своего друга – сэра Джеймса Прайса, одного из самых ведущих банкиров и дельцов страны, который был уже джентельменом преклонного возраста. С первых же минут по прибытию Холтон смог оценить широкий размах графини по устройству праздника – и судил он не сколько по изысканно убранным столам с яствами и по великолепию отделки апартаментов замка, сколько по собравшемуся в его стенах обществу. И надо же – никто не отказался приехать, несмотря на свою чрезвычайную занятость. Ещё в дверях замка Холтон столкнулся с выходящим на веранду министром Брэдом Морганом и его супругой; на его приветствие министр с улыбкой приподнял шляпу, а его жена, Шарлотта, томно склонила голову. Лорды Джон Пибоди и Эбнер Маккалоу о чём-то разговаривали с красавицей Элен Стивенс, держа в руках бокалы с играющим шампанским – они тотчас поклонились Холтону, приглашая его присоединиться к их милой компании. Леди Тереза Астон громко смеялась, перешёптываясь о чём-то с дамами своего окружения в гостиной. Лорды Элморы; банкиры Стенси и Рузвельт с супругой, страдающей чахоткой; послы Франции и Канады... Похоже, графиня Диана решила собрать сегодня наиславнейшие фамилии королевства под крышами Рочерстоу; и Холтон ничуть не удивился бы, встретить он здесь даже членов королевской семьи Её Величества, да и её самоё.

Около сотни именитых гостей разговаривали в залах и салонах Рочерстоу, мерно прохаживались по парку или отдыхали на веранде замка – а лодки всё продолжали курсировать между берегом озера и островом, доставляя всё новых гостей.

Холтон немного прогулялся по парку, потеряв из виду своего друга; было уже около пяти вечера, но жара дня ещё не спадала. Любезно раскланиваясь и обмениваясь короткими приветствиями с идущими ему навстречу гуляющими, он любовался панорамой озера и начинающегося сразу за ним леса. Место было чрезвычайно живописным; само по себе оно уже рождало в человеке праздничное настроение,

словно вырывая его своим видом из суровых и серых лондонских будней. А разговоры и громкий смех женщин на каждом шагу лишь усиливали это праздничное настроение гораздо больше.

Пройдясь по острову, Холтон сумел-таки обнаружить Прайса в одной из многочисленных компаний на веранде замка; речь – как обычно – вновь шла о повышении курса тех или иных валют на мировом уровне. Холтон извинился и оттащил друга в сторону.

- Похоже, сэра, что вы вместо того, чтобы праздновать вместе со всеми приглашёнными пытаетесь втянуть их в тяжёлую мозговую работу по обсуждению государственных финансовых вопросов? – с деланным беспокойством на лице осведомился Холтон у старого банкира.

- Никоим образом, – ответил Прайс, опираясь на шикарную трость с набалдашником в виде львиной головы. – Дела – они повсюду; и даже во время этого милого праздника... Добрый день, сэра Холли!.. Леди Ортег, моё почтение!.. – крутанулся пару раз вокруг своей оси старый джентельмен, отвечая на сыпавшиеся на него со всех сторон многочисленные приветствия других гостей. – Даже в момент торжества, дорогой мой, ни в коем случае нельзя забывать о деле – особенно, если оно вам навязано Королевской казначейской палатой, сэра Холтон...

- Хотел бы я знать, сэра, что вы думаете о графине Диане? – спросил Холтон, отыскав глазами фигуру владелицы Рочерстоу в одной из групп только что прибывших на остров гостей. – Что вы о ней могли бы сказать, сэра?

- Что я о ней думаю? – старик в упор поглядел в глаза Холтону и усмехнулся. – Мне о ней думать нечего – а вот вам-то следовало бы и подумать! Красива... Знатна... Богата... Вам и карты в руки, сэра Холтон!

- Да нет же, - смущённо пробормотал его собеседник, - я хотел спросить у вас, кто она такая? Ведь я только на днях прибыл из колоний, а вы – постоянно в Британии и уже имели случай встречаться с ней... Что она представляет из себя, эта графиня Диана? – задумчиво прибавил Холтон, снимая шляпу перед проходящей мимо леди Ворстон со своей горничной.

- Ха! – крикнул старый Прайс и подмигнул Холтону. – Никогда

не имею привычки куда-то отправляться, предварительно ничего не узнав о хозяевах... гм... того места.

Друзья спустились по мраморным ступеням с веранды в парк; Холтон предложил Прайсу одну из незанятых скамеек под деревьями. Они уселись и старый друг Холтона закурил огромную сигару:

- Судя по её фамилии, в роду у неё должны быть французы – хотя никого с такой фамилией никогда не было в числе знаменитых французских аристократов, в этом вы можете мне довериться, сэр! Года три назад она жила где-то в Чехии или Польше – впрочем, эта история общеизвестна... Вот только мне удалось узнать частным образом несколько больше информации о графине, и о самом замке... ведь легенда о нём, конечно, известна вам, сэр Холтон?

- И что же вам известно такого, что неизвестно никому? – тут же спросил Холтон, проявляя к его словам явный интерес. – Мне известно, что около трёхсот лет назад в Рочерстоу разыгралась какая-то ужасная трагедия, во время которой погибли все обитатели замка...

- Да, у меня было время посидеть над хрониками Англии в Королевской библиотеке, - задумчиво глядя перед собой продолжил пожилой джентельмен, яростно попыхивая сигарой. – История сводится к тому, что триста лет тому назад некая графиня неанглийского происхождения по фамилии Алукард приобрела этот замок уже не помню у какого барона из рода Рочерстоу. Название замка осталось таким же до сих пор... Так вот, сэр Холтон, графиня организовала пышный приём гостей и торжество в честь какого-то случая – и той же ночью в замке произошло нечто ужасное: и гости, и слуги, и хозяйка были убиты все до единого. Я говорю «хозяйка», однако её тело так и не было найдено королевскими сыщиками; но, надо полагать, что и она нашла свою кончину в чудовищной резне. Хроника упоминает, что стены замка были буквально черными от крови убитых; спастись не было дано никому. Что там произошло, осталось тайной – и только крестьяне ближайших деревень поговаривали о слетевшихся в замок демонах из Ада, уничтоживших всё общество... Впрочем, хроника и это передаёт только как слухи. Истинная причина трагедии давным-давно канула в Лету...

- Но позвольте, сэр! – нетерпеливо прервал рассказчика Холтон. – Ведь теперешняя владелица Рочерстоу носит ту же фамилию!

- Совершенно верно, мой юный друг! – немедленно подхватил Прайс, чертя тростью на гравии под ногами какие-то узоры. – Нет никаких сомнений, что графиня Диана является прапра-чёрт знает какой там внучной той самой графини Алукард, погибшей в этих стенах около трёхсот лет назад. На это бесспорно указывает не только фамилия, но и графский титул... Я полагаю, сэр, что это признание графиня Диана приберегла напоследок торжества; ведь нет ничего лучше, чем развеять глупые легенды вокруг этого замечательного места путём появления здесь самой наследницы давно покойной графини... Согласитесь, сэр, это очень романтично – вступить наследницей туда, где твои предки были убиты несколько сотен лет назад!

- Да-а... – протянул Холтон, ещё раз замечая в толпе белое платье графини Дианы. – Весёленькая история, ничего не скажешь! Неужели никто не подозревает, что они говорят с женщиной, предки которой уже правили Рочерстоу?

- Даже не сомневаюсь в этом, сэр Холтон, - и Прайс выпустил изо рта последнюю струю дыма, бросая окурочек в стоящую рядом со скамьёй металлическую мусорницу на шарнире, – как и не сомневаюсь в том, что графиня Диана молчит об этом умышленно, в надежде огоршить всех нас после торжественного бала... Однако, сэр, нам уже следует возвращаться в замок – скоро шесть часов, - прервал себя Прайс и посмотрел через плечо в сторону озера – лодки уже прекратили свои бесконечные рейсы по его глади; только две из них наперегонки плыли к острову с последними группами гостей. – Похоже, что приглашённых больше не намечается... да их и так уже больше, чем достаточно... – Прайс зевнул и, опираясь на трость, тяжело поднялся со скамьи.

Холтон поднялся вместе с ним – и друзья медленным шагом пошли по направлению к старинному замку.

Какая-то компания аристократов ещё на веранде заставила Прайса присоединиться к себе – и Холтон снова остался в одиночестве. Сам он не слыл особенно общительным человеком, предпочитая наблюдать за интересующими его людьми издалека, нежели вступать с ними в прямое общение. И поскольку делать ему было совершенно нечего, он стал наблюдать за королевой сегодняшнего праздника – графиней Дианой Алукард.

Она переходила от группы к группе; улыбалась, разговаривая с гостями. С усмешкой Холтон заметил, что за графиней наблюдает не он один: ещё около десятка молодых джентельменов и аристократов не спускали глаз с прекрасной женщины, находясь от неё на некотором отдалении. Не желая ставить себя вровень с ними, Холтон решил побродить по замку с бокалом шампанского в руке, чтобы ещё лучше ознакомиться с древней постройкой.

Несколько минут спустя он уже сидел в огромном кресле большого зала библиотеки замка Рочерстоу; в помещение также было ещё около десятка человек – в числе их был министр Морган. Компания рассматривала корешки книг старинных изданий, оценивала красоту люстр и средневековой мебели... А затем в библиотеке появилась графиня Диана в сопровождении нескольких слуг.

Сердце Холтона разом прекратило биться, когда звонкий мелодичный голос графини обратился ко всем находящимся в зале:

- Милые гости замка Рочерстоу (в её голосе чувствовался некий слабый акцент)! Поскольку все приглашённые оказали мне честь своим присутствием в этот счастливый день в моём замке, то я не вижу причин откладывать начало торжества до ночи... Судя по всему, все приглашённые уже собрались, поэтому я с нетерпением ожидаю всех на первом этаже – в зале и на веранде. Милости прошу вас! – и церемонно склонившись перед министром, графиня Диана со слугами удалилась.

Но в тот же миг, когда Холтон наблюдал выход министра с супругой и всей компании из зала библиотеки в коридор, его вдруг осенила странная мысль; мысль, не дававшая ему покоя ещё до приезда в замок Рочерстоу. Он внезапно осознал, что фамилию прелестной графини путём анаграммы можно прочесть как Дракула! Холтон ещё прекрасно помнил огромный фурор, произведённый книгой его знаменитого и совсем недавно умершего соотечественника Брэма Стокера, повествующей о чудовищном вампире – графе Дракуле из Трансильвании. Конечно, Холтон не мог принять за действительность фантазии автора книги, но такое совпадение... И Холтон – от нечего делать, да и от ещё более повышенной заинтригованности рассказом Прайса – решил заняться маленьким расследованием по этому поводу, чтобы потом объявить всему обществу о замеченном

им «удивительном совпадении». Поэтому вместо того, чтобы пойти по коридору вниз, встречая по пути спешащих на веранду гостей, Холтон вознамерился нанести визит в личные апартаменты графини. Их расположение было известно всем, кто успел побывать на экскурсии по замку Рочерстоу несколькими часами раньше.

Будуар графини Дианы находился на третьем этаже величественного здания – ни слуги, ни гости более не попадались ему на пути. Молодой человек прошёл по коридору длинную анфиладу дверей и остановился возле готического окна перед самым поворотом коридора налево. Перед ним находилась большая дверь; нажав на её позолоченную рукоять, он толкнул её от себя. Дверь оказалась незапертой – и Холтон, сделав шаг в комнату, немедленно закрыл её за собой.

Оглядевшись на месте, Холтон сразу оценил убранство будуара – такому вполне могла бы позавидовать любая леди из высшего общества: огромного размера трюмо (почему-то затянутое белой кисеей), кровать под балдахином на восточный манер, небольшой стол с двумя готическими креслами, окно, шторы, гардины... Словом, даже для искушённой в светской жизни дамы здесь было на что посмотреть и чему позавидовать.

Однако Холтон не был салонной красавицей, поэтому не стал внимательно рассматривать каждую завитушку орнамента кровати из чёрного дерева или пробовать на запах многочисленные склянки с духами, восторгаясь увиденным – он сразу же оказался возле стола, на котором лежало несколько бумаг. Быстро пробежав их глазами, Холтон положил их на место – ничего особенного: права на замок, банковские счета, права на землю... Собственно, он и сам толком не представлял, что же он разыскивает... Все ящики стола – их было четыре – оказались пустыми; и только в нижнем из них он обнаружил весьма старую на вид карманную записную книжку в кожаной обложке, застёгнутую двумя металлическими застёжками. Расстегнув книжку, Холтон раскрыл её на первой странице – его глазам предстали латинские буквы, выведенные красивым твёрдым женским почерком, снабжённые множеством замысловатых завитушек. Молодой человек озабоченно прочёл начало первой строки: «Я, Диана Дракула, вдова Влада Дракулы, для безопасности изменившая ужасную фамилию на Алукард, намереваюсь и далее творить чёрные и кровавые дела,

угодные Принцу Тьмы...» Холтон даже вздрогнул от прочитанного – столь ясно записная книжка подтвердила его мысль об анаграмме в фамилии графини; а дальнейший текст особенно заинтересовал его. Какие это «чёрные и кровавые дела» могли быть у прелестной Дианы? Холтон закрыл книжку и сунул её во внутренний карман сюртука – это следовало прочитать где-нибудь в укромном месте, например, в парке, возле лодочного причала или среди опустевших дорожек на скамье. Как только он обдумал пришедшую мысль, то немедленно пошёл к двери и тихонько открыл её.

В коридоре никого не было и молодой человек, закрыв за собою дверь, двинулся по коридору к лестнице. Проходя зал библиотеки он неожиданно столкнулся со старым слугой, выходящего из противоположной залы и подозрительно глядящего на Холтона.

- Я заблудился во всех этих переходах, - напустив на себя беспечный вид сказал Холтон; глаза слуги тем не менее продолжали недоверчиво изучать его. – Не скажете ли, любезнейший, как мне выбраться из этого Критского лабиринта на улицу?

Лицо слуги подобострастно расплылось в улыбке:

- Нет ничего проще, сэр! Вам надо лишь спуститься по этой лестнице, сэр!

Холтон стал спускаться вниз, держась за перила; пристальный взгляд слуги провожал его – Холтон это чувствовал даже спиной. Наконец он спустился в зал – поздравления сыпались на графиню со всех сторон; от многочисленных пожеланий вполне можно было оглохнуть. Гости пили шампанское, по-прежнему разбившись на группы. Холтон тоже приблизился к графине и поклонился ей:

- Прошу простить меня за опоздание, очаровательная графиня, - произнёс он, стараясь глядеть ей прямо в лицо, - просто в вашем замке можно заблудиться, даже имея в руке нить самой Ариадны...

Женщина оценила его шутку и чарующе улыбнулась:

- О, это правда... Вы – сэр Иезекия Холтон, не так ли? – она изучающе посмотрела на него. – Ранее мы не встречались?

- Точно так, любезная графиня, - Холтону казалось, что всё внимание гостей привлечено его диалогом с графиней, поэтому он старался как можно скорее закончить его. – Долгое время я провёл в наших индийских колониях, дорогая графиня.

- Надеюсь отныне видеть вас частым гостем в Рочерстоу! – графиня грациозно протянула ему руку для поцелуя. – Надеюсь ещё не раз встретиться с вами, - и она отошла от Холтона к стоявшей по соседству шумной компании негоциантов.

Молодой человек неспеша вышел на веранду. Решив не тревожить своего друга Прайса, который, с бокалом вина в одной руке и тростью в другой, в окружении банкиров обсуждал во всё горло очередной финансовый вопрос, Холтон постарался как можно незаметнее удалиться от людей в сторону лодочного причала, чтобы без помех и свидетелей предаться чтению записной книжки.

Было около семи вечера. Холтон рассчитывал прочитать книжку – исписанную чуть больше половины – за час с лишним; затем ему следовало вернуть её также незаметно в будуар новой владелицы Рочерстоу. Холтон добрался почти до самой воды; там он сел на одну из скамеек, спиной к замку, и достал записную книжку из кармана. Поблизости никого не было – он ещё раз убедился в этом, мельком посмотрев на все четыре стороны. Потом застёжки тихонько щёлкнули под его пальцами – и Холтон углубился в чтение так и запрыгавших перед его глазами ровных строк, от которых на него повеяло ужасом с самой первой страницы записной книжки графини Дианы:

«Я, Диана Дракула, вдова Влада Дракулы, для безопасности изменившая ужасную фамилию на Алукард, намереваюсь и далее творить чёрные и кровавые дела, угодные Принцу Тьмы, могущественному и несравненному Люциферу, всем падшим ангелам и Нахеме – Царице Вампиров и нашей великой Адской Покровительнице. Пусть идёт время... Пусть оно не замедляет своего хода – ибо время не может принести вреда бессмертным, которые вынуждены пока скрываться от смертной человеческой расы. Настанет миг, когда оставшиеся человеческие существа будут рабами бессмертных; будут их пищей в любой момент, когда только пожелают их господа и повелители... И я, графиня Диана Дракула, вдова знаменитого Дракулы – Существа Высшей Расы – хочу приложить все свои усилия для скорейшего наступления этой Великой Минуты! Я пишу свои воспоминания в надежде на то, что рано или поздно Высшая Раса ужасных бессмертных возьмёт верх и абсолютную власть над смер-

тными людьми – и тогда мои записи станут неотъемлемой частью истории Великой Расы; и я сама тоже стану этой Историей! Бессмертные смогут оценить ту Силу Зла, которую я смогла реализовать, наслаждаясь кровью, мстью и жестокостью; сама Нахема и Люцифер распорядятся о том, чтобы смертные и бессмертные поклонялись мне, видя мою преданность Аду и воинству Чёрного Престола...

После трагической смерти моего возлюбленного супруга, я поклялась вечно мстить его убийцам – смертным, и после договора с Сатаной я приняла бессмертную личину Вампира. Первую сотню лет я довольствовалась лишь одиночными убийствами, привыкая к своему новому состоянию. Я употребляла столько крови, что смогла появляться днём, при свете солнца, без малейшего вреда для себя. Я мстительна, я жестока – и я довольна собой. Именно я буду образцом совершенной бессмертной женщины Великой Расы Вампиров!..»

Около трёх десятков следующих затем листов были заполнены самовосхвалениями графини Дианы, отрывками из её биографии и описаниями чудовищных кровавых ритуалов бессмертной Высшей Расы. Кратко говоря, она являлась, будучи ещё в человеческом облике, женою знаменитого секлерского воеводы графа Влада Дракулы, разбившего турков при Дунае в XV столетии и совершившего ещё немало подобных победоносных кампаний. После его загадочного убийства, о котором в записях ничего не говорилось, Диана пожелала сама стать вампиром, чтобы вечно мстить людям за гибель супруга. Первую сотню лет она только набиралась сил и опыта ведения нового существования – с самого начала она отличалась особой кровожадностью и непередаваемой жестокостью к своим жертвам. Похоже, что для обретения вечной молодости и красоты Диана использовала методы печально известной человечеству графини Батори, своей соотечественницы, принимавшей кровавые ванны; о количестве убитых ею девушек Диана ясно пишет, что «оно не поддаётся никакому учёту». Затем население той местности восстало против кровожадной вдовы графа Дракулы, и ей пришлось бежать из Трансильвании, унося в своём жестоком сердце горячую ненависть и планы мести всему человечеству.

Холтон быстро перечитывал прыгающие в его глазах строки; как

тяжело ему было поверить в написанное! Получалось, что эта милая, всем улыбающаяся хозяйка являлась адским существом, роющим могилу каждому человеку в отдельности?! Во время чтения Холтону неоднократно казалось, что даже Солнце значительно утратило силу своего сияния, а легкий летний ветерок казался ему ледяным. Ужасная истина открылась ему во всей своей наготе – и отмахнуться от неё не было ни малейшей возможности.

После бегства из Трансильвании графиня Диана много странствовала по Европе – о её ужасных похождениях повествовали ещё несколько листов; она совершала чудовищные преступления почти во всех городах Германии и Франции, убивая свои жертвы – и лишь некоторых она приговаривала к мерзкому существованию вампиров, тем самым увеличивая количество бессмертных на земле. Наконец, графиня оказалась на территории Англии; в её дневнике эта дата была помечена 1608 годом. И здесь у неё в голове созрел коварный план – совершить массовое избиение большого количества народа, не довольствуясь, как прежде, одиночными жертвами своей неизлечимой кровавой болезни. Холтону немедленно попалось в тексте слово «Рочерстоу» – и он с ужасом стал внимательно вчитываться в написанные твёрдым почерком слова:

«Именно здесь, в замке Рочерстоу, находившемся на острове в центре озера, меня и посетила мысль о чудовищном по размерам жертвоприношении человеческих детей в жертву Силам Зла и своей неутолимой ненависти... Я приобрела этот замок, восстановила древние стены, которые были избраны мною для великой трагедии. Я стала вращаться в кругах английской аристократии, совершая визиты и делая приглашения; и через полгода задала великолепный пир и бал в собственном замке, на который собрались более сотни человек самых знаменитых фамилий Великобритании, не считая слуг и нанятых мною лодочников. Это место никому не давало возможности покинуть замок – ибо он находился на острове. После того, как лодочники перевезли последних гостей, мне оставалось только ждать, пока солнце спрячется за вершинами деревьев леса, окружающего озеро: ибо с того момента ко мне еженощно приходит Сила; тогда уже ничто не может остановить меня. Ибо только с момента заката солнца и до его восхода я обладаю силой двадцати че-

ловек; только тогда у меня есть возможность обращаться в летучую мышь или кошку, волка или змею; только тогда я властвую во тьме – и ничто не может остановить меня!

И вот, когда оркестр всюду развлекал гостей, я отдала распоряжение преданным мне лодочникам продырявить все лодки до единой, дабы никто не смог сбежать с острова; глупые твари спешно выполнили моё приказание, даже не поинтересовавшись, зачем мне это понадобилось; впрочем, сама я пояснила им это своим капризом задержать желанных гостей на острове вместо одного дня на целых три. Поверили они в мою «шутку» или нет – не так важно. Я щедро платила им и они даже не подозревали, что вскоре сами станут жертвами моей страшной мести – вместе со слугами и почётными гостями замка Рочерстоу.

Ровно в половину одиннадцатого, летом 1608 года, лодки были потоплены и я не спеша расправилась с лодочниками – весёлые звуки оркестра заглушили их безумные вопли. А затем я взошла на веранду...

Что и говорить – моя затея удалась на славу: никто не ушёл из замка; никто не был в состоянии скрыться от моей мести. Более ста человек были беспощадно растерзаны мною на куски; я напилась крови до отяжеления. Кто-то бросался к лодкам, но – ах! – все они давно были предусмотрительно уничтожены! Переплыть озеро было не по силам даже специально тренированным для этого мужчинам – поэтому бежавшие не нашли ничего лучше, как прятаться от меня по острову. Нечего и говорить, что я легко находила их и убивала... Это было настоящее торжество, и я была в восхищении от так замечательно оправдавшей себя моей кровавой затеи.

Таким образом, ещё до двух ночи моё пиршество было закончено – масса окровавленных трупов на веранде, в замке, на причале и по всему острову доставила мне своим видом огромное наслаждение. Кинув последний взгляд на следы своей работы, я перелетела озеро летучей мышью – и надолго пропала из Англии... Год спустя я появилась в Испании, почти полностью повторив английскую историю; только там замок был на острове, соединённом с берегом деревянным мостом. Его мне пришлось взорвать...»

Холтон, содрогаясь, глотал глазами написанное – открывши-

еся ему знания заставляли ежеминутно холодеть от опутывающего его разум ужаса. Так вот откуда появились страшные легенды и предания трёхсотлетней давности о трагедии в Рочерстоу! Значит, правду говорят окрестные крестьяне о событиях в замке – и теперь эта правда получила в глазах Холтона наглядное подтверждение: записная книжка графини лежала у него на коленях! Что же случилось – зловещая вдова Дракулы спустя триста лет решила вновь появиться в сих местах и повторить кровавое пиршество ещё раз?! Снова опустив взгляд в записную книжку, Холтон немедленно получил неопровержимое доказательство своим догадкам:

«И вот, сегодня, покуда гости ещё только начинают собираться в Рочерстоу – о, за триста лет это место почти не изменилось! – я вношу эти строки с трепетной надеждой повторить всё с самого начала, как и триста лет тому назад. К счастью, никто из приглашённых не догадывается об ожидающей всё общество участи... Хотя, нет – определённо к несчастью! Я снова распоряжусь разрушить лодки; снова кровь будет стекать по мраморным плитам веранды и всего замка; снова в ночи будут раздаваться ужасные людские вопли, покуда в предсмертном хрипе они не смолкнут навсегда!»

Молодой человек откинулся на спинку скамьи, прекращая чтение. Холтон дрожал. Записная книжка мельком перечисляла совершённые ранее преступления графини в Испании, Германии и Франции, в Восточной Европе... Она заранее переводила огромные суммы в банки той страны, в которой готовилась совершить чудовищную резню. Она была неуловима. Об этом красноречиво свидетельствовали последние строки записной книжки этого адского существа:

«Я, Диана Дракула, милостью Люцифера и Нахемы высший представитель Великой Расы бессмертных – вечна, сильна и неуловима. Никому не дано остановить меня. Моё правление началось, продолжается – и нет ему конца. Сегодня!.. Сегодня!...»

Холтон, поёживаясь от внутреннего холода, закрыл записную книжку, продолжая, однако, держать её в руке. Мозг его лихорадочно заработал. Взглянув на часы, выуженные из жилетного кармана, он убедился, как мало осталось времени: было уже без четверти девять. Наступали сумерки; по его подсчёту, через час кровавый диск Солнца должен был скрыться за лесными деревьями – и тогда гра-

финя обретёт свою ужасную мистическую Силу; однако, пока у неё только сила обыкновенной женщины, ему надо попытаться спасти людей от угрожавшей им судьбы и спастись самому из этого ужасного места.

В голове Холтона немедленно сложился следующий план: конечно, в его историю об истинной сущности графини и причинах собравшегося «на праздник» общества никто не поверит. Поэтому Холтон решил как можно скорее обратиться к Прайсу, изложив ему легче принимаемую на веру историю о политическом заговоре против министра и некоторых лордов, находящихся на острове. А потом пусть Прайс донесёт это историю до остальных: ему-то наверняка поверят все. Итак, Холтону только следовало вернуться незамеченным на веранду и переговорить с другом – в том случае спасение было бы обеспечено. Конечно, не все сразу смогут покинуть остров... ведь лодок только восемь... но сейчас главное – переговорить со старым королём банкиров.

Ещё Холтон подумал о том, что он мог бы сразу бежать к пристани, которую от него скрывал лишь один невысокий холм; если его обогнуть по берегу, то он оказался бы возле лодок не более, чем через пять-семь минут. Лодки, похоже, ещё в целости – поскольку пока достаточно светло: вдруг кому-либо из гостей придёт в голову совершить небольшую прогулку по воде? В этом случае он мог бы добраться до берега и послать в N. кого-нибудь за полицией, пустив для этого в ход уже придуманную историю о политическом заговоре против министра Моргана. Однако Холтон прикинул время – пересечение озера, преодоление дороги до N. и обратно – его было немного, и он рисковал опоздать. А если графиня начнёт свою кровавую расправу над людьми к одиннадцати, то он опоздает в любом случае.

До слуха его донеслась музыка с веранды и отдалённые голоса, смех – люди и не подозревали об угрожавшей их жизни опасности. Холтон поднялся со скамьи, глядя на озеро – и вдруг за его спиной раздался мелодичный голос графини Дианы:

- Я вижу, сэр, что вы успели уже всё прочитать, не так ли? Ужасно не хотелось мешать вам, да вот только выбора у меня не остаётся...

Обернувшись, Холтон увидел стоящую между ним и скамьёй фигуру графини – она была по-прежнему в белом платье, только че-

рез её плечо свешивался маленький чёрный ридикюль на длинном ремешке. Женщина сделала шаг к Холтону; молодой человек в ужасе отшатнулся от неё.

- Как это низко, сэр Холтон – проникать тайком в будуар дамы и выкрадывать её личные документы из замка, в который вы были приглашены на правах гостя! – на лице графини появилась мерзкая полуулыбка. – Старый Томас видел вас и сообщил об этом мне... Далеко же вы убежали из замка, чтобы узнать кое-что из моей настоящей биографии!

- Графиня... – Холтон облизнул пересохшие губы; он чувствовал, что голос плохо слушается его. – Графиня Алукард... или, вернее, Дракула, вы – чудовище!

- О, конечно! – женщина не сводила взгляда с его побелевшего лица. – Да, я – чудовище! И чудовище сегодня отмечает свой праздник, испортить который вам не удастся... Теперь я попросила бы вас отдать мне записную книжку – и немедленно! – рука графини резко скрылась в ридикюле – и секунду спустя на Холтона было направлено дуло изящного дамского пистолета. – Вы проиграли, сэр! Бросьте книжку мне под ноги – или я застрелю вас!

Молодому человеку не понадобилось и мгновения, чтобы верно оценить ситуацию – он действительно проиграл. Обиднее всего было то, что проиграл он с самого начала. Графине ничего ни стоило убить его – звук пистолетного выстрела, несомненно, будет заглушён рёвом труб оркестра на веранде; в парке не было ни одного гуляющего. Холтон глубоко вздохнул; видя это, коварная графиня громко рассмеялась ему в лицо. Он медленно вытянул руку и осторожно бросил книжку графине под ноги; женщина успела обойти скамейку – теперь между ними было не более пяти коротких шагов. Графиня, не спуская взгляда с молодого человека, нагнулась и подняла свой трофей; мгновение спустя он исчез в ридикюле на её плече.

- А теперь мне ничего не остаётся, сэр, как убить вас, не так ли? – с деланой грустью в голосе произнесла женщина, отодвигаясь на шаг от Холтона. – Вы слишком много знаете и можете ненароком сорвать мой выход на сцену... Может быть, что после того, как вы умрёте, я создам из вас замечательного бессмертного...

Пока графиня Диана лирически предсказывала Холтону его пос-

мертвое существование, если на то будет её высочайшая милость, молодой человек в отчаянии ухватился за последнюю надежду на спасение.

В дамском пистолете данной системы, если он верно сумел это определить, не было барабана – следовательно, единственный заряд помещается в стволе; а значит, оружие необходимо перезаряжать после каждого одиночного выстрела. Если графиня выстрелит в упор и попадёт, то ей будет легко добить его: пока он беспомощно будет лежать раненым – если она, конечно, не убьёт его с первого выстрела, – то ей ничего не стоит перезарядить оружие и стрелять в него до тех пор, пока он не испустит дух. Но вот если она с первого выстрела промахнётся, он уж постарается не дать ей возможности перезарядить пистолет... Расстояние между ними невелико и при удачном прыжке можно попытаться обезоружить графиню – а там как Бог даст.

И Холтон, напрягши каждый мускул своего тела, внезапно пригнулся – и ринулся на женщину, которая тем временем расписывала ему все прелести существования вампира. Графиня не успела даже собраться с мыслями, когда Холтон, тяжело дыша, ударом правой руки стремительно выбил оружие из её рук – пистолет покатился по камням, прекратив своё движение почти возле самой кромки воды. Сильным ударом тела по инерции Холтон толкнул графиню опять за скамью – женщина хоть и была отброшена, но, к величайшему изумлению Холтона, даже после такого удара продолжала оставаться на ногах. Впрочем, особого времени для размышлений у него не было – он кинулся назад и, подняв пистолет, снова повернулся к графине, держа на прицеле её прекрасную белую фигуру.

- Игра закончена, графиня! – всё ещё тяжело дыша сказал Холтон, одновременно со словами отступая на несколько шагов в сторону лодочной пристани. – Вашим кровавым деяниям будет положен конец – раз и навсегда!

Графиня бесстрашно смотрела на него, потирая свою ушибленную руку:

- Вы глубоко заблуждаетесь, сэр Холтон! Попробуйте выстрелить в меня, если вам так хочется – и убедитесь, что оружие смертных действительно лишь для смертных... Вот если вы располагали

бы серебряными пулями... и как же замечательно, что члены англиканской церкви не носят нательных серебряных крестов!..

- ...и, тем не менее, я постараюсь помешать вашему плану! – почти крикнул Холтон, пряча оружие в карман сюртука и продолжая отступать по берегу. – Я вернусь сюда с полицией – и по вашему особому желанию со священником католической церкви, – и тогда я снова буду рад видеть ваше милое лицо.

- Только смотрите, не опоздайте, дорогой сэр! Это будет стоить многих жизней! – надменно крикнула графиня ему вдогонку.

Холтон резко повернулся и, оглядываясь на фигуру в белом платье, побежал к лодкам.

Спустя несколько минут Холтон был на пристани; на нескольких скамейках возле привязанных лодок мирно отдыхали восемь молодых. Молодой человек взбежал на пирс и немедленно потребовал отвязать одну из лодок – мельком посмотрев туда, откуда он только что появился, Холтон заметил поднявшуюся на холм фигуру графини Дианы, смотрящую в его сторону – мол, у него есть спешное дело на берегу и через час он появится здесь снова. Ни один из мужчин даже не поднялся со скамьи; и лишь наиболее старый из них, по-видимому, старший лодочник, неторопливо произнёс:

- По особому распоряжению графини остров никому покидать нельзя, сэр. Потрудитесь подождать до завтра, сэр.

- Вы меня, кажется, не понимаете, - требовательно и настойчиво сказал Холтон, - мне немедленно необходимо покинуть Рочерстоу! К тому же это и есть последнее распоряжение графини!

Лодочники недоумённо переглянулись – один из них нехотя поднялся со скамьи и стал отвязывать одну из лодок, другой бросил в неё лежавшие на пирсе пару вёсел.

- Быстрее, быстрее! – торопил лодочников Холтон, держа руку на пистолете в кармане сюртука. – Графиня будет вами недовольна за вашу медлительность!

И вот лодка была отвязана и снаряжена – один из мужчин готовился уже сесть за вёсла, когда Холтон крикнул:

- Нет, не надо! Я сам поплыву! Особое распоряжение графини!

- Почему же она не пришла вместе с вами, чтобы при нас дать своё приказание? – недовольно буркнул старый лодочник.

Мужчины, как оказалось, тоже успели заметить идущую по холму в их сторону графиню; она несколько раз взмахивала рукой в воздухе. Лодочники стали между собой о чём-то подозрительно перешёптываться, как вдруг неожиданно окружили Холтона. Тот едва успел выхватить пистолет из кармана и направить его на нападавших. Увидев оружие, мужчины сразу же присмирели.

- Малейшее движение – и я расшибу голову первому из вас, кто только попробует задержать меня! – крикнул Холтон, делая последние шаги по деревянному пирсу и прыгая в лодку. – И не пытайтесь преследовать меня – лучше сами уносите отсюда ноги, - с этим неясным по смыслу для лодочников напутствием Холтон опустил вёсла в воду и сел на низкую скамью.

Положив пистолет рядом, он упёрся ногами в специальную подпорку для ног в днище лодки – и сделал вёслами несколько сильных взмахов, стремительно удаляясь от проклятого острова.

Беглец обливался потом, спеша попасть на противоположный берег; лишь на полпути он дал себе короткий отдых на пару минут – часы показывали уже почти две четверти десятого, тогда как до берега оставалось ещё не менее четверти часа пути.

Холтон считал каждый взмах вёслами – он отлично понимал, что шансы на спасение людей с острова невелики. Ещё немного – и графиня отдаст приказ лодочникам уничтожить – если она уже не распорядилась это сделать – оставшиеся лодки; затем около получаса – и солнце окончательно скроется за вершинами елей древнего леса. А ведь необходимо добраться до N., собрать полицейских, затем – вернуться с ними назад и снова переправиться на остров... Нет, более шансов на спасение общества не оставалось. Короткий миг – и ужасная графиня получит свою проклятую Силу; до N. – около получаса на лошадях... ну, на автомобиле меньше... потом обратно... Всё бесполезно, всё напрасно! Но пытаться, тем не менее, следует до самого конца.

На берегу озера был построен маленький палаточный городок – в нем отдыхали слуги, возничьи и шофёры господ, приглашённых в замок Рочерстоу на торжество. Тут же стояло несколько автомобилей, большое количество экипажей и карет; горело несколько костров. Холтон видел, что по берегу прохаживаются люди – до него

уже хорошо доносились их негромкие голоса; он понял, что они заметили его приближающуюся лодку и гадают о причинах столь внезапного появления одного из господ с острова – да ещё и без лодочника, управляющего средством передвижения лично.

Холтон грёб, выбиваясь из последних сил; взгляд его был устремлён к острову, в центре которого в лучах заходящего Солнца багровел ужасный замок Рочерстоу. Он думал о том, что лодки уже уничтожены; о том, что, может, в этот миг уже уничтожены и сами лодочники... Графиня Диана, как ни в чём не бывало, развлекает гостей, улыбаясь каждому из них; шутит, любезничает, острит... Ни министр Морган, ни Прайс, ни Маккалоу, ни Пибоди – никто не догадывается об ожидающей их участи. Об этом известно только кровожадной графине, заманившей столько людей в естественную ловушку на острове, да ему – Холтону.

Он совершил несколько последних сильных взмахов вёслами – руки его почти онемели от напряжённого труда; ноги и мышцы живота сводила жуткая боль, когда лодка буквально вылетела на берег, днищем зашуршав о камни и песок. Вокруг лодки немедленно собралась толпа слуг, удивлённо поглядывавших на молодого Холтона; они, по-видимому, ждали объяснений столь внезапно прибывшего к ним господина, предоставляя ему самому рассказать о случившемся. И он не замедлил обрушиться на них, – задыхаясь, довольно бессвязными фразами, – бросая вёсла и пытаясь выбраться из лодки на почти несгибающихся ногах:

- Заговор! Политический заговор против лордов! Министр Морган находится в опасности! Всё общество находится в опасности! На острове – ловушка!

Несколько крепких рук помогли ему оказаться на берегу; по счастью, среди помогавших Холтону оказался молодой шофёр министра Моргана, одетый в чёрный фрак; его старый слуга Мервин уже бежал к своему господину из ближайшей палатки:

- Сэр Иезекия! Почему вы здесь? Что случилось? О каком заговоре вы говорите?

Спустя несколько минут Холтон пришёл в себя – на берегу вокруг него собралось около полусотни людей. Опираясь на руку Мервина он, уже тише, внятно заговорил:

- Скорее, скорее! Жизнь министра в опасности! – в среде шофёров и возникших он тоже не решился предавать огласке подлинных фактов своих открытий на острове: ибо кто сейчас поверил бы его безумным глазам и хриплому голосу? – Надо немедленно ехать в N. за полицией... Все лодки на острове уничтожены; мне чудом удалось бежать из этого проклятого замка... Министра держат в заложниках заговорщики... Жизнь людей под угрозой... – несмотря на его короткие, дрожащим голосом произнесённые фразы, это произвело огромное впечатление на слушавших Холтона: они засуетились вокруг него, некоторые бросились к экипажам и автомобилям.

- Нет! Всем оставаться здесь! – крикнул Холтон, стараясь преградить никому не нужную панику. – Вы отвезёте меня в город! – сказал он шофёру министра, кивнувшего в ответ головой. – Вы отвезёте меня, потому что автомобиль быстрее лошадей, а времени у нас ничтожно мало... Все остальные пойдут в ближайшую деревню и попросят у жителей десятков лодок – не менее! В случае чего – делайте плоты, но чтобы к моему прибытию с полицией из N. здесь были любые средства для передвижения по воде! Помните – от нас зависит жизнь людей на острове... А-а-а! – завопил он вдруг не своим голосом, - солнце зашло! Поехали, чёрт возьми! Поехали!

Вместе с шофёром министра Холтон бухнулся на сиденье роскошного автомобиля; машина громко заурчала, зачихала смрадными парами сгорающего топлива – и немедля тронулась с места. Холтон поглядел на часы – без десяти десять.

- Гоните всюю, на этой дороге нам никто не может встретиться, - коротко сказал он шофёру; тот дёрнул рычаг и сильнее вцепился в руль управления.

Через мгновение зажглись фары – грохот, скрежет и урчание летящего автомобиля заполнили собой всё пространство узкой лесной дороги, по которой сегодня автомобили проехали чуть ли не в первый раз за всю историю.

Подпрыгивая на ухабах и кочках, Холтон на полной скорости нёсся в N. Шофёр время от времени удивлённо поглядывал на него, не смея, разумеется, ни о чём его спрашивать; да и сам Холтон не желал вступать с юношей ни в какие разговоры. Его беспокоило то, что он должен был сказать в полиции N. и, в частности, самому

префекту по поводу некоего заговора на острове против лордов и министра Моргана. Трясаясь на сиденье летящего в темноте автомобиля под наблюдением испуганного и заинтригованного новостями шофёра, Холтону всё же удалось придумать довольно правоподобную историю, согласно которой выходило следующее: он, Холтон, совершенно случайно подслушал разговор графини Алукард со своими слугами (в руках которых было оружие, спрятанное затем по карманам заговорщиков) о том, что им для каких-то целей надо захватить министра Моргана и нескольких лордов; графине в её замысле согласились помочь и нанятые под видом лодочников уголовные преступники. Цели этого Холтону неизвестны; может, оказание давления на некоторые политические круги?.. Впрочем, и такая история заставит полицию поторопиться как следует.

Четверть часа спустя автомобиль влетел в готовящийся отойти ко сну город; Холтон приказал шофёру ехать прямо к префекту. Пустые улочки так и мелькали за окнами машины, грохочущей по N. Ещё несколько минут – и автомобиль резко затормозил возле роскошного особняка префекта; молодой человек тут же выскочил из машины и, хлопнув дверцей, взбежал по лестнице к парадному. Холтон нажимал и нажимал кнопку звонка у дверей до тех пор, пока не услышал щёлканье замка и в открывшемся проёме дверей не появился старый, одетый в чёрное, дворецкий.

- Передайте господину префекту, что сэр Холтон немедленно хочет видеть его! – сказал он дворецкому вместо приветствия, подавая ему также одну из своих визитных карточек. – Дело не терпит никаких отлагательств, поэтому поторопитесь, любезнейший!

Дворецкий оказался из понятливых – он не стал тратить драгоценного времени на вопросы и, взяв протянутый Холтоном картонный четырёхугольник с гербом, спешно унёсся по лестнице наверх, оставив пришедшего в одиночестве.

Холтон прошёлся по коридору вперёд и назад, представляя, как будет выглядеть лицо префекта, когда он выдаст ему свои последние новости. Пяти минут не прошло, как префект, совершенно одетый и в сопровождении старого слуги, спустился по лестнице, широко улыбаясь; конечно, лично с Холтоном он не был знаком, но кто же в Англии не слышал такой благородной фамилии знаменито-

го судовладельца? Префект – седеющий мужчина лет шестидесяти с чуть прихрамывающей походкой – приглашающе развёл руками, улыбаясь ещё более широкой улыбкой, словно предлагал гостю последовать его примеру; однако Холтон нет-да дал ему опомниться и немедленно заговорил.

Ещё через четверть часа Холтон уже сидел в мягком кресле, держа в руке рюмку с предложенным хозяином американским виски; сам префект тем временем обзванивал два находящихся в Н. полицейских участка, срочно требуя мобилизовать всю полицию города для поездки к замку Рочерстоу. Покуда велись все эти переговоры, Холтон с ужасом представлял себе, что в эту минуту могло твориться на острове – времени было уже за половину одиннадцатого.

Наконец, префект вышел из своего кабинета с сообщением, что двадцать восемь полицейских на шести автомобилях в спешном порядке выезжают к замку Рочерстоу, вооружённые до зубов; сам префект намеревался отправиться к озеру вместе с Холтоном. Перед уходом он только сказал дворецкому, чтобы тот передал его жене и дочери, мол, до утра он вряд ли появится – «срочное, важное государственное дело» – и два джентельмена вышли на крыльцо, по привычке перед отправлением куда-либо поправляя галстуки.

Скучающий, изнывающий от любопытства и нетерпения шофёр министра немедленно завёл автомобиль при их появлении на крыльце. Холтон и префект не сговариваясь сели на заднее сиденье – и шофёр, развернувшись почти с места, дал полный газ.

Префекту, разумеется, не терпелось как можно скорее добраться на место происшествия; он поглядывал на молчаливого Холтона, да изредка за окно автомобиля; сидевший рядом с ним молодой человек лишь изредка смотрел на дорогу, занятый своими карманными часами – без четверти одиннадцать. Холтон надеялся, что может быть, записная книжка графини снова окажется у него в руках – но кому и когда он сможет вручить её как доказательство свершившейся трагедии? Да разве кто-нибудь поверит его рассказу? Холтон уже тогда понимал, что для всех людей Англии случившееся так и останется неким загадочным «политическим заговором» – истинную же подоплёку событий ему придётся унести с собою в могилу.

Автомобиль уже прыгал по кочкам лесной дороги, когда моло-

дой человек пришёл в себя от своих печальных мыслей – префект мирно сидел рядом с ним, покачиваясь при каждом толчке автомобиля. Шофёр по-прежнему внимательно следил за дорогой, остервенело крутя в руках свою баранку и время от времени поглядывая на показания спидометра. Вслед за их автомобилем на такой же скорости летели ещё шесть полицейских машин, освещая тревожным светом фар каждое дерево у дороги, каждый кустарник. Часы Холтона показывали пять минут двенадцатого, когда автоколонна из семи машин вылетела на берег озера и дружно замерла возле палаточного лагеря.

Холтон с префектом вышли из машины; повсюду сновали люди – и только две лодки стояли около берега! Из машин повыскакивали полицейские, собираясь вокруг префекта, немедленно начавшем отдавать им свои приказания; к Холтону подбежал Мервин, ероша рукой свои седые волосы:

- Сэр Иезекия! Только две лодки! Остальные возницы ещё не вернулись... Что же там происходит, Господи? – старик с ужасом в голосе махнул рукой в сторону острова, которого совсем не было видно – всё озеро было окутано плотной стеной тумана. – Такие страшные крики – мужские и женские – доносились оттуда... Что же там такое, Господи? – без устали продолжал причитать старый слуга.

- Постой, старый друг, - негромко сказал Холтон, кладя руку на плечо трясущегося от страха слуги и поглядывая на бегающих и суетящихся вокруг полицейских. – Расскажи подробнее о случившемся на острове во время моей поездки за подмогой.

- Это какой-то ужас, - вновь запричитал Мервин. – После вашего отъезда в N. приблизительно через четверть часа с острова стали раздаваться дикие крики – слов, конечно, на таком большом расстоянии разобрать было нельзя, но что мужчины и женщины вопили не своими голосами – было совершенно неоспоримо, сэр Иезекия! И, судя по доносящимся голосам, они будто не вскрикивали время от времени, но вопили постоянно... А потом остров начал тонуть в откуда ни возьмись появившемся тумане, который стал потихоньку распространяться по всему озеру. Белая стена совершенно скрыла от нас, высypавших толпой на берег, какие-либо звуки; а может, они просто прекратились. Почти мы все – шофёры

автомобилей, возницы – помня ваши слова о заговоре на острове – бросились после этого в ближайшую деревню за лодками, но смогли найти только две. Несколько наших людей ещё не вернулись – они отправились в более отдалённую деревню на восточной части озера – может статься, сэр Иезекия, что в скором времени они появятся... А потом приехали вы с полицией, – печально закончил слуга. – Кто знает, сэр, может мы ещё сумеем хоть кого-нибудь спасти...

Однако, судя по словам старика и каким тоном они были произнесены, сам он вряд ли допускал такую возможность. Мысленно Холтон всецело присоединился к его мнению – он знал истинную причину случившейся на острове катастрофы и поэтому не стал тешить себя иллюзиями по поводу хоть единственного шанса на спасение бедных гостей замка Рочерстоу. Все они были обречены – а возможно, были мертвы уже в эту минуту. Зная чудовищный замысел графини, Холтон не сомневался, что к прибытию на остров полиции она наверняка не сможет обнаружить там ни единственного оставшегося в живых существа; никто не сможет подтвердить слова Холтона об истинной причине разыгравшейся в замке трагедии.

Молодой человек оставил своего слугу и прошёлся по берегу озера, тщетно пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь толстую белую стену клубящегося над водою тумана. В нескольких шагах от себя он увидел префекта с несколькими полицейскими – они допрашивали одного из возниц о том, что сам Холтон минутой назад услышал от Мервина. Карманные часы Холтона показывали почти половину первого ночи – а экспедиция на остров ещё не была собрана по причине отсутствия лодок. Впрочем, Холтон увидел, что несколько минут назад с десятков младших полицейских чинов под командованием одного из офицеров направились на восток по берегу озера – однако когда они должны были вернуться (да и с лодками ли?), не было известно никому.

Более двух часов от посланного в деревню полицейского наряда не было ни слуху, ни духу; и только около трёх утра Холтон, нервно прохаживающийся по берегу озера вперёд и назад, услышал равномерное скрипение вёсел в уключинах и негромкий шелест воды о борта лодок. Вместе с префектом, также изнывающим от долгого ожидания, Холтон всматривался в белую пелену над водой; тем временем шум вёсел

от соприкосновения с водой становился всё ближе, всё явственней... И вскоре, словно прошибая собой белую стену, из тумана показалось шесть лодок, на вёслах которых сидели возницы и полицейские – посланная в деревню бригада шофёров и стражей закона справилась со своей задачей и теперь возвращалась в лагерь на берегу.

Прошло ещё некоторое время, пока префект формировал группы людей, рассаживая их по лодкам – вместе с лодкой бежавшего с острова Холтона их оказалось уже девять – и давая массу указаний и распоряжений своим подчинённым. Представители охраны порядка были вооружены револьверами и отличными карабинами; кроме того, на самый неожиданный случай атаки, в арсенале полиции имелось около десятка гранат. Холтон вместе с префектом вскочил в одну из лодок – оставшиеся на берегу шофёры махали им руками и желали удачи. Холтон махнул рукой старику Мервину; префект громко отдал приказ – и девять лодок, выстроившись шеренгой, начали свой путь к острову.

Сильные руки полицейских отлично справлялись с работой – они безостановочно гребли; казалось, люди не чувствовали усталости. В каждой лодке по распоряжению префекта было по двое загребующих; к тому же, оказавшись на середине озера – по расчёту Холтона – гребцы во всех лодках были заменены другими. Люди плыли молча. Префект приказал не разговаривать, чтобы незаметно подплыть к острову, тихо высадиться и напасть на замок врасплох, когда их нападения никто из заговорщиков не будет ожидать. Холтон усмехнулся про себя, слушая такие и подобные им рассуждения префекта – он прекрасно знал, что на острове никакие засады и перестрелки им не угрожают. Полиция вообще не сможет найти там ни единого врага – враг будет уже далеко, перемахнув на крыльях летучей мыши через озеро и скрывшись за лесом, как это уже было проделано триста лет назад.

И вот туман прорезали первые лучи восходящего солнца – оно поднималось всё выше и выше, постепенно высываясь из-за крон вековых елей. Свет утра приходил на смену ночной тьме – и туман стал редеть прямо на глазах. И насколько этим был недоволен префект – рушился его план высадиться на остров незаметно, – настолько внутренне радовался Холтон, зная, с каким сильным врагом

пришлось бы столкнуться полиции под покровом ночной темноты. Теперь же, при свете зарождающегося дня, люди могли нисколько не бояться чудовища, которое до следующего заката потеряло свою огромную Силу.

После того, как дневное светило немного поднялось над вершинами елей, туман совершенно рассеялся – и плывущие увидели остров всего лишь в нескольких сотнях футов слева от себя – благодаря туману лодки смогли настолько отклониться от курса, что чуть не миновали свою цель стороной. Теперь уже не было никакого смысла прятаться, решил префект – и громким голосом отдал распоряжение готовиться к высадке у пристани.

Даже зная о случившемся на острове, Холтон не мог не залюбоваться окружающей природой при свете восходящего солнца – в его лучах беззаботно купались и замок, и уже хорошо просматриваемый с лодок парк, и лес, и вереница холмов... Выкрашенная в белый цвет пристань так и сияла белизной, словно была покрыта инеем. С острова доносились крики утренних птиц – и всё вокруг казалось таким спокойным и умиротворённым! Холтону не верилось, что всего несколько часов тому назад на острове могла иметь место ужасная кровавая трагедия... Однако первый её признак уже поджидал плывущих – и люди в лодках впервые реально осознали весь кошмар происходящего.

Закричал один из полицейских, указывая рукой куда-то на воду между лодками и берегом (до него осталось менее сотни футов) – и все головы немедленно повернулись на его крик. Труп женщины в жёлтом окровавленном платье мерно покачивался на воде – и вскоре лодка префекта поравнялась с ним.

- Бедная, бедная леди Астон! – только и сумел произнести молодой человек, разглядывая растерзанный труп – на его лице, животе и шее были видны сильные и глубокие раны, нанесённые каким-то острым предметом.

Префект – да и вся полиция впоследствии – предполагали, что это какой-то из видов холодного оружия; и только Холтону было известно, что орудием нанесения смертельных ран леди Астон являлись зубы и когти графини Дианы, после того как ночь вернула ей страшную дьявольскую Силу.

Тело несчастной аристократки было выловлено из воды и положено на дно одной из лодок, летящих по воде озера к острову, с которого бедняжка с таким нечеловеческим желанием пыталась спастись. Ещё несколько мгновений – и лодки замерли возле пирса; Холтон, префект и первые полицейские уже выбирались на деревянный помост причала. Оставшиеся семь лодок, после бегства Холтона с острова, были потоплены все до единой – только их носы торчали из-под воды; возле одной из скамеек полицейские обнаружили четыре острых топора, которые и послужили орудием их уничтожения. Тут же, прямо на выкрашенном в белую краску помосте, Холтон вместе с остальными высадившимися увидел около десяти-пятнадцати трупов – как мужских, так и женских, - а сам пирс был до отвращения залит уже высохшей кровью. Кровавые полосы, кровавые отпечатки человеческих рук и ног на белом деревянном помосте, лежащие трупы – всё это делало увиденное таким нереальным, таким недействительным на фоне начинающегося солнечного дня, что не один полицейский протирает глаза, спрашивая себя, не снится ли ему, часом, весь этот неземной по своему ужасу кошмар? Нет – все попытки убедить себя в этом ничего не стоили: действительность была действительностью. И эта действительность была в тысячу раз более ужасна, чем самый кошмарный сон.

Полицейские образовали полукруг, впереди которого шли префект и сам Холтон; они тоже были вооружены карабинами. Шаг за шагом продвигаясь по мраморным ступеням замка, люди ежесекундно наталкивались на страшные картины свершившегося преступления – повсюду была кровь и трупы; под ногами часто попадались смятые, окровавленные атласные ленточки и дамские перья, мужские шляпы, трости, перчатки... На веранде царил кошмар; в самом замке не было ни единого места, куда можно было бы ступить, не поскользнувшись на крови. Полицейские разбрелись по замку и острову – ни одной живой души они так и не встретили на своём пути. Были обнаружены тела министра Моргана, лордов Маккалоу, Пибоди, Эгтона – голова последнего была начисто отделена от тела и лежала в противоположном конце зала на первом этаже. Префект ходил по коридорам с записной книжкой в руке; его сопровождал Холтон, помогая опознавать трупы дворян, банкиров, леди знаме-

нитых фамилий... Глазам молодого господина представляли растерзанные тела друзей – Прайса, Когана, четы Стивенсов – и других аристократов, которые лежали на полу проклятого замка Рочерстоу безжизненными и окровавленными.

Полицейские, в числе которых находился один эксперт-криминалист, внимательно осматривали тело за телом – и переходили к следующим. Тем временем другая группа вооружённой полиции не менее внимательно прочёсывала весь остров и замок – их поиски в течение нескольких часов были совершенно безрезультатными. Никаких следов убийц огромного общества на острове не оказалось. Для полиции было совершенно естественно предположить, что заговорщики после завершения кровавой расправы бежали отсюда на специально припасённой для этого лодке или лодках, хотя цель убийства такой массы народа оставалась для полиции абсолютно непонятной.

Ясно, что всем этим заправляла графиня Диана Алукард, ибо её тело так и не было найдено; к тому же полиция имела «свидетельство» Холтона, который видел её в числе «заговорщиков». Станным казалось то, что все слуги этой женщины были уничтожены, подобно остальным гостям; то же самое касалось и специально нанятых графиней команды лодочников. Трупы всех преданных графине людей тоже были найдены в разных местах острова и замка Рочерстоу. Оставалось загадкой – бежала ли графиня с острова одна или же у неё были какие-нибудь тайные сообщники? Ответа на этот вопрос не было, какие только соображения не приходили в головы полицейским. Графиня Диана Алукард унесла эту тайну в своём сердце, бежав с острова под покровом ночной темноты в неизвестном направлении.

Вести о «трагедии Рочерстоу» немедленно просочились в прессу – да и как Англия могла бы не заметить исчезновения своих самых деятельных и знаменитых людей?! Корреспонденты множества изданий в течение недели толпами бродили по берегу озера, засыпая вопросами полицейских и экспертов по поводу случившегося. Конечно, опираясь на полученные от Холтона сведения, в газеты попала ужасная история о чудовищном «заговоре против верхушки правления Кабинета и особенно влиятельных людей политической жизни Великобритании». Холтону удалось избежать встречи с газетчиками – через

сутки он отправился под надёжной охраной в Лондон, в своё собственное поместье. Тайная полиция Её Величества недолго беспокоила его своими вопросами – Холтон сказал всё, что только мог сказать.

Тайное следствие по делу «политического заговора и убийства в Рочерстоу» тянулось около девяти месяцев – проводились всевозможные аресты и допросы подозреваемых; облавы и шпионаж перекинулись даже за границу королевства. Но только все следы преступников терялись ещё на окровавленных ступенях замка на озере – и следствие постоянно возвращалось туда, не в состоянии сдвинуться с мёртвой точки.

Полиция и газеты несомненно сочли графиню Диану главным участником преступления в Рочерстоу – шпионы Тайной полиции наводнили всю Европу и Новый Свет, разыскивая женщину по её фамилии и приметам. Излишне говорить, что все их поиски не дали никаких результатов – графиня словно в воду канула. Департамент сделал многочисленные запросы в разные страны на предмет выявления личности этой женщины, но все они также остались без ответа. А спустя ещё несколько месяцев следствие настолько запуталось, что его пришлось прекратить и сдать в архив, несмотря на недовольство Её Величества и протесты близких и друзей погибших на острове. Тайной полиции ничего не оставалось, как впервые за всю историю своего существования признать своё полнейшее бессилие перед настолько таинственным делом. На этом всё и закончилось.

Хотя слухи, самые невероятные слухи, так и продолжали ходить среди суеверного английского населения. Как в Лондоне, так и в отдалённых деревушках неподалёку от замка Рочерстоу на озере, люди частенько судачили о каких-то таинственных силах, устроивших кошмарную резню на острове; время от времени заметки на эту тему появлялись как в столичных, так и в пригородных газетных изданиях. Поговаривали о какой-то таинственной оргии, которая закончилась поголовным избиением гостей замка Рочерстоу; о том, что министр Морган и несколько видных лордов принадлежали к странной оккультной секте и понесли наказание за неверность уставу своей общины; да и вообще – что все убитые на острове были связаны какой-то страшной тайной, которую они скорострительно унесли с собою в кровавую могилу...

Ходили сплетни чуть ли не о самом настоящем сатанинском культе, жертвой которого стала вся верхушка благородной английской аристократии. Но, конечно, слухи всегда могли оставаться лишь слухами – никто и никогда не мог заметить за упоминавшимися людьми хоть малейшего влечения к сверхъестественному, колдовству или магии; никто из убитых на острове ни разу в жизни не обращался за помощью к каким-либо гадалкам, кудесникам или прорицателям будущего. В прессе даже часто бывало так, что следующая статья опровергала предыдущую, предлагая читателю новую, ещё более нелепую и фантастическую версию трагедии в замке Рочерстоу. Впрочем, логической критики не выдерживала ни одна из них; со временем вся эта история стала забываться, порядком осточертев английской (и не только английской) читающей публике. Во всём мире был только один человек, знающий правду о случившемся на острове – и человеком этим являлся сэр Иезекия Холтон, уже не совладелец, а единственный хозяин огромной английской паровой компании.

На протяжении всей бури следствий и урагана газетных материалов Холтон не следил ни за первым, ни за вторым – ибо никогда не могла быть выведена на чистую воду правда о катастрофе в замке на острове. Ни следствие, ни пресса не могли и близко подобраться к истинной подоплёке событий «кровавой драмы Рочерстоу». Холтон прекрасно знал, что рано или поздно и пресса, и следствие, запутавшись в котле бурлящих противоречий, неминуемо зайдут в тупик, будучи не в состоянии пролить свет на это трагическое происшествие; так оно и случилось. Спустя год после кошмара в Рочерстоу заглохло следствие, а за ним и пресса. Холтон, оставаясь тёмными вечерами в своём огромном рабочем кабинете судовой компании, нередко вспоминал тот ясный солнечный летний день – и последовавшую за ним ужасную ночь. Никто не мог сказать, когда и где снова появится кровожадная графиня Диана Дракула; появится ли она под своей прежней фамилией Алукард или снова прибегнет к её сокрытию путём анаграммы... Никто не мог знать, когда она опять появится в мире людей – но в том, что она появится в нём обязательно, Холтон ни минуты не сомневался. Может, пройдёт пятьдесят лет, а может, и все пятьсот... но ужасное адское

существо, на которое не действуют законы времени и пространства, будет продолжать вершить свои чёрные дела, плодя на земле Зло, получая свою Силу непосредственно от Дьявола. И кто знает, сколько ещё подобных преступлений будет совершено ею – ведь ей ужасно нравились подобные массовые расправы над представителями рода человеческого, «торжества», как она назвала это в своей личной записной книжке... Не стоит говорить и о том, что Холтон, после того памятного прибытия на остров в сопровождении полиции ранним утром, безуспешно пытался хоть где-нибудь отыскать чёрный ридикюль графини с её тайным дневником – все его поиски были напрасны. И только лишь в будуаре на втором этаже замка он обнаружил сброшенное на пол залитое кровью многочисленных жертв платье чудовищной женщины – теперь она в нём более не нуждалась и могла без каких-либо ограничений расстаться со своим нарядом. Глядя на окровавленную дорожную материю, Холтон ещё тогда подумал, что графиня в облике летучей мыши находится уже далеко-далеко от этого места, где полиция тщетно пытается понять причину её преступления...

Сэр Иезекия Холтон никому и никогда не рассказывал о настоящей подоплёке случившегося в замке Рочерстоу; резонно полагая, что такое заявление вызовет шум вокруг его имени в связи с сомнениями по поводу нормальности его психического состояния, владелец судоходной компании предпочитал молчать. Вот если нашлись бы какие-нибудь доказательства или свидетели... но не было ни первых, ни вторых. И только перед самой смертью сэр Иезекия Холтон сделал признание одному из своих немногочисленных друзей, который, по некоторым вполне понятным соображениям, пожелал сохранить своё имя в тайне, делясь данной рукописью с читателями. Поверят они ему или нет? О, если бы всё было так просто и истина кошмара в Рочерстоу состояла в некоем «политическом заговоре»! Дело гораздо хуже – речь идёт о заговоре против человечества, которое и так смертно по своей природе. Только для бессмертных время не является непреодолимым барьером – и давным-давно прочитанный Холтоном дневник графини Дианы Дракулы прекрасно это подтверждает.

Обитатель крипты

История, о событиях которой пойдёт речь, произошла в самом начале двадцатого столетия. Это было время новых тайн, новых изобретений и новых катастроф. Ещё не так давно в далёкой России упал с небес таинственный Тунгусский метеорит, привлекая к себе огромное внимание учёных и любителей всего земного шара. Англичанин Белл изобрёл телефон, и распространение этого аппарата было очень интенсивным как в Старом, так и в Новом Свете. В Европе уже раскинул свои ужасные крылья призрак Первой Мировой войны; народы спешно готовились к этому страшному бедствию. Но здесь, в спокойной и сонной Филадельфии, всё было чудесно. Соединённые Штаты находились очень далеко от европейского театра военных действий, поэтому жителям Филадельфии не приходилось заботиться о бомбоубежищах и запасах продуктов на неопределённый срок. Город продолжал жить своей размеренной жизнью, куда только изредка доносилась информация о положении дел в Старом Свете.

На самой окраине города, с его западной стороны, стоял большой двухэтажный дом в викторианском стиле, обнесённый высоким каменным забором. В его многочисленных комнатах и проживало семейство Эдуарда Элриджа, одного из самых зажиточных горожан Филадельфии.

Этот дом, как утверждали старожилы, был построен неким Галахадом Скуорни – одним из немногих, кому удалось избежать знаменитого Салемского процесса о ведьмах в 1692 году. Скуорни бежал из Салема вместе с семьёй на запад страны, пытаясь уйти от страшного обвинения в колдовстве; позже он объявился в Филадельфии, из опасения возможных преследований сменив фамилию на Элридж. Такие слухи ходили среди наистарейших представителей населения города, которые уже и сами толком ничего не помнили о давно прошедших временах.

Эдуард родился в этом доме и жил там уже более пятидесяти лет; здесь он женился на Элси Ормонд, уроженке Вашингтона, лет на десять моложе его, которую любил и уважал, как подобает джентельмену и супругу. В этом самом доме у супружеской четы родился единственный сын Стивен, на которого любящие родители возлагали много надежд. Смит и Элефсон – двое стареющих дворецких, полная седеющая кухарка миссис Мартин да маленький котёнок Томми дополняли собой картину семейства Элриджей.

Стивен, гордость родителей, отличался необыкновенным умом и чувством долга по отношению к близким. С самого детства у него были серьёзные хлопоты со здоровьем – малейший ветер продувал его и вызывал высокую температуру. Мальчик никогда не гонял мяч во дворе со сверстниками, предпочитая сидеть у окна с книгой или молча прогуливаться по городу тихими вечерами. Родители его весьма переживали из-за этого, но юный Элридж даже после их настоятельных просьб не начал общаться с себе подобными, как и прежде проводя в одиночестве свои занятия и прогулки.

Шли годы; мальчик стал юношей, поступив после окончания колледжа в Филадельфийский экономический университет. И только здесь, на третьем году обучения, он познакомился с Асталией Бини – дочерью итальянских эмигрантов из Венеции: высокой, черноволосой красавицей со жгучими глазами. Родители Стивена опасались, что слабое и хилое здоровье сына поставит между ним и девушкой непреодолимый барьер – и действительно, их отношения были чересчур платоническими. Никто и никогда не видел их во время прогулок держащимися за руки. Возможно, сам Стивен осознавал своё физическое убожество – и потому часто откладывал свидания с Асталией, по-прежнему целыми вечерами просиживая над книгами в своём кабинете.

Что свело его с девушкой и что укрепляло их странные отношения брата и сестры, продолжало оставаться для всех окутанной мраком тайной. Конечно, можно было бы объяснить всё полнейшей случайностью: когда Асталия появилась в университете, студенты не могли принять новенькую в свой коллектив сразу – и она осталась в изоляции, как и положено всем новеньким. Стивен же

умышленно не водил знакомств ни с кем из студентов; он оберегал своё одиночество с таким рвением, с каким другие стараются от него избавиться. Может, именно потому, когда эти два человека встретились, узнав друг в друге себе подобного, у них и завязалось знакомство, переросшее впоследствии в дружбу.

Как пара они совершенно не гармонировали: очаровательная улыбка Асталии, её грациозная походка и рост (девушка была почти на голову выше Стивена) словно выставляли фигуру юноши в ещё более невыгодном свете. Стивен передвигался очень медленно, с одышкой; трость он постоянно носил с собою уже после восемнадцати лет – и далеко не для красоты, а по требованию слабого здоровья и врачей. В его тёмных волосах, к огромному удивлению и страху родителей, уже стала появляться седина. Но Асталия ничего этого словно не замечала. Может, она просто жалела одинокого и болезненного чудака?

Так и текла жизнь обитателей особняка Элриджей – Стивен гулял, читал книги, встречался с Асталией; родители – беспокоились за сына, а старая миссис Мартин готовила по воскресеньям отличные пудинги и пироги с мясом.

Было самое начало марта, когда Стивен отметил свою двадцать первую весну. Снег в этом году сошёл рано, предвещая скорое наступление тёплого времени. Стивен не собирался никого приглашать на праздник – он никогда не любил скопления народа в своём доме. Да и приглашать-то было некого. Только на юбилей – десять и двадцать лет – приезжали к нему родственники из Флориды и Аризоны; а друзья... их никогда и не было. Поэтому он просто посидел вечером в компании родителей, Асталии и слуг, рассеянно и вяло улыбаясь, когда кто-нибудь из присутствующих желал ему доброго здоровья и долгой жизни – по его лицу словно читалось, что он вовсе не надеется на первое и совсем не верит во второе. Поздно вечером он проводил подругу домой и появился у себя только под утро, прогуляв по городу всю ночь, несмотря на холодный ветер. Наутро он, естественно, был с температурой и поэтому не пошёл на лекции. Лёжа в постели, он глядел в потолок, будто бы подводя итоги своего двадцати первого года пребывания в этом чудесном мире.

Через пару дней он поправился; а ещё через пару – пошёл в уни-

верситет. Студенты равнодушно смотрели, как он занимал своё место перед кафедрой, но Асталия была действительно рада его видеть. Лицо его, никогда не отличавшееся красотой, было бледнее обычного.

- Стиви! – девушка легонько коснулась его плеча, улыбаясь чистой улыбкой. – Где ты пропадал? На тебе лица нет.

- Я был болен, Асти. Опять. Простудился и провалялся в постели всю неделю. Извини, - он всегда извинялся перед всеми за своё слабое здоровье.

- А теперь ты как?

- Порядок! – юноша даже сделал попытку улыбнуться. – Постараюсь досидеть до конца лекций.

После окончания занятий Стивен, как обычно, предложил Асталии проводить её домой; девушка согласилась – и в первый раз взяла его под руку. Молодой человек сделал резкое движение, будто собираясь вырвать руку, но потом сдержал себя, глуповато улыбаясь.

- Что случилось, Стиви? – с неподдельной тревогой в голосе спросила Асталия. – Ты выглядишь, как покойник... Я ещё во время лекций заметила, что ты чем-то очень обеспокоен.

- Всё в порядке, милая, - он тоже назвал её «милой» первый раз в жизни. – Действительно, всё в порядке. Наверно, городской воздух действует на меня после болезни.

Он не лгал. Всё действительно было в порядке. Всё, кроме... Сразу в ночь перед его днём рождения ему приснился странный сон: словно он спустился в подвал своего дома, где среди старых шкафов и кресел обнаружил шкатулку с ключами. Там было много ключей разной формы и веса – современные лёгкие ключи, стальные и латунные; более старые ключи от висячих замков ещё второй половины прошлого века и масса других. Но среди них имелся огромный стальной ключ величиной больше ладони – старинной формы, с шестигранником вместо рукояти. Стивен взял его и, спрятав в карман штанов, вышел из подвала наверх, а затем – из дому.

Во сне он шагал по улицам Филадельфии, не зная о цели такой прогулки. Ему казалось, будто что-то или кто-то руководит его действиями. Он прошёл два квартала на восток, где его глазам предстало почти заброшенное старинное кладбище; ржавые ворота его были настежь распахнуты. Стивен, словно подчиняясь какой-то

ведомой его силе, вошёл в город мёртвых, пройдя по центральной дорожке около двадцати метров, затем свернул налево. Перед ним возвышались каменные склепы, крипты, стеллы и кресты. Он прошёл по направлению к наибольшей из крипт – она имела шестигранную форму, в отличие от остальных – и не колеблясь вложил ключ в замок старинной, обитой листовым железом двери. Ключ, мягко повернувшись дважды, остался торчать в замочной скважине. Стивен толкнул скрипящую дверь – и проснулся.

Он припомнил сон, сидя в постели; но что же из него можно было вынести? Нездоровое воображение, и ничего более. Но когда он заснул после обеда, этот же сон явился ему снова до мельчайших подробностей. То же самое повторилось и на следующую ночь, вернее утро, когда он вернулся домой, проводив Асталию после дня рождения. А затем – на протяжении суток, вплоть до сегодняшнего дня – этот сон снился ему ещё одиннадцать раз, когда бы он ни засыпал.

Наконец Стивен не выдержал: он поднялся на ноги около четырёх часов утра – проснувшись от того же сна! – и, стараясь никого не разбудить, оделся потеплее и спустился в подвал. Его преследовало ощущение, будто его сон продолжается – он повторял все свои действия; даже – как во сне! – споткнулся о третью ступеньку подвальной лестницы. И действительно, среди старых шкафов и кресел он обнаружил на полу подвала шкатулку с ключами; огромный старинный ключ словно сам перекочевал из неё в карман штанов Стивена. И тогда юноша, тяжело дыша, стал подниматься вверх.

До начала лекций была ещё уйма времени, поэтому Стивен решил последовать за своим повторяющимся сном. Тихонько выйдя из дому, он отправился через два квартала на восток города – к тихому старинному кладбищу с распахнутыми, покосившимися от времени воротами. Да, он прошёл под ними, сделав около двадцати метров по центральной дороге, и свернул затем налево. Приснившуюся ему крипту он заметил в ту же минуту.

Стараясь не наступать на старинные надгробия, попадавшиеся на его пути к ней, Стивен медленно добрался до дверей и, достав из кармана ключ, вложил его в замок. Ключ дважды повернулся – и юноша толкнул дверь крипты. Она со стоном отошла в сторону, от-

крывая взгляду пришедшего при свете зарождающегося дня пустое шестигранное пространство с установленном в нише противоположной стены саркофагом и мемориальной доской над ним.

Стивен вошёл внутрь, давая возможность глазам привыкнуть к полутьме помещения. К счастью, на улице становилось с каждой минутой светлее, и через настежь открытую дверь в крипту проникали солнечные лучи. Юноше не составляло трудности рассмотреть неровный каменный пол и высокий потолок; углы крипты служили когда-то убежищем кладбищенским паукам, скелеты которых теперь свободно болтались в огромных клочьях серой паутины, когда лёгкие порывы мартовского ветра врывались в крипту через открытую дверь. Сделав ещё несколько шагов от входа (само помещение занимало площадь около четырёх квадратных метров, если не считать угловых срезов шестигранника) в сторону чёрного, прекрасно сохранившегося металлического саркофага, Стивен смог разобрать выпуклые буквы на полированной плите красного гранита: «Мистер Галахад Элридж, Божьей милостью торговец мануфактурой. Рождён в 1666 году от Рождества Господня и погребён в 1741 году, в марте месяце, от Рождества Господня. Да будет земля ему пухом. Все скорбящие.»

Вот что удалось прочитать Стивену на мемориальной доске. Каким-то неясным и подозрительным чувством он отметил про себя, что сейчас тоже «март месяц от Рождества Господня». Осмотрев ещё раз гранитную плиту с надписью и саркофаг, он повернул к выходу – и вовремя: сильный порыв ветра толкнул дверь и она неминуемо бы захлопнулась, если бы Стивен не успел придержать её весом своего тела. Выйдя из крипты наружу и вынув ключ из замка, юноша захлопнул дверь, с ужасом понимая, что мог бы быть по иронии судьбы запертым навсегда в крипте своего предка. Ведь никто из близких его не знал, что он теперь здесь! Место это совершенно безлюдное и горожанами непосещаемое – он так и принял бы мученическую смерть от голода и страха в месте упокоения мистера Галахада Скуорни, в этом ужасном шестиграннике!

После чудесного спасения Стивен немного побродил по кладбищу, обдумывая происшедшее в связи с собственными снами, и неспеша отправился в университет. Таким образом, он почти не глал

Асталии, что у него почти всё в порядке. Почти всё... за исключением необъяснимых событий, случившихся с ним за последнее время.

Стивен договорился встретиться с подругой завтра после лекций и сходить куда-нибудь погулять; однако назавтра он даже не появился в университете. Дело в том, что ему приснился новый сон.

Стивену снилось, будто он снова находится в крипте Галахада Элриджа, только на этот раз дверь плотно закрыта и ключ торчит в дверях изнутри. На полу и на саркофаге горят несколько свечей; одну из них Стивен держит в левой руке. Он, якобы, стоит рядом с саркофагом и правой рукой пытается сдвинуть его с места. После некоторых усилий саркофаг будто бы смещается ещё глубже в нишу, открывая под собой пустое пространство... Нет, не совсем пустое: в каменном углублении под ним лежит толстая чёрная тетрадь, слегка подпорченная плесенью. Юноша нагибается и достаёт её, сдувая с обложки слой многовековой пыли. И раскрывает на первой странице...

Излишне объяснять, почему новое утро застало Стивена в древнем и тёмном шестиграннике на старом кладбище. Немедленно возгоревшись желанием «проверить» свой сон, Стивен, вооружившись несколькими свечами, пришёл в каменную крипту Галахада Элриджа как только рассвело. Закрывшись в помещении изнутри, он расставил зажжённые свечи на полу и на саркофаге в том порядке, в каком они были ему явлены во сне. Взяв одну из свечей в левую руку, он принялся толкать саркофаг правой ещё дальше в нишу, налегая на руку всем своим весом. Его сновидение исполнялось до мельчайших подробностей: что-то заскрежетало – и саркофаг сдвинулся в направлении прилагаемой силы сантиметров на двадцать, открывая под собой небольшое углубление... Стивен уже знал, что он в нём обнаружит; через мгновение тетрадь находилась в его руках – и он спешно открывает её, предварительно сдув толстый слой пыли с её обложки... Первая страница, вторая... третья... Он перелистывает всю тетрадь – она исписана неровным почерком от корки до корки. Кое-где попадаются рисунки – пятиугольные звёзды, круги с надписями по-латыни и на других языках; изображения мечей, равнобедренных треугольников и астрологических планетных символов...

Юноша покинул крипту лишь тогда, когда ему стало невероят-

но холодно; хотя он мало что понимал из написанного, содержание тетради невероятно заинтересовало его. Добравшись домой, он сразу же заперся у себя в кабинете, объяснив родителям, что ему очень плохо – поэтому, дескать, он не присутствует в этот момент на лекциях в университете. Отец с матерью только пожали плечами и сочли необходимым напомнить сыну, что экзамены уже не за горами – три месяца до них пролетят как один день; но Стивен из-за двери даже не удосужился что-нибудь на это ответить.

К обеду он спустился в столовую в крайне возбуждённом виде; пищу принимал молча и, казалось, хотел как можно скорее закончить этот процесс. Он часто поглядывал на часы, висевшие над камином, виновато переводил глаза с матери на отца и беспокойно ёрзал на стуле. А затем, без всякого перехода, заявил удивлённым и впервые видящим его в таком состоянии родителям, что ему позарез необходимы пятьдесят долларов.

- Кажется, теперь я обрёл цель в жизни! – радостно сказал он родителям, пересчитав полученную после обеда сумму. – Я соберу отличную библиотеку... Спасибо вам... папа, мама!

Элриджи всегда и во всём потакали своему единственному чаду; да и что могут значить любые расходы, если они в первый раз за всё время видят сына в таком приподнятом настроении?! Страсть Стивена к книгам была общеизвестной; и если ребёнок вздумал развлекаться таким способом, чего ради они должны мешать ему?

Итак, в жизни семейства Элриджей началась новая эпоха. Стивен как будто потерял свой прежний апатичный вид, став из тихони человеком действия: целыми днями он пропадал (как выяснилось впоследствии из свидетельств очевидцев) в библиотеках города, в магазинах и лавках, торгующих книгами и на почте. В университете он появлялся не более двух раз в неделю, «чтобы не отставать от курса», как он выражался. Впрочем, успеваемость у него всегда была приличной и поэтому Элриджи не боялись за сына в этом отношении. Частенько он уходил из дома ночами и возвращался ранним утром, ничего не объясняя; оставаясь у себя в кабинете – постоянно запирался на ключ, чего никогда ещё не было раньше. Так же было замечено его удаление от родителей; его скрытность по отношению к проводимым им работам достигла своего апогея к середине марта

– и продолжала долгое время оставаться на том же уровне. Правда, он и раньше не отличался особой откровенностью и даже пугал окружающих своим погружением в себя и невероятной замкнутостью, но теперь даже родители считали, что их сын хватил с уединением через край. Внешне Стивен оставался вежливым, но было заметно, что он стал бы намного счастливее, если бы при встречах на улицах города (да и дома тоже) ему не приходилось бы многократно повторять направо и налево «Добрый день!» или «Как вы поживаете?» Никогда не будучи экстравертом, юноша почти окончательно замкнулся в себе и своих интересах.

Если Элриджи ещё и смотрели спустя рукава на такое радикальное изменение в поведении сына, то единственная его подруга невыносимо страдала от этого, считая новое и столь страстное увлечение Стивена книгами началом какой-нибудь психической болезни. Стивен перестал уделять Асталии хоть какое-то внимание; их короткие встречи в университете постепенно ещё более укорачивались. Их традиционные прогулки по городу тоже прекратились. Когда же бедная девушка решалась придти к нему, то ей приходилось высказывать свои опасения его родителям, поскольку сам Стивен её не принимал, мотивируя тем, что, мол, у него совершенно нет для этого времени. Элриджи пробовали говорить с ним, но Стивен лишь отмахивался от родителей – и бежал наверх, к себе в кабинет. Или в библиотеку. Или на почту...

Изумление окружающих вызывала обширная переписка юноши с несколькими особенно крупными университетами и библиотеками страны, также и за её пределами: Стивен переписывался с Сан-Франциско, Вашингтоном, Нью-Йорком; были письма из Лондона, Ливерпуля и Глазго. Он покупал огромное количество книг, причём даже не стеснялся выписывать интересующую его литературу из-за границы. Почти каждую неделю на его имя приходили посылки из Англии – Стивен никогда не пользовался услугами почтальонов или носильщиков, но самостоятельно являлся на почту и увозил приобретённые материалы в экипаже. По подсчётам семейства Элриджей, комната Стивена должна была вмещать уже сотни томов ещё до начала мая – как это и было установлено впоследствии, во время отсутствия юноши. Никто не мог предположить, какого рода

литература так увлекла Стивена; правда, его отец надеялся, что это – поэзия... почему он так считал – неизвестно. Возможно, он наивно предполагал, что же может так сильно завести несчастного юношу, как не английская романтика?

Покупка книг и переписка Стивена продолжалась до начала мая, и всё это время он почти ни с кем не общался. Посещение университета сократилось до одного раза в неделю; преподаватели уже не раз говорили Элриджам, что до добра это не доведёт. Сам Стивен в редких случаях уверял их, что не имеет никакого намерения бросить университет; более того – он обещал, что вовремя подготовится к экзаменам и обязательно сдаст их. Несмотря на все его слова Элриджи и профессора университета только качали головами, без сомнения ожидая от него во время сдачи экзаменов полного провала.

И вот, наконец, в уже неоднократно упомянутом начале мая (Стивен неделю как перестал появляться дома с посылками подмышкой) юноша заявил родителям о своём желании посетить на несколько дней Салем; просьба его, естественно, вызвала бурю протеста и негодования Элриджей. Однако он так просил и умолял их («Мама, папа! Поймите: ну всего лишь несколько дней!»), что деньги на поездку ему были всё-таки выданы, вместе с наказом немедленно по приезду готовиться к экзаменам в спешном порядке. Стивен даже потрудился побывать в университете и попросить у других студентов необходимые материалы для предстоящих экзаменов, чем хоть для видимости успокоил родителей.

Покуда юноша отсутствовал, Элриджи произвели тщательный осмотр его кабинета на предмет выяснения, какого же рода была приобретённая им литература. Увиденное в комнате повергло их, как потомственных пресвитерианцев, в настоящий ужас: книги – все до единой – содержали информацию по магии и оккультизму; им в глаза сразу бросились такие творения, как знаменитый «Молот ведьм» инквизиторов Шпренгера и Инститориса, «Демономания» Бодена и оккультные творения Агриппы; среди авторов попадались имена Борелиуса, Ремигиуса, Парацельса и Олафа Магнуса. Найденные в кабинете Стивена книги в общем и частным образом толковали об астрологии, чёрной магии, некромантии и тому по-

добных отвратительных вещах. Кроме того, тут же были найдены артефакты для проведения различных – и только одному Всевышнему известно, каких именно! – магических церемоний: цепи с пятиконечными звёздами, всевозможные талисманы, отвратительные по виду фигурки божеств и демонов; чёрные свечи, хрустальные шары, кинжалы и обоюдоострый меч с позолоченной гардой.

Не зная, что и думать по поводу странных приобретений и занятий своего сына, изумлённые и негодующие Элриджи стали поджидать его возвращения, которое, несомненно, должно было пролить хоть какой-то свет на таинственные увлечения Стивена. О своих находках Элриджи поделились только с Асталией, да и то под большим секретом, даже и не думая поверить в такие тайны своих старых слуг. Асталия плакала, с ужасом истинной католички выслушивая рассказ родителей Стивена о его кошмарных изысканиях в области чернокнижия. Она сердечно жалела скатившегося в область недозволенной мистики друга, с которым она уже почти потеряла какую-то – ранее более близкую – связь.

Стивен появился через неделю после отъезда – и нельзя сказать, чтобы он выглядел хоть немного более умиротворённым от своего недолгого путешествия. Едва поздоровавшись с родителями он юркнул к себе в кабинет, неся с собой чем-то набитую дорожную сумку. За ужином его ожидала неприятная беседа с родителями, которые немедленно поставили его в известность о том, что для них уже не является тайной порочное увлечение сына «проклятыми сатанинскими путями». Стивен преспокойно возразил им, что это вовсе не «поганая мерзость», а ключ к тайнам Вселенной и что он намерен заниматься этим дальше, несмотря на их запреты и суеверные предрассудки. Словом, до открытого конфликта дело хоть и не дошло, зато повисло на волоске. Отношения между ними стали очень натянутыми и рисковали быть порванными в любую минуту. Стивен по-прежнему исчезал ночами из дома; а если сидел в своём кабинете, то неизменно запирался изнутри на ключ.

За прошедшие затем две недели он не появился в университете ни разу. Пришедшая к нему однажды Асталия даже не была им встречена. Бедная девушка плакала перед закрытой дверью – Стивен даже не соизволил появиться на пороге.

- Не мешай мне! – грубо рявкнул он из-за двери. – Не приходи ко мне, покада я сам этого не попрошу!

И более, несмотря на все мольбы и слёзы прелестной итальянки, он не произнёс ни звука.

Сейчас уже трудно восстановить все причины и следствия в жизни Стивена Элриджа – как, что и в каком порядке происходили изменения в юноше; впрочем, одно можно было констатировать с непреложной уверенностью – ему продолжали сниться сны. Иногда его отец или мать могли слышать крики или стоны сына тихими ночами; могли слышать, как он, уже ничуть их не стесняясь, покидает дом в любое время суток и часто появляется с безумно раскрытыми глазами на пороге ранее мирного жилища Элриджей.

Сразу после обнаружения тетради в тайнике крипты, Стивену стали сниться сны с почти идентичными сюжетами. Некий человек в одежде древнеегипетского жреца совершал какой-то магический ритуал в подземном Храме Сэта. Человек этот был жрецом тайного культа Бога Тьмы; его звали Анх-Ка. Он не говорил Стивену своего имени, не называл места, где находилось подземелье – все эти наименования словно сами появлялись в голове юноши. Анх-Ка стоял в начерченном на полу магическом круге, заключённом в центр пятиконечной звезды, в каждом из углов которой помещалось по большой чёрной свече. Зал был совершенно пуст, лишь саркофаг, стоял у стены напротив двери; пространство было освещено светом сотен факелов. Потолки были очень высокими. Во сне Стивен слышал даже тяжёлое дыхание Анх-Ка, эхом отдающееся по всему залу. В руках жреца был обоюдоострый меч, которым он чертил в воздухе непонятные фигуры. У самых ног Анх-Ка, обутых в сандалии, лежал свёрнутый папирус, к которому жрец часто обращал взгляды, выполнив мечом ту или другую серию воздушных конфигураций. Губы его находились в постоянном движении, как если бы он безостановочно читал какую-нибудь молитву или заклинание. Пот стекал по его лицу; взгляд беспокойно бегал по залу, время от времени замирая на саркофаге... Затем Анх-Ка выходил из круга, обходил его несколько раз – и начинал всё сначала.

Через неделю после этого сна, который повторился дважды, Стивен в самом конце марта явился в крипту Галахада Элриджа около полуночи, принеся с собою старую тетрадь, свечи, меч и несколь-

ко керосиновых ламп. Закрыв дверь крипты изнутри, он расставил лампы по углам помещения и, опустившись на колени при неярком, но достаточном освещении, стал чертить на земле магический круг, заключая его в самый центр пятиконечной звезды. Мел уверенно и мягко скользил по камню; Стивен особенно старался соблюдать пропорциональность и правильность рисунка. Верхний угол звезды почти упирался в саркофаг, тогда как дверь крипты располагалась между двумя её нижними углами. После завершения рисунка юноша зажёл все пять свечей, аккуратно расставляя их по углам пятиконечной звезды – и вошёл с тетрадью и мечом в самый её центр, повернувшись к саркофагу лицом.

Подобно увиденному во сне жрецу Анх-Ка, Стивен начал повторять замысловатые движения мечом в воздухе, читая заранее выученные из тетради наизусть формулы заклинаний. Его преследовало странное чувство, как будто он совершает этот ритуал не в первый раз; как будто кто-то размахивает мечом и шевелит губами вместо него самого. Какая-то необъяснимая сила будто бы завладела им – и выполняя непонятную для него церемонию, она словно сделала Стивена покорным инструментом своей воли...

Ему было далеко не всё ясно, когда он впервые раскрыл таинственную тетрадь – хотя она большей частью была написана на староанглийском, но толковала о довольно непонятных для него вещах; тут же попадались выдержки на греческом, латыни и других, неизвестных Стивену языках, которые зачастую сопровождались странными рисунками геометрических фигур и астрологических символов. В общей сложности, как уяснил для себя Стивен в первый же вечер после ознакомления с тетрадью, текст содержал в себе некий древний ритуал воскрешения из мёртвых, идущий по своему возрасту из самой глубины веков. А если такая информация находилась в тайнике крипты Галахада Элиджа, значит, он сам пользовался ей или же мечтал о собственном воскрешении из мёртвых ещё до Страшного Суда.

Чтобы полностью разобраться в написанном, Стивену пришлось всерьёз начать интересоваться оккультизмом – он почти ежедневно посещал центральную библиотеку и читальню Филадельфии, часами поглощая, копируя и анализируя информацию о запретных сферах из предлагаемой ему литературы. Её оказалось не так уж много, поэто-

му он стал разыскивать книги по магии во всевозможных букинистических магазинах. Таким образом он буквально за несколько недель опустошил всю Филадельфию на предмет означенных книг. Кроме того, Стивен завёл обширную переписку с многими университетами, библиотеками и оккультными обществами страны, не постеснявшись даже выйти за её пределы. Его корреспонденты находились большей частью в Штатах, но были так же в Мексике, Канаде, Англии. Юноша представлялся им историком по профессии, пишущим докторскую диссертацию по теме колдовства в Европе и Америке. Не исчерпавшись на этом окончательно, Стивен выписывал огромное количество книг почти из всех близлежащих точек мира. Его оккультная библиотека росла не по дням, а по часам – причём полученные книги Стивен буквально проглатывал одну за другой.

Точно так же ему стали необходимы колдовские аксессуары, без которых не было возможным совершить ритуал воскрешения из мёртвых: тетрадь прямо называла в их списке меч, чёрные свечи, хрустальный шар и тому подобные причиндалы. Разумеется, их пришлось выписать из Лондона, наряду с последней партией литературы.

Юноше казалось очень странным, что иной раз он выписывал и покупал предметы, которые вовсе не указывались в тетради как необходимые. Например, нигда не говорилось ни слова о наэлектризованном свинцовом маятнике или пантакле Дракона – он тем не менее он выписал и то, и другое, даже в двух экземплярах. То же самое случалось и с книгами. Некоторые их названия и имена авторов словно сами рождались в его мозгу; словно кто-то ему их подбрасывал - и Стивен покорно вносил новую запись в список предполагаемых покупок.

Эта же непонятная сила заставляла Стивена часто просыпаться по ночам и вела его в крипту Галахада Элриджа, заставляя его повторять и повторять ритуал воскрешения; время от времени при чтении книг она же побуждала юношу хватать карандаш и делать в книге пометки, которые, казалось, к теме никак не относились; иногда Стивену приходилось подчёркивать или выделять целые абзацы. Что-то незримое руководило им и направляло все его действия. Ритуал воскрешения необходимо было совершить 666 раз, независимо

от количества делаемых интервалов. От этого числа на Стивена поначалу веяло кошмаром, но потом он успокоился, убедив себя, что в целях науки необходимо проверить возможные последствия от действия этой таинственной церемонии с начала до конца...

Он устало опустил меч. Выйдя из магического круга, обошёл звезду в сорок шестой раз. На сегодня, пожалуй, хватит. Спрятав меч за саркофагом, Стивен покинул крипту Галахада Элриджа, направляясь домой и почти падая с ног от усталости. А когда он ложился в постель, его опять поджидали сны.

Стивен видел человека – высокого, длинноволосого, с бесстрашным лицом, одетого в рыцарские доспехи; он знал, что этого человека зовут де Краон и что он находится в подвале собственного замка где-то на территории средневековой Франции. Повсюду горели факелы; де Краон стоял посреди магического круга в центре пятиконечной звезды с мечом в руках, выполняя им в воздухе замысловатые фигуры. Его взгляд был устремлён на стоящий перед ним саркофаг; у самых ног рыцаря лежали листы пергамента. Губы его безостановочно двигались, произнося уже известные Стивену магические формулы. Юноша хорошо понимал, что де Краон – предводитель большого отряда крестоносцев французского короля Филиппа в Святой Земле – занят тем же ритуалом, который сам Стивен выполнял наяву, после пробуждений ото сна.

Юноша почти совсем не посещал университет; с Асталией он встречался, наверно, месяц тому назад, а может, и более того. Но теперь уже ничто, кроме ритуала, не имело для Стивена ни малейшего значения. К середине апреля он совершил триста восемьдесят четыре повторения церемонии и ни на что не хотел отвлекаться.

Затем ему во снах являлся сэр Морис – пожилой человек, одетый в красный кафтан времён королевы Елизаветы; на голове его был длинный, белый, прекрасно накрученный парик. Стивен знал, что сэр Морис – начальник Тайной Канцелярии Её Величества, и что он вместе с сэром Уолсингемом и пиратом сэром Френсисом Дрейком замышляют победоносное возрождение Англии после разгрома испанской «Непобедимой армады» короля Филиппа II... И сэр Морис тоже совершал ритуал. Он тоже стоял в магическом кругу перед саркофагом; в залу, освещённую сотнями свечей, ник-

то кроме него не имел доступа. Старинная книга с металлическими застёжками лежала закрытой возле его ног в роскошных туфлях с немного загнутыми вверх носиками, а меч в его руках творил безошибочные и быстрые комбинации в воздухе. Губы сэра Мориса проносили заклинание, громким шёпотом отдающееся под сводами и между колонн помещения...

Шестьсот двенадцать повторений церемонии воскрешения были уже совершены Стивеном, когда во сне к нему явился молодой мужчина в длинном тёмном камзоле до колен, в гольфах и грубых туфлях для езды на лошади. Светлые волосы его были коротко подстрижены, блеск жестоких глаз неумолим. Он тоже совершал ритуал воскрешения, размахивая в воздухе мечом и нараспев читая древнее заклинание. В зале его собственного особняка в Салеме находился саркофаг, множество беспорядочно расставленных по помещению горящих свечей и магический круг на полу, начертанный в форме пятиконечной звезды каменным или древесным углём. Мужчина стоял в центре магического круга; было слышно, что за окнами особняка идёт гроза. Молнии часто освещали своими вспышками стены и пол зала; после каждой из них до ушей Стивена доносились ужасные канонады грома. Юноша знал, что человек в камзоле есть никто иной, как его предок Галахад Скуорни, который после бегства из Салема из соображений безопасности сменил фамилию на Элридж.

Это был один из последних снов Стивена; потом он только повторялся. Но между снами о жреце Анх-Ка, рыцаре де Краоне, сэре Морисе и Галахаде Скуорни он также видел ещё сотни подобных снов с другими участниками. Много людей различных эпох и народов совершали в его ночных и дневных сновидениях одну и ту же операцию: тот же меч, тот же магический круг и саркофаг; те же заклинания и свечи. Люди были представителями различных сословий и профессий – государственные чиновники, рыцари, люди третьего сословия; различных возрастов – от юношей до глубоких старцев, убелённых сединами, – но все они были заняты одним и тем же действием: ритуалом воскрешения из мёртвых.

Сон, в котором Стивен увидел своего предка – обитателя крипты Галахада Элриджа – оставил юноше самое неизгладимое впечатление. К этому времени он успел провести ритуал уже шестьсот

двенадцать раз – и тут что-то заинтересовало и остановило его подходящую к концу работу. Было самое начало мая, когда Стивен решил посетить ужасный Салем – родину своего предка. Ранее уже упоминалось о том, как спешно он уехал из Филадельфии и пропал целую неделю.

В Салеме Стивен просиживал в городской библиотеке, всё своё внимание уделяя старинному документу «Салемского процесса о колдовстве, имевшего место в 1692 году от Рождества Христова». Юноша остановился в гостинице под вымышленным именем, решив ни за что не упоминать своей фамилии в этом городе. Он проводил много времени в беседах со старожилами Салема, которые ещё могли что-то помнить из рассказов бабушек о процессе 1692 года; как и раньше, Стивен прикрывался ещё дома придуманной историей о защите диссертации на тему колдовства. Его провели к развалинам особняка некоего Скуорни, которого все старожилы единодушно считали главным зачинщиком дьявольских беспорядков в Салеме и архиколдуном, при посредничестве Сатаны сумевшим-таки бежать из города в неизвестном направлении вместе с семьёй ещё до начала арестов и процесса.

Стивену удалось обнаружить в развалинах зал, который он видел во сне; он просидел там несколько часов, делая какие-то пометки в своём блокноте. Затем он снова шёл в библиотеку, наводя там какие-то справки, касающиеся Скуорни и его занятий. Перед отъездом из Салема Стивен набрал полную дорожную сумку камней и остатков деревянных предметов из развалин особняка Скуорни – и вернулся в Филадельфию.

О том, какими были его отношения с родителями после приезда домой, уже упоминалось раньше; его отношения с Асталией, вставшей в печаль и боявшейся за психическое здоровье друга, тоже оставались на прежнем уровне, если только не стали хуже. Оставалось считанное время до экзаменов, а Стивен так и не посетил университета ни разу. Профессор Дженкинс, его основной преподаватель, явился было однажды в дом Элриджей с увещеваниями, но вместо задуманного долгого разговора со своим студентом старик просто нарвался на его неслыханную грубость. Элриджи только охали и всплескивали руками, слушая причитания до корней волос оби-

женного профессора, тогда как сам виновник скандала преспокойно заперся на ключ в своём кабинете на втором этаже.

Стивен почти завершил работу, пропадая ночами на кладбище – ему оставалось повторить ритуал не более двадцати раз. По его подсчёту, на это требовалось всего пара ночей. Только вот после предпринятой поездки в Салем с ним случилось нечто странное – он словно временами забывал о цели своих изысканий. Нет, он отлично понимал, что в сугубо научных целях намеревается воскресить Галахада Элриджа; он просто не понимал, зачем он это делает. Не то, чтобы он боялся – он не понимал. Но однажды запущенный с таким рвением механизм остановить было невозможно – и потому Стивен перестал обращать внимание на сомнения и провалы в памяти (в последнее время они особенно резко участились), стремительно продвигаясь к намеченной цели.

Он полагал, что его работа ведётся в тайне – никто, кроме родителей, как он думал, ничего не знает о его исследованиях и ни разу не видел его на старинном кладбище. Как выяснилось этой тёплой майской ночью, Стивен ошибался.

Он явился в крипту Галахада Элриджа и, согласно давно изученному порядку проведения церемонии, совершил её тринадцать раз. Было около двух часов ночи, когда он вышел из крипты, сделал несколько шагов – и неожиданно столкнулся нос к носу с Асталией, которая поджидала его появления на центральной дорожке кладбища.

- Что ты здесь делаешь, Асти? – изумлённо спросил он, вытирая со лба пот, выступивший от внезапной встречи с подругой в таком месте и в таком часу.

- Дожидаюсь тебя, Стиви, - решительно заявила девушка, давая понять ему своей интонацией, что ей всё известно. Это немедленно подтвердили её дальнейшие слова:

- Стиви, Стиви! Неужели ты думаешь о том, что мне ничего не известно? Что я не знаю, в какую глубокую пропасть скатился мой друг?

Она схватила его за руку; в её глазах заблестели слёзы.

- Ты лучше скажи, что тебе тут понадобилось? – мрачно процедил Стивен сквозь зубы, не пытаясь, однако, вырвать руку. – Как ты узнала, что я – здесь?

Девушка умоляюще посмотрела на него:

- Да просто, Стиви! Я следила за тобой; следила уже не одну ночь. Мистер и миссис Элридж давно поведали мне о твоих занятиях и я искала момента поговорить с тобой. В университете ты перестал появляться; у себя дома ты не хочешь меня видеть – так что мне оставалось делать, как не следить за тобой?! О, если бы ты знал, как это отвратительно – следить за другом, у которого появились какие-то тайны от меня... Ведь я – тоже тебе друг, Стиви! – произнеся последние слова, Асталия разрыдалась.

Стивен внезапно почувствовал, что к нему что-то вернулось – что-то такое, что у него было раньше. «Неужели, - с удивлением подумал он, - это и есть возвращение совести?» Нет, совесть всегда была при нём – и когда он конфликтовал с родителями, и когда выставлял за дверь Дженкинса – он прекрасно понимал, что поступает нехорошо. Просто дело в том, что нельзя приостанавливать начатую работу из-за каких-то университетов и семейных склок. Если он потеряет свою твёрдость и целеустремлённость – его исследования замедлятся, если не остановятся совсем. А тут ещё эта Асти... Но Стивен отчего-то не смог удержаться – и потому заговорил. Он ощущал, что будто бы не хочет произносить эти слова или же вообще говорит не он, но так и не смог противиться сказанному:

- Знаешь, Асти, я, похоже, очень плохо вёл себя в последнее время. Все эти мои исследования меня полностью поглотили. Но даю тебе слово, как своей единственной подруге, что когда я всё закончу, то мы обязательно пойдём куда-нибудь погулять... – он понимал, что последние слова прозвучали особенно глупо, но так и не придумал, что можно к ним добавить.

Асталия, отпустив его руку и вытирая слёзы, не дала ему закончить:

- Какой же ты смешной, Стиви! Неужели ты и в самом деле не догадываешься, что мне всё известно о твоих «исследованиях»? Неужели ты считаешь, что мне неизвестно, насколько сильно они поглотили тебя и держат мёртвой хваткой?.. Умоляю тебя, уйдём отсюда подальше! Пообещай мне, что больше никогда не приблизишься к этому кладбищу и старой крипте... Обещай мне, Стиви! – молила его девушка. – Неужели ты не видишь, что я люблю тебя и хочу спасти от этого сатанинского кошмара? Я же видела твой кабинет, Стиви! Он полностью набит магической, дьявольской литературой

и чёрными свечами... Оставь это, Стиви! Ради Бога, оставь! Я с ума схожу, думая о том, куда ты можешь попасть после смерти; родители твои тоже не на шутку напуганы... Обещай мне, что больше не будешь заниматься этой дьявольщиной!

Из всей тирады подруги Стивен был словно оглушён одной-единственной фразой: «Я люблю тебя». Что-то вновь перевернулось в его душе; что-то такое, о чём он давно догадывался и что очень хотел бы знать наверняка. И потом – Асталия была его единственным другом... Поэтому он совсем не сознавал, как смог произнести ей в ответ спокойным и нежным голосом:

- Асти, милая! Знай, что я тоже люблю тебя, только боялся говорить об этом раньше... Боялся потому, что я болен и слаб; потому, что у меня отвратительное здоровье...

Девушка, подобно хищной тигрице, бросилась Стивену на шею и крепко обхватила её руками, прижимаясь к нему всем телом:

- Ах, любимый, не говори мне об этом! Какая мне разница, если я люблю тебя, понимаешь ли ты это?! Ты ещё, чего доброго, станешь сетовать на то, что я на голову выше тебя (при этих её словах Стивен крепко обнял девушку обеими руками) и быстрее двигаюсь... О, Стиви! Как я хотела бы видеть тебя таким, каким ты был в момент нашего знакомства – спокойным, внимательным и... неуклюжим, - она улыбнулась, целуя его в лоб и немного отстраняясь. – Хочу, чтобы ты позабыл о своих опасных увлечениях навсегда – и остался со мной... Мы закончили бы университет...

- ...и поженились, - за многие месяцы на его лице появилась улыбка.

Стивен плохо понимал происходящее. Он вдыхал запах волос Асталии, прижимал любимую к груди. Да, он это знал; он это всегда знал, только вот мысль об этом снова как будто родилась в его сердце минуту назад. Словно он сам был не в состоянии это осознать – и ему это осознание было подброшено. Однако теперь он не хотел задумываться об этом – ему было достаточно любимой. И в тот же миг он прекрасно понимал, что начатая работа должна быть завершена.

Теряясь в этих явных противоречиях, юноша решил обратиться к своей подружке, как можно осторожнее формулируя возникшие затруднения:

- Знаешь, Асти, я хочу, чтобы ты знала одно – я люблю тебя и хочу быть с тобой до самого конца. Никого у меня больше нет и никто, кроме тебя, мне и не нужен...

- Милый! – девушка снова одарила его звучным поцелуем в лоб. – Я так рада, что ты приходишь в себя, что ты...

- Подожди, Асти, - он твёрдым жестом снял её руки со своих плеч. – Я люблю тебя, но начатые исследования должен закончить; я должен убедиться на собственном опыте, что магия... что ритуал... – он на мгновение запнулся, - ну, словом, что магия существует. А после этого я обязательно покончу с ней раз и навсегда.

Асталия внова с беспокойством посмотрела на него и вздохнула:

- А я-то подумала... Значит, Стиви, ты просто лжёшь мне!

- Нет, не лгу! – юноша сглотнул; кадык его резко дёрнулся. – Я обещаю тебе, Асти, что мне необходима только одна ночь, хотя бы завтрашня. Я всё закончу и всё успею... Клянусь тебе – одна ночь! Теперь уже я тебя умоляю – согласишься, разреши мне это в последний раз (какой-то голос в самом сердце громко крикнул: «Не в последний!»)... А потом я избавляюсь от своей магической библиотеки (и – снова голос: «Не избавишься!») – и мы всегда будем вместе и никогда не расстанемся.

Девушка печально воззрилась на него, снова беря его руку в свои:

- Ты уверен, что этого больше не повторится? Бабушка говорила мне, что колдовство – это глубокий омут, из которого очень трудно выбраться. Оно затягивает человека, подобно трясине, какими бы незначительными уступками человек от него не отделялся...

- Нет, любимая! – Стивен первый раз поцеловал Асталию в губы – лёгким, неопытным поцелуем – и добавил: - Меня этому омуту не затянуть! Потому, что моё слово – твёрдое; и, к тому же, теперь у меня есть ты...

И они, взявшись за руки, пошли прочь с кладбища; Стивен лишь однажды оглянулся на исчезающую во тьме крипту Галахада Элриджа.

Он проводил Асталию домой, клятвенно подтвердив ей своё решение по поводу завтрашней ночи.

- Итак, - сказал он девушке на прощание, - завтра ночью я завершу

свои изыскания – и basta! После этого мы встретимся утром в университете на лекциях; я обещаю тебе появиться там и извиниться перед Дженкинсом. Времени мало, но я уверен, что успею подготовиться к экзаменам – и сдать их... – Стивен снова ощутил, как будто это не он произносит относящиеся к Асталии обещания; словно какая-то сила заставляла произносить его эти слова. Но тем не менее он чувствовал, что сам желает следовать этим высказанным мыслям и поступать в дальнейшем в полном соответствии с ними.

Вернувшись домой и упав на кровать, Стивен в последний раз увидел сон о ритуале воскрешения; только на этот раз сон его не был связанным повествованием с единым участником – в ту ночь ему снились выдержки из всех предыдущих сновидений. За короткое время перед ним появился Анх-Ка, де Краон, Морис и Галахад Скуорни – и ещё многие сотни других лиц, ранее уже являвшихся ему чарами Морфея. Стивен как будто увидел всю вереницу людей, которые когда-либо занимались ритуалом воскрешения – древнейшей церемонией, пришедшей к человеку из глубины веков.

Почти весь день он также проспал в кресле своего кабинета, закрывшись на замок, однако спустился в столовую к обеду и ужину весьма пунктуально. Стивен даже обрадовал родителей, заявив им, что искренне сожалеет о случившемся конфликте; о также напомнил им о своём обещании, данном Асталии, посетить завтра университет и извиниться за грубость перед стариком-профессором. Сегодня Элриджам он показался гораздо более общительным, нежели за всё последнее время; счастливые отец и мать благодарили Всевышнего за исправление их сына буквально за сутки. Нежданная радость и спокойствие воцарились в доме Элриджей. А потом наступила ночь.

Стивен вышел на улицу, стараясь как всегда при этом не разбудить спящих родителей или слуг; времени было около часа ночи. Воровато оглядываясь по сторонам, он поспешил в сторону кладбища давно хоженным путём, стараясь держаться в тени заборов и деревьев. Ловко обходя залитые светом фонарей места, он прошёл два знакомых квартала на восток и, перебежав большую дорогу, скрылся в воротах кладбища. Очутившись возле крипты Галахада Элриджа, Стивен на мгновение остановился, озираясь кругом; затем привычным движением вложил ключ в замок двери и дважды повернул его.

Он рассчитывал, что завершение ритуала займёт у него не больше часа времени – ведь церемонию оставалось повторить не более семи раз. Стивен расставил зажжённые свечи по углам пятиконечной звезды, войдя с мечом и тетрадью в магический круг. Тетрадь упала к его ногам; он стал потихоньку шептать заклинания, энергично размахивая мечом перед собой.

Сегодня он явно чувствовал в крипте присутствие кого-то, кроме себя: конечно, ведь дух Галахада Скуорни-Элриджа уже не мог дождаться мгновения своего освобождения! Свечи горели особенно ярко; они казались привязанными к потолку крипты за струйки своего дыма – да, игра света создавала впечатление, будто углы помещения находятся в постоянном движении; раньше Стивен этого не замечал. Его слова сегодня становились всё громче и громче с каждым повторением, хотя до теперяшней ночи он произносил их еле слышным шёпотом; ему казалось, что вновь пришедшая незримая сила взяла его в обладание и манипулирует его голосом и действиями по своему усмотрению. Утвердив всё своё внимание на старинном саркофаге, в котором находились останки предка, Стивен яростно размахивал мечом – оружие рассекало воздух с противным свистом, напоминаящем короткое шипение гигантской змеи. Юноша восторженно ожидал материализации духа, о котором в тетради говорилось как о завершительной фазе всего ритуала воскрешения.

Стивен в последний раз обобщёл изображение звезды и бросил меч на пол – при падении он зазвенел чересчур громко для замкнутого помещения. Пламя свечей постепенно уменьшалось – и через мгновение все они погасли сами по себе. Крипта освещалась лишь лампами, которые не принимали непосредственного участия в магической церемонии. Встав снова в круг, Стивен посмотрел на саркофаг, и глаза его широко раскрылись от удивления.

В воздухе над саркофагом появилось синее свечение, напоминающее собой постоянный электрический разряд. Оно было около сантиметра в диаметре, но с каждой секундой заметно увеличивалось, продолжая искриться изнутри синим светом. Стивен неотрывно наблюдал за ним; в воздухе появился какой-то странный запах. Фосфоренцирующее облако стало принимать форму человеческого

тела; теперь оно не только сияло изнутри, но и казалось насквозь прозрачным. Вскоре оно переместилось на метр в сторону юноши, который продолжал ясно видеть сквозь него саркофаг.

Всё более и более принимало светящееся облако человеческое обличье; через несколько мгновений Стивен увидел световое подобие Галахада Скуорни-Элриджа, каким он являлся ему во снах. Юноша немедленно узнал своего предка – короткая стрижка, длинный кафтан, гольфы... Дух Галахада сиял ярким синим светом, который освещал собой всю крипту, но, как это ни странно, совершенно не слепил глаз.

Видение опустилось на землю и, будто бы стоя на ногах, вытянуло руку по направлению к Стивену – и заговорило. Юноше показалось, что он слышит духа не слухом, но сердцем; это было словно телепатическим контактом совершенно другого уровня, нежели человеческий язык.

- Приветствую тебя, освободитель! – рот призрака оставался закрытым; губы его ни на мгновение не шевельнулись, но Стивен ясно слышал любой звук, исходящий от него – даже шелест складок камзола. – Вот и снова я здесь, в мире живых, чтобы опять продолжить начатое давным-давно...

Стивен удивился оттого, что призрак Галахада мог свободно читать его мысли, ибо перед тем, как задать первый вопрос своими речевыми органами он подумал именно о том, с какой же целью дух Галахада появился в мире людей. Призрак кивнул Стивену головой, давая тем самым понять о правильности его догадки:

- Верно, Стивен! Мы так и общаемся с тобой, не прибегая к помощи рта, ибо мы в состоянии читать мысли друг друга... Впрочем, ты можешь даже мысленно ничего у меня не спрашивать, просто слушай – и я поведаю тебе обо всём от начала до самого конца... до самого конца... Потом у тебя не уже не будет ко мне никаких вопросов.

Каждые двести лет – или около того – я возвращаюсь в этот мир, трудясь для его полного разрушения и уничтожения. Во всех мирах не найдётся никого, кто был бы мудрее меня – поэтому никому никогда не было дано понять, кто же я на самом деле. Я – Дух, но для появления в этом мире мне необходима оболочка, которая ничем не

выделяется из массы таких же оболочек, именуемых человеческими телами... Ах, Стивен, неужели ты ещё ничего не понял из того, что я позволял тебе понять? Неужели ты считаешь, что явился в крипту освободить меня по собственному желанию? Нет, подчиняясь моему желанию ты появился в крипте и в первый раз, и в последний... Именно я посылал тебе сны с самого начала, стараясь сломить твою волю к сопротивлению – и ты сломался через несколько дней после того, как пришёл сюда впервые... Не казалось ли тебе, что ты чересчур уж быстро овладел произношением неизвестных тебе до этого языков заклинаний; не чересчур ли быстро ты выучил их наизусть?! Не казались ли тебе такими уверенными движения мечом с первого раза, хотя прежде ты видел их только во снах?! Конечно, потому что я внушил тебе как второе, так и первое! Неужели тебе до сих пор непонятно, что любое твоё действие было внушено мною – как, например, твои пометки в книгах или кое-какие фразы в диалогах с родителями и Асталией? Как же ты ещё не сообразил, что все герои твоих снов являются твоими предками, совершившими, подобно тебе, ритуал?! Знай: их было перед тобой гораздо больше – как гораздо больше их будет и после тебя... Никто из вызывающих меня из небытия никогда не знал того, с какой целью он это делает; ему казалось, что он просто воскрешает своего предка. Хотя, отчасти, так оно и есть – я всегда появляюсь в оболочке того, чьё тело я занимал в последний раз. Больше двухсот лет назад я был в теле Галахада Скуорни – в нём я и стою перед тобой; Галахад видел меня в теле своего предка, жившего тоже около двухсот лет назад – и так без конца.

Не знаю, что именно хотел ты узнать, совершив ритуал – ведь ты рассчитывал на какие-то особенные знания, воскрешая Галахада, не так ли? – но могу сказать со своей стороны, что это не ты воскресил меня по своему желанию, а я воскресил самого себя к этой жизни с твоей помощью. И теперь, находясь с тобой в крипте без свидетелей, я совершу захват твоей телесной оболочки – и займу твоё место в мире живых. Никто не сможет что-нибудь заподозрить...

При этих словах ужасного призрака Стивен будто очнулся от нашедшего на него столбняка – он рванулся из круга к двери и стал бешено крутить ключ в её замке, рвать дверь на себя; но та и не думала открываться. Глядя на его старания, призрак расхохотался:

- Ах, глупый мой освободитель! Неужели ты рассчитывал сбежать от меня? Нет, у тебя ничего не получится! Зато я займу место в твоей семье; я буду продолжать твои отношения с Асталией – и она никогда ничего не заподозрит. Для оккультной библиотеки я найду приличное тайное место, в котором буду предаваться своему разрушительному творчеству... О нет, Стивен: твоя ошибка заключается не в том, что ты не знал, кого ты вызываешь с того света – ведь ты был прекрасно осведомлён, что воскрешаешь Галахада. Ты совершил просчёт – впрочем, как и все остальные твои предки! – только в одном: ты не знал, КОГО именно ты вызываешь, и ЧТО скрывается под оболочкой Галахада... Если бы у тебя ещё были такие возможности, то я бы сказал – в следующий раз будь более осторожным с вызовами умерших... А теперь нам следует завершить начатое дело до конца.

Мрачно усмехаясь, призрак поднялся в воздух сантиметров на десять от пола и двинулся, переливаясь изнутри синим светом, прямо на Стивена. Юноша прижался спиной к двери и попытался громко закричать, но вместо крика у него получилось какое-то отвратительное горловое бульканье; Стивен, обезумев от ужаса, мог только безвольно мотать головой, выставив вперёд руки словно для защиты.

Синее свечение потеряло человеческую форму, снова став шарообразным сияющим облаком; оно приблизилось к Стивену вплотную, соприкоснулось с его телом – и медленно стало вливаться в юношу. Стивен зашёлся беззвучным криком, наблюдая, как светящаяся бестелесная масса впитывается в него на четверть, наполовину, на три четверти своего объёма... Боли он не чувствовал; вернее, он не чувствовал физической боли. Он ощущал, что его – Стивена – насильно вытесняют из его оболочки; что его «я» всё более и более покидает тело. Ещё какое-то мгновение он видел, что синее свечение полностью исчезло в нём, что помещение освещается только керосиновыми лампами...

Но это продолжалось всего мгновение. А затем наступила тьма...

Post Mortem

Горе настигло семью лорда Карфакс в графстве Эссекс совершенно неожиданно: молодой Карфакс, так недавно принявший титул своего отца и женившийся на прекрасной Изабелле, которая только что успела подарить ему крошку-сына, сошёл в могилу от вновь открывшегося у него туберкулёза. Тяжесть утраты милого супруга повергло в неопишное отчаяние молодую вдову Карфакс; множество друзей и знакомых усопшего лорда сочувствовали её несчастью, но ничем не могли утешить её или хоть как-то облегчить душевную муку страдающей женщины. Утрата казалась ей непоправимой – и действительно, чем может любящая заменить потерю своего милого возлюбленного, который всегда платил ей нежностью за нежность, пониманием за понимание и любовью за любовь?! Особенно убивалась молодая вдова Карфакс во время похорон мужа – казалось, что ничто уже не вернёт её устам улыбку, а ясным глазам – радость жизни. Почтенный отец Шелтон успокаивал её, как только духовный отец может успокаивать свою духовную дочь – но всё было напрасно. Горе молодой женщины было слишком велико. Однако время шло, дни бежали друг за другом, согласно заведённому Богом порядку, и леди Карфакс сделала то, что на её месте сделала бы любая другая женщина – всю свою тоску и горе по утраченному мужу она обратила в самые светлые чувства и глубокую любовь, перенося их на крошку-сына Генри – единственное в мире существо, постоянно напоминавшее ей о милом Джоне.

* * * * *

Когда закончился последний приступ асфиксии и конвульсий, лорд Джон Карфакс понял, что больше он не чувствует ни боли, ни удушья. Ему стало необыкновенно легко; он даже захотел

подняться с кровати, как вдруг ему в глаза ударил яркий-яркий свет. Он на мгновение ослепил Джона; ему подумалось, что зрение уже никогда не вернётся к нему, однако свет понемногу стал утрачивать свою яркость – или же глаза лорда Карфакса стали привыкать к этому неземному излучению. В загадочном сиянии стали проступать какие-то расплывчатые контуры; постепенно они сгущались, двигались и обретали форму... И вот, перед изумлённым Джоном появились два сияющих белизной ангела – их милые лица нежно смотрели на него; огромного роста тела наряжены были в подобие длинных белоснежных тог; за их спинами то вздымались, то опускались ослепительно белые голубиные крылья. Ангелы замерли с двух сторон от лежащего на кровати лорда Карфакса.

- Твой путь почти закончен, - мелодично, будто бы нараспев произнесло одно из этих небесных созданий, находящееся справа от лежащего Джона. – Тебе осталось провести ещё сорок дней около твоего тела, а после этого перед тобою откроется Вечность, где ты постоянно будешь созерцать Лик Вседержителя и всю Славу Его...

- Но до того времени, - добавил другой Божий посланник, проводя крылом над телом лорда Карфакса, - ты должен будешь оставаться здесь, в этой юдоли слёз. Это не наказание, это – очищение.

Джон не сумел вымолвить ни слова в ответ – он лишь изумлённо рассматривал небесных вестников и смутно пытался вообразить, каков же их Владыка, если только вид Его слуг принёс ему такое великое облегчение, радость и покой. Он захотел вытянуть руку и коснуться одного из ангелов; однако тяжесть руки его была так велика, что он даже не смог пошевелить ею. Ангелы явно знали о его намерении; их лица засветились чарующими улыбками:

- Не пытайся, ты не в состоянии сделать этого теперь! Сейчас только твоя рука весит больше всего земного шара, но с каждым днём твой вес будет стремительно уменьшаться, покуда ты не воспаритишь на Небо, в чертог Всевышнего... Мы явимся за тобою на сороковой день, не забудь об этом! А теперь – пусть покой Господа Нашего пребывает с тобою постоянно; не обременяй себя ничем,

даже воспоминаниями – просто созерцай... – и сияющие посланники иного мира взмахнули крыльями. – Пока прощай! Мир тебе! Мир тебе! Мир тебе!

После этого фигуры ангелов стали отдаляться, теряя облик и форму; свет стал слабеть, слабеть... и через несколько мгновений видение исчезло полностью. Лорд Карфакс лежал на постели и глаза его видели только балдахин над головою да часть высокого потолка. А потом до его ушей донёлся плач его милой супруги – и Джон, словно выйдя из оцепенения, повернул голову направо.

Изабелла – даже несмотря на стекающие по лицу горячие слёзы – была самой красивой женщиной и молодой матерью графства: высокая, стройная леди; тяжёлые пушистые волосы мягко обрамляли светлыми локонами правильный овал её прекрасного лица. Пальцы её были очень тонкими, нежными и мягкими; она постоянно касалась ими Джона, но – как ни странно! – он ни разу не почувствовал их прикосновения. И тогда он поднял руку и коснулся лица своей милой... Это поразило его не на шутку – пальцы Джона прошли сквозь её лицо, как сквозь дым! Лорд Карфакс назвал жену по имени и от удивления вскочил с кровати. Женщина сидела, плача, как ни в чём не бывало; она не слышала голоса супруга. Джон хотел обойти её со спины и нежно заключить в объятия, но содрогнулся от того, что увидел, обернувшись к кровати – ибо там по-прежнему продолжало лежать его тело. И тут истина открылась лорду Карфаксу во всей своей полноте – нет, это не было сном: он действительно умер от туберкулёза, перенеся все муки удушительной смерти, и удостоился чести созерцать ангелов... которые придут за ним через сорок дней и унесут его душу на Небо! Радость, неземная радость охватила лорда Карфакса – и он, честное слово, пустился бы в пляс от этого, если бы не видел плачущей супруги.

Он снова назвал её по имени:

- Изабелла! – произнеся это с той нежностью, с какой чуть больше года назад надел ей на палец обручальное кольцо в церкви старинного цистерцианского аббатства... Затем, не получив от никакого ответа от жены, он попытался обнять её – и с удивлением видел, как его руки проходят сквозь её милое тело, как будто даже не встречая никакого материального препятствия на своём пути.

Тогда на Джона опять накатило неизбежное сознание собственной смерти – его больше нет на этой земле, он умер для всех – и, тем не менее, он жив! А это может означать лишь одно – смерти не существует.

Дверь комнаты внезапно открылась – на пороге появился доктор Макланхен и Розамунда, одна из служанок леди Карфакс. Они приблизились к плачущей женщине и Макланхен нежно обнял её за плечи, наклонившись к ней со спины:

- Ну... успокойтесь, дорогая леди Карфакс! Нашему Джону теперь гораздо лучше, чем нам – оставшимся в этом замке, на этой земле...

Розамунда также приблизилась к своей госпоже и тихо взяла её руку в свои:

- Когда-нибудь вы обязательно встретите своего мужа – там, наверху, как учит католическая церковь... – и более она не смогла ничего сказать, только поднесла руку леди Карфакс к своим губам, покрывая её беспорядочными нежными поцелуями.

Лорд Карфакс наблюдал эту сцену, стоя у окна; ни один из пришедших не обратил на него ни малейшего внимания. Сложив руки на груди, он печально созерцал, как доктор Макланхен, с верностью собаки дежуривший у его постели все последние дни, уговорил Изабеллу подняться с кресла возле кровати с бездыханным телом и, осторожно держа её под руку, повёл к двери; Розамунда поддерживала госпожу Карфакс с другой стороны. Доктор открыл дверь, неуклюже расшаркиваясь и уступая дорогу леди; Розамунда также пропустила госпожу вперёд себя. Лорд Карфакс не давал себе ясного отчёта, зачем он последовал за ними; наверное, он хотел постоянно находиться в присутствии милой супруги – как при жизни, так и после смерти. Но только не успел – люди покинули комнату, когда он поравнялся с дверью; доктор толкнул её рукой и она должна была неминуемо захлопнуться перед самым носом Джона. Как ни странно, этого как раз и не случилось – дверь прошла сквозь него и теперь Джон стоял уже не в комнате, где лежало его уже остывшее тело, а в коридоре замка Карфакс... Леди Изабелла со служанкой и доктором медленно удалялись по коридору в направлении её покоев, тогда как сам Джон остановился в большом

недоумении, глядя на тяжёлую дубовую дверь, захлопнувшуюся секунду назад за его спиной. Изумлению его не было границ – дверь, закрываясь, прошла сквозь него (или это он прошёл сквозь неё?), не причинив ему ни малейшего вреда! Он решил попробовать ещё раз и осторожно дотронулся до двери согнутой рукой, понемногу распрямляя её. И рука, подчиняясь уже законам иного мира, совершенно беспрепятственно вошла в дерево – теперь Джон мог созерцать свою руку только до локтя, ибо остальная её часть – от локтя до пальцев кисти – находилась по ту сторону двери. Лорд Карфакс, не желая останавливаться на достигнутом, тут же шагнул вслед за вытянутой рукой – и вновь оказался в комнате с собственным телом на кровати.

Итак, материальных преград для него уже не существовало – правда, он не мог почувствовать ничего из осязаемого ранее своими руками, но зато мог беспрепятственно пройти весь замок сквозь стены; Джон даже расхохотался, когда понял, что теперь ему не нужно пользоваться длинными коридорами для того, чтобы пройти от дверей замка в трапезную.

Двигаться ему было очень легко; закон трения предметов почти утратил свою власть над призраком. Он едва ощущал веяние ветра, когда оказался перед раскрытым окном на втором этаже замка; видимо, более тяжёлые ощущения ему уже не были доступны. По замку постоянно носились слуги с дворецким во главе – они говорили о готовящихся похоронах, о приёме большого количества гостей во время торжественного поминального обеда; в конце-концов, говорили и о самом обеде. Лорд Карфакс безучастно наблюдал всю эту суету, поднятую вокруг его имени и связанную с его похоронами – и улыбался счастливой улыбкой. Ах, если бы хоть кто-нибудь сейчас увидел его стоящим у окна со скрещенными на груди руками или прохаживающимся по коридорам собственного замка – что бы они, интересно, подумали? Какова была бы их реакция, услышь они хоть единое слово из его уст? Может, они испугались бы или обрадовались... Но... похоже, что это так и останется для него загадкой – ибо они не в состоянии видеть или слышать его. Потому, что для них он уже мёртв и лежит без движения в одной из комнат замка, застывший и холодный... Ах,

если б он смог донести до них радостную весть о том, что смерти не существует; что зримый уход человека из жизни не стоит стольких слёз – потому что жизнь продолжается... Эти размышления вернули лорду Карфаксу воспоминание о страдающей супруге и он отправился отыскивать её, по привычке ещё пользуясь для этого коридорами Карфакса.

Он обнаружил Изабеллу в детской зале; женщина была несколько более спокойна. Она стояла у окна, держа на руках сына – малютку Генри, их общую радость и надежду. Лорд Карфакс остановился в двух шагах от них и залюбовался такой прекрасной картиной.

Ему это напомнило икону Божьей Матери, держащую на руках младенца Христа с неописуемым умилением; взгляд Изабеллы был направлен куда-то в глубину парка, что раскинулся прямо под окнами замка Карфакс; она нежно прижимала к себе Генри. Младенец что-то лепетал у неё на руках, чему-то радовался и даже несколько раз взмахивал своими крошечными ручонками... И вот его мать чему-то улыбнулась, целуя мальчика в лобик – и ещё крепче прижала его к груди.

Джон, залюбовавшись открывшейся его взору картине, даже позабыл о своём теперешнем состоянии – он протянул руки к жене и ребёнку, и... реальность, ужасная реальность его бытия вернула ему разум – он снова схватил пустоту в свои объятия. Он даже застонал от тоски, но кто мог теперь услышать его?

А затем он вновь бесцельно бродил коридорами Карфакса; он видел, как его тело вынесли из комнаты и перенесли в семейный склеп под замком, где уже покоились его отец, мать и ещё немалое количество предков семейства Карфакс. Сам Джон редко спускался в родовой склеп; теперь же он недоумённо сопровождал сюда себя самого! Слуги несли его безжизненное тело на носилках; за ними – не плача, но со слезящимися глазами – следовала леди Карфакс в сопровождении Макланхена и нескольких служанок. Длинная винтовая лестница привела их в склеп; за его широкой массивной дверью находилось Царство Смерти – около двух десятков саркофагов, статуи святых и ангелов из белого мрамора, большое количество горящих свечей и факелов. В помещении было сыро и холодно.

Слуги поставили носилки вместе с телом в один из саркофагов, на сером граните которого уже давно было выбито его имя. Между ними завязался разговор о похоронах, которые должны были состояться через пару дней; доктор Макланхен перечислил около полусотни имён приглашённых проводить «лорда Джона Карфакса в последний путь». Сам лорд Карфакс тем временем невозмутимо стоял за спиной доктора, слушая о деталях приготовления к похоронам и тому подобной суете. Спустя некоторое время разговор затих; Изабелла попросила людей оставить её одну на несколько минут с телом её супруга. Доктор указал слугам глазами на выход – и сам отправился вслед за ними, сказав однако Изабелле, чтобы она не находилась особенно долго в холодном помещении, одетая в лёгкое бархатное платье.

Изабелла, подождав пока за доктором закроется дверь, снова воззрилась на покоящегося в саркофаге тело любимого. Свет факелов, играя колышущимися тенями углов ниши, ясно освещал оставляемые слезами дорожки на её лице. Изабелла плакала тихо, почти беззвучно – только плечи её едва заметно содрогались от придавившего бедную женщину горя. Лорд Карфакс не мог сдержаться – он подошёл прямо к супруге и, наклонившись губами к самому её уху, нежно прошептал:

- Милая Изабелла! Я люблю тебя! Я больше всего на свете люблю тебя!

Конечно, она не услышала его – да и не могла услышать, – но Джон бесконечно верил в то, что его слова были услышаны её внутренним слухом, той таинственной субстанцией, которую религия именует душой. Да, своими словами Джон пытался поцеловать душу любимой жены, как-то успокоить её. Изабелла молча постояла ещё около минуты – и тихонько пошла к дверям, покидая семейный склеп Карфаксов.

И вот в мире людей наступила ночь; постепенно стихали звуки в замке; слуги гасили факелы в коридорах и свечи в комнатах – ночной покой и сон должен был воцариться здесь до самого утра. Лорд Карфакс переходил из зала в зал вместе со старым слугой Энвольдом, тушившем свечи – сначала в трапезной, затем – в приёмных и залах отдыха. Старик медленно и устало переходил от свечи к

свече, гася пламя специальными щипчиками, а двигающийся за ним призрак изумлённо наблюдал, как шумный при свете дня замок погружается в спокойный и безмятежный сон. При жизни лорд Джон никогда этого не видел и никогда об этом не задумывался.

Он также заметил, что совершенно не нуждается во сне, не чувствует никакой усталости и абсолютно не хочет есть. Новое существование после смерти вне тела вытесняло из него потихоньку все земные привычки и потребности. Совершенно отсутствовало желание присесть или прилечь, или утолить жажду после стольких безостановочных прогулок по замку. Жажды не было – да и откуда она могла теперь взяться?! Лорд Карфакс всё более и более привыкал к своему новому образу существования – к бытию бестелесного духа, не имеющего никаких земных потребностей. Однако ему было крайне неудобно в этой роли, когда он, уже свыкнувшийся с мыслью о своей призрачной природе, вдруг бросался по коридору за угол, заслышав шаги кого-нибудь из слуг; Джон опасался, что его кто-нибудь увидит и поднимет крик на весь Карфакс. Ведь доводилось же ему слышать и даже читать о призраках, которые хоть и являлись неосязаемыми, зато были вполне доступны зрению домашних и даже гостей. Что ж, похоже, эти сказки можно было смело сдать в архив для любителей подобной чепухи – Джон уже имел возможность тысячу раз убедиться в своей полнейшей невидимости; да и на голос его проходящие мимо не обращали никакого внимания.

Проходя сквозь стены из залы в залу, он появился в опочивальне своей жены. Его любимая Изабелла мирно спала, несмотря на пережитое днём страшное потрясение. Лорд Карфакс мысленно благодарил Бога, что её действительность не передалась сну. Лицо милой супруги было спокойным и безмятежным; её головка покоилась на высокой мягкой перине. Светлые длинные волосы локонами растлались вокруг головы, сверкая белизной при сиянии нескольких ночников.

Джон приблизился к кровати возлюбленной и опустился на колени напротив её лица – о, каким же неземным спокойствием оно дышало! Напрасно он снова и снова пытался погладить любимую по щеке – его рука проходила сквозь её лицо, как сквозь воздух. И тогда, оставив свои не приносящие результатов попытки, он просто загово-

рил. Лорд Карфакс нежно шептал своей милой о том, что смерти нет; что он горячо любит её и обязательно дождётся её там, в Небесном Царстве Всевышнего. Он говорил ей, что у него осталось тридцать восемь дней, чтобы совершенно очиститься от земной тяжести – но всё это время он проведёт рядом с ней. С ней и с ребёнком.

- На тебе одной, любовь моя, лежит ответственность сохранить и воспитать нашего малютку Генри, - нежно шептал лорд Карфакс, пристально и нежно глядя на спящую супругу. – Ты должна позаботиться о нём, ибо у него никогда более не будет отца, чтобы подать ему пример любви и мужества – тебе одной, милая Изабелла, придётся растить Генри, прививая ему христианские добродетели и правильные взгляды нашего дворянского сословия... Пусть он будет сильным, красивым и благородным, всегда достойным потомком древнего рода Карфаксов; да пошлёт ему Господь мир и твою нежную материнскую заботу...

Вдруг Изабелла неожиданно проснулась и, широко раскрыв глаза, села на постели с криком:

- Джон! Джон! Это ты?

Женщина стала отчаянно смотреть по сторонам, не видя того, кого она только что призывала своими словами, и который даже отпрянул от неё от неожиданности, продолжая, однако, стоять перед нею на коленях. Изабелла всплестнула руками, слёзы опять навернулись ей на глаза. В тот же миг открылась дверь и в комнату вбежала испуганная Розамунда; на ней была только ночная рубашка. В руке она держала свечу. Девушка немедленно кинулась к постели своей госпожи и тревожно взяла её за руку:

- Что случилось, моя леди? Почему вы кричали? Вам что-то приснилось? Может, мне следует сходить за доктором? – так и сыпала вопросами испуганная не на шутку служанка, тревожась за здоровье Изабеллы.

- Это был Джон! Он говорил со мной о Генри! – Изабелла бесильно упала на перины; слёзы побежали по её лицу. – Я слышала его голос так явственно, как будто бы он находился рядом с моей кроватью!

- Успокойтесь, госпожа, - Розамунда поправила перину под Изабеллой и плотнее укурила её одеялом. – Вам приснился сон... – де-

вухка поцеловала обе руки леди. – Я не сплю, я охраняю ваш сон; позовите меня – и я вас услышу! – с этими словами Розамунда покинула комнату Изабеллы.

Лорд Карфакс изумлённо застыл на коленях перед кроватью жены; так и простоял он с момента её внезапного пробуждения и до ухода служанки. Что же это значило? Неужели милая Изабелла воистину слышала его?! Не слышь она его, так откуда ей было бы дано знать, о чём он говорил с нею?! Он с великой любовью смотрел на жену, которая лежала в кровати с открытыми глазами, крепко прижав руки к груди. Может, действительно то, что во время сна душа человека становится намного восприимчивее к потустороннему миру и может улавливать то, что ей недоступно чувствовать днём, среди шума и человеческих забот?! Да, лорд Карфакс был уверен в этом – жена слышала его голос; и она слышала всё – от первого и до последнего его слова!

Он поднялся с колен и стал мерно прохаживаться по комнате, ожидая, когда его возлюбленная снова уснёт; Джону не пришлось особенно долго ждать – а может, это время убыстрило свой ход? – Изабелла заснула с милой улыбкой на лице; сон опять скрыл её потрясение в своих неизмеримых глубинах... Призраку ничего не оставалось, как покинуть спящую супругу и до наступления утра бродить по замку, почти нос к носу сталкиваясь с пробудившимися и приступающим к своим обязанностям слугами.

День шёл за днём, ночь – за ночью; лорд Карфакс почти всё время проводил возле Изабеллы и Генри. Днём он обычно находился в её опочивальне или в детской, с любовью наблюдая возню молодой матери с ребёнком; а вечерами, когда замок окутывала тишина, Изабелла спускалась в склеп под замком, к его саркофагу, искренне полагая, что он находится там, где лежит его бедное земное тело. И там, среди саркофагов, ниш, статуй и свечей она плакала по своему любимому супругу, тогда как он преспокойным образом находился за её спиной или даже перед её глазами. Потом она уходила к себе; он провожал её по широким лестницам и коридорам под высокими потолками Карфакса; дожидался, пока она заснёт и время от времени позволял себе сказать ей несколько нежных слов, когда она засыпала.

Затем был печальный день его похорон – у Джона было очень интересное чувство, когда он сам же на них и присутствовал. В замок съехалось множество именитых гостей и родственников; все выражали своё безмерное соболезнование молодой вдове Карфакс, утешая её, кто как был на то способен. Весь замок был затянут чёрным крепом; повсюду была повешена уйма траурных лент и венков из еловых лап. В центральной зале замка Карфакс добрый отец Шелтон отслужил поминальную мессу за упокой души бывшего владельца этого огромного имения; бедный старый священник даже и не подозревал, что тот, за чью душу он возносил свои искренние молитвы Небу, самым преспокойным образом стоял во время литургии за его спиной и заглядывал в трюбник через его плечо. Лорд Карфакс присутствовал на мессе, как и подобает христианину – но ведь он-то уже не был христианином, если применить к этому слову его нормальный, всеми понимаемый смысл. Ибо во время вознесения Святых Даров он увидел то, что простому человеку во плоти не дано увидеть – свершение таинства сокрыто от его взоров, откуда он пребывает на земле в своей телесной оболочке. Джон увидел, что в момент вознесения хлеба, когда священник произнёс sacramентальную формулу «Сие есть Тело Мое» над алтарём вспыхнул яркий, ослепительный свет, похожий на то сияние, что ослепило Джона перед появлением из него ангелов. И в центре этого неземного сияния появился Господь Наш Иисус Христос, окружённый сонмами ангелов, сил и господств; и как только священник закончил формулу, Господь вошёл в поднятый над алтарём хлеб, который отныне действительно силою Духа Святого превоплотился в Истинное Тело Христово. После этого видение исчезло; лорд Карфакс даже не сообразил, что всё это время он простоял на коленях, отдавая всю честь и славу Нашему Искупителю.

«Ах, люди! – думал он, с благоговением вспоминая слова из Священного Писания. – Если вы только раз смогли бы увидеть то, что свершается во время Литургии! Ах, люди...»

Затем, по окончании поминальной службы, вся толпа приглашённых проследовала в фамильный склеп семьи Карфакс, чтобы отдать последний долг памяти усопшего; один из гостей – им

оказался бравый генерал Оливер Кромвель или, как его называли друзья, Господин Молчания – произнёс приличествующую случаю речь, в которой подробно описал древность рода Карфакс и его заслуги перед отечеством как в мирное время, так и во времена кровопролитных войн. Генерал Кромвель был одним из лучших друзей семейства Карфакс и потому юному Джону частенько приходилось наблюдать его среди приглашаемых своим отцом людей в родовое гнездо. Генерал пожалел в своей речи, что молодому лорду так и не довелось показать себя смелым воином и достойным политиком, «Но, - закончил он свою речь, - всё в руках Божиих!»

После того, как высказалось ещё несколько желающих, люди перешли к самому ответственному моменту похорон – рабочим предстояло накрыть саркофаг тяжёлой каменной плитой с изображением старинного герба рода Карфаксов и аккуратно запаять щели оловом. Леди Карфакс во время этой процедуры безудержно плакала; её успокаивал отец Шелтон и вездесущая Розамунда; во время запаивания швов саркофага в склепе не было слышно ни звука, за исключением плача Изабеллы и успокоительных слов седого священника. Несмотря на комичность собственного положения и мировосприятия, сам лорд Джон Карфакс, находящийся между доктором и генералом, несколько загрустил – ведь теперь его смерть официально признана дворянством, государством и церковью – как католической, так и англиканской. Но ведь он-то – жив-живехонек! И все присутствующие в склепе когда-нибудь убедятся в этом на личном опыте...

Во время поминального обеда он расхаживал по трапезной между гостей, прислушиваясь к их разговорам – все без исключения жалели «столь рано ушедшего из жизни лорда Джона Карфакса»; особенно печально говорили о его смерти в связи с «леди Карфакс и её маленьким Генри». Слуги и служанки носили траурную одежду, подобно гостям; они хлопотали в трапезной и на кухне, едва успевая обслуживать всех приглашённых на похороны.

Здесь также произносилось множество речей по поводу «смерти лорда Джона» – но они уже не трогали стоявшего у них за спиной призрака. Он чувствовал себя сравнительно неплохо, о чём каждому из говорящих было невдомёк. Он радовался тому, что может видеть множество своих друзей – пусть хоть на собственных похоро-

нах! Он видел старых друзей своего отца и матери; видел множество знакомых – жаль только было, что они собрались в его замке по такому печальному поводу.

Его поминки продолжались целых два дня, после чего именинные гости стали разъезжаться. Шум в замке понемногу улегся – и Карфакс опять стал местом тишины и покоя. Несчастливая Изабелла по-прежнему каждый вечер приходила в склеп под замком; она тоже говорила с любимым, который, по её понятиям, находился в запечатанном оловом каменном саркофаге:

- Вот, милый, теперь я осталась совсем одна! Знаю, ты уже никогда не вернёшься ко мне – и кому было дано вернуться на землю после смерти? Ты лежишь, закованный в камень и тишину, но я уверена, что ты можешь слышать свою любящую супругу, которая никогда не забудет тебя... Отец Шелтон уверяет меня, что мы с тобой обязательно встретимся – но уже не здесь, а там, в Царстве Божьем, куда ангелы уже унесли тебя, мой любимый, мой единственный...

Джон и грустил, и радовался одновременно, слушая плачущую супругу; о, насколько же она была близка к истине! Он отвечал ей, что это – несомненная правда, кроме того, конечно, что ангелы взяли его на Небо до истечения сорокадневного срока... А ночами он по-прежнему приходил в опочивальню Изабеллы, где наблюдал её спокойный, совсем ещё детский сон, и говорил ей о вечности, открывающейся после смерти; однажды он даже чуть не разбудил её, подобно первому разу – любимая застонала во сне и открыла глаза; однако, к счастью призрака, тут же заснула опять. Время от времени в опочивальню тихонько заглядывала Розамунда, проверяя сон своей госпожи, глядя на неё нежным, печальным и жалеющим взглядом; она поправляла постель спящей, снимала нагар со свечей и неслышно удалялась из комнаты.

И тогда он уходил взглянуть на спящего сына. Только в присутствии мальчика он старался молчать, ведь дети – существа гораздо более чувствительнее взрослых – улавливают невидимые колебания Иного Мира гораздо быстрее благодаря своим ангельским, чистым душам, ещё ничем незапятнанных на своём земном пути... Лорд Карфакс осторожно разглядывал младенца, мирно посапывающего в

своей колыбели, стараясь представить себе его будущую жизнь среди людей согласно его праву рождения и положению. А затем Джон отправлялся гулять по тёмным, едва освещаемым факелами коридорам, считая оставшиеся дни до своего вознесения на Небеса, ожидая двух сияющих посланников, что поведут его всё выше и выше... пока не поставят на целую вечность перед Престолом Всевышнего.

Эти чувства переполняли собою Джона – он желал как можно скорее покинуть землю окончательно; но с другой стороны, это было очень тяжело – ведь тогда ему не скоро пришлось бы свидеться с милой супругой и маленьким Генри. Однако всегда, как только эта противоречивость начинала одолевать лорда Карфакса, на него тут же снисходила неземная благодать и покой, словно его ничто и никогда не тревожило. Он даже замирал без движения в момент этого блаженного покоя; боялся сдвинуться с места, словно малейшее движение могло лишить его такой неземной благодати. Бывало, что таким образом он простаивал на месте целые ночи, совершенно забывая о времени – словно бы он уже отсюда, с земли, был способен созерцать Нечто столь великое, огромное и запредельное, чему в земном языке не существует точных определений, кроме того, что более-менее рисует человеческому воображению возможность охватить это Нечто – Абсолют.

А утром, когда летнее солнце уже согревало своими лучами весь этот цветущий и радующийся мир, призрак лорда Карфакса отправился на прогулку по парку перед замком; леди Карфакс вместе с Розамундой шли всего в двух шагах от него – служанка держала на руках маленького Генри, который размахивал ручонками и, вертя головкой во все стороны, щебетал как птичка. Это было первым выходом Джона за пределы замка – ведь более двух недель у него даже не появлялось желания покинуть его мрачные коридоры. А сегодня, когда он заметил приготовления Изабеллы к утренней прогулке, его сердце словно запрыгало от радости: он почему-то вспомнил, что не появлялся на улице несколько недель. И теперь он шёл – как в старое доброе время! – в двух шагах от супруги; и с ними был Генри, и Розамунда, вспоминающая похороны лорда Карфакса. Почти ничего не изменилось. Только вот он теперь невидим, и никто не подозревает о его присутствии.

Женщины решили неспеша обойти маленькое озеро с большим каменным фонтаном в центре, который разбрасывал вокруг себя тяжёлые струи воды; над ним сверкала водяная пыль, образующая небольшую, но очень яркую радугу, одним концом упирающуюся в свой источник. Джон с детским удивлением рассматривал озеро, фонтан, лес, проложенные по нему каменные дорожки для прогулки; в глубине одной из них он заметил знакомую беседку с несколькими скамейками за её деревянными решётчатыми стенами. Всё это было ему до боли знакомым – каким же образом он раньше – ещё при жизни! – не удосужился хоть раз обратить внимание на окружающий его мир? Он слушал пение лесных птиц и жужжание насекомых, упиваясь, чаруясь этими звуками до глубины души. Женщины молча двигались вперёд, негромко разговаривая; лорд Карфакс плёлся за ними, почти позабыв об их существовании – настолько он был поглощён созерцанием красоты и величия окружающего мира, пребывание его в котором неумолимо сокращалось с каждым восходом солнца.

Так и смотрел бы Джон на синее небо и раскинувшийся перед ним парк с озером, если бы внезапный возглас удивления Изабеллы не вывел его из этого созерцания:

- Что это, милая Розамунда? Что он там заметил?

Джон тут же обернулся к женщинам – и понял причину их удивления: малютка Генри глядел на него во все глаза. Во взгляде младенца не было страха – лишь свойственное детям любопытство.

Лорд Карфакс не мог поверить – малыш действительно видел его! Пристальный взгляд малютки был устремлён прямо на остановившегося в двух шагах от него отца; тем временем Изабелла и держащая на руках крошку Генри Розамунда недоумённо поглядывали на малыша и друг на друга.

- Что такое он мог увидеть? Что так привлекло его внимание, Розамунда? – опасливо спросила Изабелла, следя за взглядом сына. – Посмотри, каким серьёзным стало его личико!

- Может, увидел коосулю или выскочившего из лесу зайца? – несмело предположила служанка, глядя прямо сквозь лорда Карфакса в дальний угол парка. – Или что-то ещё – может, птицу?

- Нет! Да ты только посмотри на него, милая! – воскликнула

Изабелла. – Создается впечатление, будто он продолжает видеть это «что-то» и сейчас!

Ничуть не обращая внимания на разговор женщин, Генри глазел прямо на Джона; Розамунда лишь ещё крепче прижала его к груди... Неужели Генри мог видеть его?! Воистину, куда душа человека ещё молода, она абсолютно чиста; лорду Карфаксу даже пришли на память слова из Евангелия: «Коли не станете, как дети малые, не узрите...» Значит, правда, что младенцы ещё могут, в силу своей чистоты, созерцать недоступные глазу взрослого человека вещи, выходящие за рамки восприятия видимого мира! И Джон решил убедиться в этом до конца: сделав ещё шаг к Розамунде, по-прежнему державшей его сына на руках, он поднял руку перед его глазёнками и стал прищёлкивать пальцами, задорно при этом улыбаясь и подмигивая ему – так же, как делал это при жизни. И Генри спустя мгновение залился весёлым смехом, закинув головку на плечо Розамунды.

Женщины заспешили в сторону замка, будучи не в состоянии объяснить такое поведение малыша; впрочем, дети – они и есть дети! – имеют полное право радоваться и без всяких видимых на то причин, ибо радость детей никогда не может поддаться каким-нибудь определениям или тем более объяснениям. Но чувства лорда Карфакса невозможно было описать – это была настоящая и совершенно естественная радость отца. Генри видел его! И потом, когда Розамунда несла его на руках к замку, младенец ещё несколько раз оглядывался на Джона; он уже словно успел привыкнуть к третьему лицу своей компании. Изабелла тоже время от времени оглядывалась, следя за направлением взгляда сына; но только она – какой бы чистой не являлась её любящая душа! – никак не могла чего-нибудь увидеть или почувствовать, тем временем как её любимый муж спокойно шагал рядом с нею, жалея о том, что у него нет никакой возможности взять её при этом за руку или просто обнять.

Эта прогулка по парку каким-то необъяснимым образом подействовала на чувства лорда Карфакса – и дело было не только в радостном смехе Генри – он увидел мир; мир, которого раньше даже не замечал. Он увидел старинный замок, упирающийся башнями в самую синеву небес; замок, в котором прошли его детство и юность. Он увидел парк с озером, возле которого он бегал ребёнком с сач-

ком в руках, ловя бабочек, которых затем вновь отпускал. Увидел лес с его дорожками, посыпанными гравием... а здесь, в этой самой беседке, он впервые поцеловал Изабеллу, когда она дала согласие стать его женой... Воспоминания нахлынули на Джона с непреодолимой силой; не в состоянии сопротивляться этому внутреннему порыву, он проводил в окрестностях замка почти всё время суток, понимая, что в тот светлый, Новый Мир, он должен перенести всё лучшее из увиденного в мире этом.

День бежал за днём, ночь – за ночью, а он только и бродил по парку, лесу и всем чудесным укромным местечкам, которые открыли ему свою красоту и очарование ещё в бытность ребёнком. Он сидел на берегу маленькой речушки милях в трёх от замка Карфакс – ибо на этих берегах он удил рыбу, когда у его старого гувернёра сильно болела голова и тот не мог обучать его благородному французскому языку и латыни... Здесь почти ничего не изменилось с тех пор: те же деревья, склоняющиеся над водой свои зелёные кроны, та же тихая заводь...

Джон бродил по лесу, стараясь вспомнить каждое дерево, каждый камень у дороги – с каждым из них непременно было связано какое-либо воспоминание детства или юности. Он пытался запомнить каждую травинку, каждую росинку на листе ранним утром, когда тяжёлые клубы тумана ещё держали в своих цепких и липких объятиях окрестности Карфакса; каждого ползущего по дорожкам жучка или муравья... О, здесь, на земле, было на что вволю посмотреть; к тому же лорд Карфакс печально понимал, что видеть и придавать значение увиденному он научился только после смерти. Теперь он познал ценность тех деталей, которые неизбежно ускользают от нашего внимания в круговерти и рутине жизни: полёта птиц и кружения бабочек на лесных полянах; стопа и треска лесных деревьев, когда на них неожиданно налетает порыв ветра; журчания воды ручья, извилисто текущего через огромное поле за забором замка... Если бы лорд Карфакс умел плакать, он непременно сделал бы это от нахлынувшего на него внезапного осознания красоты и величия того мира, который ему надлежало навечно покинуть в самое ближайшее время.

Отрывало его от прогулок лишь то, что при всём его любовании

чудесами природы не могло было быть вытеснено из его сердца – Изабелла и Генри. Каждый вечер он неизбежно отправлялся в покои супруги, где с величайшей нежностью наблюдал, как его любимая засыпает; она также перед тем, как отправиться ко сну, каждый вечер неизменно спускалась в склеп Карфаксов, где желала мужу мира и покоя на том свете. Генри мирно почивал под присмотром двух служанок – лорд Карфакс только молча смотрел на сына, улыбаясь от бесконечного счастья, которое было даровано ему свыше...

И вот, наконец, наступил последний – сороковой – день. Джон почти всю ночь провёл на улице, созерцая ночное небо и серебряный ореол Луны; он слышал громкие крики ночных птиц и шум фонтана... Он знал, что спустя короткий срок перед ним распахнёт свои врата Бесконечное Неизвестное и он должен будет удалиться туда, откуда и явился в этот сияющий чудный мир. Его сердце томилось от тоски – когда же? – и это была совершенно неземная тоска...

После восхода Солнца он решительно пошёл к замку, думая увидеть на прощание Изабеллу и Генри, мысленно здороваясь с встречающимися по пути слугами. Жизнь в замке, в Англии, да и во всём мире и дальше будет идти своим чередом – только его здесь уже не будет. Никогда... Хотя, в глубине души, Джон всё-таки надеялся, что с Небес он изредка сможет наблюдать происходящее в его родном замке, стране и совершеннейшем из всех существующих миров...

Поскольку сегодня был сороковой день по смерти лорда, леди Карфакс прямо с утра отправилась в семейный склеп в подвалы замка. Лорд Карфакс следовал за нею; его супруга оделась в белое платье, украсив его чёрной бархатной розой на левом плече. Она была так прекрасна! Ах, если бы она смогла его увидеть! Джон поведал бы ей так много – сказал бы, что смерти нет; что они обязательно встретятся в сверкающем Божьем Царстве; сказал бы... Она медленно спустилась по ступеням подвала, ведущим в родовой склеп Карфаксов; расторопные слуги постоянно меняли здесь факелы и свечи на протяжении всего этого времени, поэтому помещение было ярко освещено. Леди Карфакс несла в руках большой букет алых роз – их специально срезали садовники ранним утром в одной из оранжерей; Изабелла знала, что розы были любимыми цветами её милого супруга. Большого она не

могла дать ему... хотя ей этого так хотелось! Ей хотелось, чтобы Джон постоянно был у неё на виду; хотелось всегда слышать возле себя его нежный голос и чувствовать его лёгкие прикосновения... Но теперь... Теперь она могла только положить цветы на холодный каменный саркофаг, крышка которого навеки разделила их...

Изабелла открыла тяжёлую дверь склепа и быстро прошла к месту упокоения дорогого супруга; платье её шелестело при движении, эхо от которого печальным шёпотом расходилось по всему склепу. Пламя свечей словно волновалось при ожидании чего-то неожиданного и необъяснимого, бросая неровные тени на саркофаг лорда Карфакса. Изабелла на секунду замерла, глядя на вырезанный в камне старинный герб – а затем лёгким движением положила на него букет благоухающих цветов.

- О, Джон! – только и смогла выдохнуть женщина, закрывая лицо руками.

Сам лорд Карфакс постоянно находился с супругой; он лишь обошёл собственный саркофаг, дабы получше приглядеться к её милому лицу, чтобы именно таким сохранить его в памяти... Как вдруг... вдруг он снова увидел ярчайший, заставивший его зажмуриться, свет; его источник находился непосредственно там, где стояла Изабелла, поэтому её фигура перестала быть заметной в этом неземном свечении. Джон замер на месте, а из света показались уже знакомые ему фигуры ангелов – небесные существа улыбались ему с бесконечной любовью и нежностью. Один из них мелодично проинёс, протягивая руку лорду Карфаксу:

- Что ж, очистившаяся душа и дитя Божье, срок, отпущенный тебе Всевышним для очищения, закончился! Теперь ты сможешь последовать за нами туда, где, окружённый предками, ты будешь созерцать Беспредельный Лик Создателя и Творца всего сущего... Идём, Он уже призывает тебя в Своё Светлое Царство!

На протяжении всей речи ангела, эхом прозвучавшей в ушах Джона, он стоял без движения, поражаясь явлению Божьей Славы; но всё-таки что-то не давало ему силы покинуть склеп... И он осознавал причину с каждой секундой всё вернее и вернее – это была его любовь к жене и сыну. И он упал на колено перед небесными посланниками:

- О, милые ангелы! Не могу ли я перед уходом отсюда попросить

вас об одной вещи? – он сложил руки в мольбе, протягивая их к ангелам и доверчиво глядя на вестников Небес.

- Чего же ты хочешь, чистая душа? – громогласно спросил другой ангел, взмахивая над головою своими сияющими крыльями.

- Я прошу у Великого Творца последней милости – разрешить мне быть увиденным Изабеллой! Она так страдает... только минуту...

- Никому не следует показываться живым после смерти! – возгласили ангелы одновременно. – Никто не смеет этого даже просить!

Шёпот лорда Карфакса «только минуту...» так и замер на его устах; однако ангелы тут же воззрились друг на друга – и также единоголосно провозгласили:

- Всевышний позволяет тебе показаться своей супруге и утешить её! Согласно твоей просьбе, Он даёт тебе минуту для этого... А потом мы вернёмся за тобою!

В тот же миг говорящие с Джоном исчезли; исчезло и само ослепительное сияние. Лорд Карфакс стоял на полу склепа перед саркофагом – как будто вовсе и не было призывающего его в Небесное Царствие видения... А за саркофагом, возле угла ниши, по-прежнему стояла его любимая Изабелла.

Тогда он произнёс её имя; женщина вскрикнула, подняв глаза на голос – она отчётливо увидела у стены призрак покойного супруга. Женщина казалась ужасно испуганной – и Джон прекрасно это видел; но, видимо, её любовь пересилила страх и она упала на колени, взмолившись и вытягивая к нему руки:

- Джон, Джон, это ты? Что заставило тебя явиться из мира умерших? Если это ты – Богом заклинаю, отвечай!

Лорд Карфакс обошёл саркофаг – и остановился в нескольких шагах от испуганной женщины:

- Не бойся, Изабелла – это я, навеки твой Джон! – он опустился перед ней на колени, глядя на жену с невыразимой нежностью. – Мне так много надо сказать тебе, так много... Знаешь, любимая, у меня есть лишь минута для тебя – а потом я отправляюсь в Царствие Небесное на крыльях ангелов: ведь сегодня исполнилось сорок дней с моей смерти... Однако, ты знай – смерти нет! Всё это время

я находился возле тебя – я видел все твои слёзы и страдания... Прости, но это я разбудил тебя ночью сорок дней назад; я стоял перед тобою, спящей, на коленях и говорил о своей любви к тебе... Потом – ты помнишь это? – ты проснулась и на твой крик в комнату убежала наша Розамунда...

- Милый, это ты... Ты! – Изабелла не могла поверить своим глазам, разглядывая лицо призрака. – Я слышала, ты говорил мне о нашем Генри... – она одновременно улыбалась и плакала.

- Да, я говорил тебе о Генри, любовь моя! – Джон едва сдерживался от попытки обнять Изабеллу; и только воспоминания о том, что из этого получится, удерживали его. – Я говорил о том, что ты должна беречь нашего малютку, отдавая ему всю свою материнскую ласку и любовь... Ведь Генри видел меня, любимая – помнишь, тогда, во время утренней прогулки в парке, возле озера? – я был постоянно рядом с вами – с тобою и с ним... И знай то, что мы непременно будем вместе на Небесах, что я подожду тебя – если надо, хоть тысячу лет! – но мы будем вместе... – лорд Карфакс почти глотал слова, стараясь сказать Изабелле как можно больше, сказать ей самое нежное и необходимое, - Ты, главное, запомни, дорогая моя – смерти нет! Мы все живы – и живы вечно... – он замолчал, переводя дух, ибо уже не знал, что ещё можно сказать в эту последнюю минуту; речь его смолкла и мысли закончились сами по себе.

Он нежно смотрел на Изабеллу, а она любяще смотрела на него. В её глазах больше не было слёз. Женщина подняла руку с намерением коснуться своего возлюбленного; лорд Карфакс быстро отстранился от неё:

- Нет, мы уже не можем касаться друг друга, ибо меня уже призывает Творец и Создатель всего сущего!

Изабелла молча кивнула, понимая, но печально улыбнулась – и только сделала нежное движение губами, означающее поцелуй.

- Я люблю тебя, Изабелла! – произнёс Джон; и в ту же секунду яркий свет вновь ослепил его.

Двое ангелов стояли перед ним, окружённые непередаваемым сиянием – Джон больше не видел ни Изабеллы, ни древнего склепа семейства Карфакс – свет поглотил собою абсолютно всё.

- Твоё время истекло, - произнёс один из ангелов; его одежды

словно развевались от ветра – ветра неоощуцаемого, - теперь, святая душа, мы забираем тебя к Отцу всех Светов, сотворившего тебя для неопишуемого счастья! Дай же нам свои руки – и мы поведём тебя в Небесные Обители, где радость постоянна и покой вовеки неизменен.

Лорд Карфакс, улыбаясь, немедленно протянул руки ангелам – никакой озабоченности или печали уже не было места в его душе. Всё было снято с него как рукой; он больше ни о чём не беспокоился. Теперь он жаждал лишь одного – поскорее предстать перед Троном Всевышнего и узреть Его Божественный Лик – Лик Беспредельной Любви и Нескончаемой Радости. Ангелы взяли Джона за руки; свет после этого засиял ещё ярче... И лорд Карфакс с трепещущим сердцем шагнул в этот свет.

Изабелла без движения стояла на коленях, когда призрак Джона внезапно исчез; она расслышала его последние слова «Я люблю тебя, Изабелла!» Женщина понимала, что удостоилась особенной милости Господа, Который снипослал ей настоящее чудо – и она медленно, со светящимися от радости глазами, стала шептать «Pater Noster»*. А затем внезапная, ни с чем не сравнимая и необъяснимая радость захватила всё её существо – и она бросилась вон из склепа. Каблучки её туфель громко и быстро простучали по по винтовой лестнице башни и по коридору; удивлённые слуги, видя сияющую улыбку на лице госпожи, почтительно расступались на её пути и с удивлением прижимались к стенам.

Она как в безумии ворвалась в детскую; Генри спал в колыбели и она залюбовалась маленьким сыном. А потом её чувства пересилили, она не смогла совладать с собою: вытащив младенца из колыбели, она прижала его к груди – Генри не раскричался, не расплакался, но лишь удивлённо смотрел на мать. А она побежала с ним по коридору на улицу...

Во дворе светило солнце – и этот зелёный мир был таким прекрасным! Женщина упала на колени, глядя на огромное синее небо над головой; улыбаясь, она покрывала личико младенца поцелуями, тихонько приговаривая:

- Смерти нет, малыш!.. Смерти нет...

Кровное рабство

Королевская охота по случаю рождения наследника престола прошла особенно успешно: ловчие и загонщики прекрасно знали свою работу; охотники – дворяне королевства самого высокого происхождения – со свистом и улюлюканьем носились верхом по лесу; их стрелы и копья враз ложили наповал оленей, кабанов и более мелкое зверьё. Количество убитой мелкой дичи даже не подавалось учёту. Блестящее общество, собравшееся на охоту, было весьма довольное её результатами и весело проведённым временем. Сегодня в дремучих лесах Нормандии находились самые благородные люди королевства: среди них были почти все графы и бароны со своими свитами; особенным своим присутствием почтил охоту даже сам герцог со своей прекрасной супругой Алисией – женщиной поразительной красоты. Бесспорно, каждый из участников охоты отличился по-своему; однако самым блестящим охотником и одним из сильнейших рыцарей королевства оставался сэр Бернард Прекрасный.

Благородного происхождения юный мужчина, ещё не достигший тридцатилетнего рубежа, затмевал всех других рыцарей и охотников своей смелостью, ловкостью и умением сражаться на лошади. На турнирах он шутя разделялся с опытными противниками, словно они были маленькими детьми, которые впервые садились в седло и брали в руки копьё; никто не мог так точно пустить стрелу из лука в цель, как это делал сэр Бернард Прекрасный. Дамы были заворожены его красотой и силой; мужчины завидовали его боевым подвигам. Каждый из дворян королевства почитал за честь предложить ему руку своей дочери, но сэр Бернард был очень осторожен и осмотрителен в предстоящем выборе, который человеку надлежит сделать на всю жизнь – и причём лишь единожды. Поэтому графы и бароны терпеливо дожидались того дня, когда самому блестящему

рыцарю королевства и любимцу герцога волей-неволей придётся совершить этот выбор.

Где же теперь находится предмет столь внимательных дамских обожаний и мужской зависти? Увы, его нельзя было заметить ни в одной из шумных компаний юных красоток с бокалом вина в руке, поровну раздающим комплименты своим поклонницам; не было видно его также и среди рыцарских шатров, рассказывающим своим братьям по оружию о количестве забитых им оленей во время королевской охоты. Сэра Бернарда нигде не было видно. Дело в том, что пока чьи-нибудь прелестные глазки безуспешно пытались найти его в толпах пирующих, краса нормандского рыцарства заблудилась в дремучем лесу за много миль отсюда.

Да, сэра Бернард Прекрасный, несмотря на то, что являлся прекрасным охотником, заблудился! Он кружил на коне по лесу, внимательно рассматривая землю под ногами и деревья вокруг, пытаясь найти хоть что-то знакомое, хоть какой-нибудь ориентир. Но тщетно: ничего не указывало на то, что он или другие охотники уже были в этих местах – ни следов конских копыт, ни поломанных на скаку нижних ветвей деревьев, ни смятых загоняемым зверьём кустарников – ничего подобного так и не попало ему на глаза. Молодому рыцарю, как это не прискорбно, оставалось только печально признать себе, что он даже не подозревает, в какую сторону он сейчас направляется. В лесу стояла угрюмая тишина; лишь изредка голос какой-нибудь птицы напоминал ему, что в этом мире он – не единственное существо. Кроме птичьих голосов никаких звуков он не мог слышать, как ни силился напрягать слух.

Долгие несколько часов он, казалось, бесполезно плутал по лесу, время от времени меняя направление, отчего запутался окончательно; ничто не указывало ему на тропинку или хоть какой-нибудь зримый указатель присутствия человека в этих местах. Солнце уже заметно потускнело над его головой; сэра Бернард положительно не знал, что ему предпринять до его окончательного захода. Его не пугала ночёвка в лесу – было жаркое лето, притом любой рыцарь попадал в такую ситуацию не раз – но просто не понимал, что он будет делать дальше и каким образом ему обнаружить дорогу хотя бы до места охотничьей стоянки. Оттуда он вполне смог бы добраться

до замка своего друга барона сэра Реджинальда Длиннобородого, а там – и до собственного.

Окончательно заплутав в лесу, сэр Бернард бросил поводья, полностью решив доверить себя чувству своего боевого коня – ибо животное чувствует природу гораздо лучше человека – тот, по крайней мере, сможет вывести его к какому-либо водному источнику. Так оно и случилось – через некоторое время конь вывез своего хозяина к небольшой речушке, берега которой сплошь заросли камышом и жёлтыми кувшинками. Рыцарь, хлопнув коня рукой по шее в знак благодарности, мгновенно спешился и, сняв шлем и опустившись на колени, поспешил утолить свою жажду.

Вдруг его конь предостерегающе беспокойно заржал; сэр Бернард тут же вскочил на ноги и привычным движением выхватил меч из ножен, оглядываясь по сторонам. Но то, что он увидел, заставило его немедленно опустить оружие и учтиво поклониться.

В нескольких шагах от него, почти поравнявшись с его конём, стояла белая лошадь, накрытая багровой парчовой попоной, расшитой золотыми и серебряными розами. На ней грациозно и спокойно восседало чудное видение – сэру Бернарду в первую минуту это действительно показалось видением – видением неопишуемой красоты девушки с длинными белыми-белыми волосами. Лицо её было столь невинным и прекрасным, что сэр Бернард даже смутился (что с ним произошло впервые в присутствии дамы!), однако, поборов в себе этот предательский стыд, через мгновение обратился к чудесной всаднице:

- О, прекрасная из прекрасных! Если ты не фея из сказочной страны моих грёз и не коварная ведьма, принявшая на себя столь обворожительную личину, то открой мне своё имя, дабы я знал, кому намереваюсь отныне обещать своё рыцарское служение! Ибо очи мои ещё никогда не созерцали такого совершенства женской красоты!

Дама на лошади мило улыбнулась ему и звонко произнесла, чаруя сэра Бернарда каждой ноткой своего божественного голоса:

- Я – Ирмегильда, дочь барона Филиппа Светловолосого. Каждый вечер я выезжаю покататься на лошади, но ещё никогда не доводилось мне встречать рыцаря в здешних местах.

Проворно сунув меч в ножны, сэр Бернард, подойдя к всаднице, взял её лошадь под уздцы:

- Прекрасная Ирмегильда, моё имя – сэр Бернард, и являюсь я начальником личной стражи герцога Нормандского... Однако я никогда не слышал о бароне Филиппе Светловолосом, вашем отце, и никогда не имел чести наблюдать вас на балах или турнирах – а ведь я превосходно знаю всех дворян не только герцогства, но и королевства нашего.

- По некоторым причинам мы с отцом стараемся не появляться в свете, - ответила ему юная леди, поглаживая шею лошади. – Но мы весело живём в нашем замке и не ищем удовольствий за пределами его стен.

- Понимаю, - задумчиво произнёс сэр Бернард, нежно глядя на свою сияющую красотой собеседницу. – Наверное, ваш отец попал в опалу у герцога, а может, и у самого Его Величества, поэтому и не является на роскошные пиры и воинские собрания... Наверное, это случилось ещё до моего рождения, и поэтому я ничего не слышал о благородном Филиппе Светловолосом и его чудесной дочери...

- Но что же делает смелый рыцарь один в лесу, когда Солнце заходит, а с ним нету полагающейся ему свиты? – внимательно изучая его лицо произнесла Ирмегильда. – Надеюсь, это не какое-нибудь чёрное дело или злой умысел?

- О нет, прекрасная леди Ирмегильда! – сэр Бернард положил руку на сердце, заверяя даму в своих лучших намерениях. – Просто сегодня я заблудился в лесу, отстав от охотников, но так и не сумел найти обратной дороги к нашему лагерю... Впрочем, - тут он ещё раз положил руку на сердце и с улыбкой поклонился Ирмегильде, - впрочем, я даже не только не злюсь на судьбу, но весьма благодарен ей за такое происшествие – ибо благодаря ему я имел честь встретиться с вами и познакомиться с чудеснейшей из женщин, которых только видели мои бедные глаза.

В ответ на горячие признания сэра Бернарда леди Ирмегильда звонко рассмеялась и благосклонно махнула рукой в сторону леса:

- Тогда я приглашаю вас провести незабываемый вечер и ночь в нашем замке; и поверьте, что мой отец будет несказанно рад увидеть такого смелого рыцаря в нашей трапезной.

- О, прекрасная из прекрасных! – снова склонившись перед ней в поклоне произнёс сэр Бернард. – Лучшего предложения мне не смог бы сделать и сам Господь Бог, вззирающий на нас со своего трона в данную минуту! Я всем сердцем принимаю ваше приглашение, несравненная Ирмегильда – и готов теперь последовать за вами хоть на край света, хоть прямо в преисподнюю!

Закончив эту речь, рыцарь сел на своего коня и, взяв поводья в руки, последовал рядом со своей прекрасной благодетельницей и спутницей по берегу заросшей кувшинками речушки.

Сэр Бернард был несказанно очарован своей прелесной госпожой, к ногам которой он так быстро поверг свои трепетные чувства. Ирмегильда завладела всеми его мыслями и желаниями – кроме неё отныне в мире больше ничего не существовало для сэра Бернарда. Пока они неспеша ехали в замок, влюблённый рыцарь – до сих пор старавшийся не обременять себя узами брака – поклялся самому себе жениться на ней коли на то будет воля её отца и Неба, сразу после возвращения к себе в замок. Они вели учтивую беседу во время пути; рыцарю казалось, что его возлюбленная также отвечает вниманием на его страстные ухаживания. Сэр Бернард уже предчувствовал её скорую взаимность и согласие её отца на брак, который в глазах рыцаря обретал такую же реальность, как и земля, по которой мерно вышагивали их лошади.

- По нашему приезду в замок я распорядюсь обустроить полагающиеся вам по доблести и смелости покои, - сладкой музыкой звучала в его ушах речь Ирмегильды, – если благородный воин, конечно же, не пожелает немедленно получить провожатых, которые выведут его из лесу даже посреди ночи... – лукаво закончила она, взглянув с улыбкой на сэра Бернарда.

- О нет, клянусь! – воскликнул рыцарь, в очередной раз наклоняя голову в сторону дамы и прикладывая руку к сердцу. – Клянусь вам, что у него такого желанья не появится!

После такой встречи все его желания сводились лишь к одному – пребывать как можно дольше у ног прелестной Ирмегильды!

Звёзды стали зажигаться на темнеющем всё более и более небе, однако, поглощённый предметом своего обожания, рыцарь даже не заметил их появления, полностью предавшись созерцанию своей

возлюбленной. Волосы её были словно окружены неким ореолом; длинные локоны мягко ниспадали на круп лошади. Они проехали неспеша ещё какое-то расстояние, когда ночная тьма стала настолько плотной, что в ней трудно было различить даже стволы деревьев; однако именно в эту минуту они выехали на небольшое поле, сделанное, по-видимому, руками человека. Огромная поляна открывала чудесный вид на стоящий в глубине её огромный замок с шестью сторожевыми башнями и возвышающимся над ними донжоном; высокий зубчатый забор обносил собою всё укрепление. Во многих залах замка окна были освещены; за большими воротами слышался размеренный стук топора. После дикого леса этот вид человеческого жилища так успокаивающе подействовал на сэра Бернарда, что он тут же перекрестился, как и подобает христианину, вознеся молитву всем святым за ниспослание ему такого замечательного места для ночлега.

Проехав поле, всадники очутились возле ворот, на которых висел прибитый цепями тяжёлый молот; сэр Бернард, взглядом испросив разрешение у Ирмегильды, взял его в руку и нанёс несколько ударов по окованной железом двери. Спустя несколько минут из-за стены раздался грубый голос:

- Кто здесь?

Рыцарь тут же отметил, что, как ни странно, спрашивающий их голос был женским. Ирмегильда немедленно воскликнула:

- Это я, Марта! Но сегодня я не одна – со мною знаменитый рыцарь сэр Бернард. Распорядись, чтобы наши люди оказали ему достойный приём.

Послышались голоса, после чего раздался грохот открываемых ворот; тяжёлая масса окованного железом дерева стала подниматься вверх. Ирмегильда обратилась к рыцарю, протянув руку в его направлении:

- Не могли бы вы, благородный сэр Бернард, дать мне свой меч? Ибо таков древний обычай нашего замка – через его ворота надо въехать безоружным, хоть въезжающим был бы даже его сиятельство герцог Нормандский... А сразу за воротами я верну вам ваше оружие.

Ослеплённый красотой Ирмегильды и полностью находясь во

власти чар её голоса сэр Бернард Прекрасный не задумываясь снял с себя меч вместе с ножнами – и вручил его прелестной спутнице, которая спокойно приняла его одной рукой и прижала к поясу. Рыцарь несказанно удивился этому, ибо немного нашлось бы представительниц прекрасного пола, которые так легко смогли бы удержать на весу в одной руке тяжёлое рыцарское оружие; однако ворота в этот миг были подняты – и смелому всаднику вместе со своей спутницей пришлось въехать во двор замка, оставив свои удивительные наблюдения в стороне.

Сразу после того, как они появились во дворе, ворота стали медленно опускаться. Сэр Бернард внимательно осмотрелся по сторонам: повсюду горели огромные костры и пространство двора, таким образом, было прекрасно освещено. Рыцарь был изумлён оттого, что нигде не заметил признаков стражи – ни воинов, ни обычно слоняющейся по двору челяди, занятой своими делами, нигде не было видно. Занятый своими наблюдениями сэр Бернард не успел даже опомниться, когда находящаяся рядом с ним всадница – его Ирмегильда! – вдруг совершенно по-мужски пронзительно свистнула и дала шпоры своей лошади. Всё произошло во мгновение ока – из распахнутых дверей замка по широкой лестнице прямо на него выбежал отряд воинов, закованных в доспехи и прекрасно вооружённых; ещё не меньшее количество людей, угрожая ему пиками и обнажёнными мечами, появились из-за небольших хозяйственных построек, разбросанных по двору замка. В считанные секунды вооружённые люди, числом около тридцати человек, окружили сэра Бернарда, угрожая ему копьями и сверкающими при свете костров лезвиями мечей; он, казалось, привыкший к неожиданному нападению врагов из засады, не успел даже шевельнуться. Ворота были закрыты, он был окружён – ни пути вперёд, ни пути назад у него не было. Единственным оставшимся при нём оружием был короткий охотничий кинжал – но что можно было сделать им против хорошо вооружённой толпы? За спинами воинов на лошади гарцевала его Ирмегильда, по-прежнему держа его меч одной рукой. Вдруг она воскликнула, обращаясь к нему:

- Эй, рыцарь! Ну-ка, посмотри теперь на свою возлюбленную

– и скажи, что кроме неё ничего больше не существует в твоих помыслах!

С этими словами (сэр Бернард смотрел на неё во все глаза) она свободной рукой схватила свои прекрасные волосы и одним рывком сорвала их с головы: красавица, бывшая всю дорогу спутницей рыцаря, оказалась совершенно лысой! Сэр Бернард неминуемо упал бы с коня от удивления и отвращения, если бы его уже не стаскивало из седла множество грубых рук нападавших.

Сэр Бернард был поставлен на ноги и грубо связан, как простой мужик; руки его были крепко стянуты верёвкой за спиной, а шлем с головы его был сбит на землю, что для воина было ещё более сильным унижением. Но более всего поразило сэра Бернарда то, что все нападавшие до единого оказались женщинами; некоторые из них, правда, носили на лицах металлические маски – их пол выдавал опять-таки голос. Некоторые из латников имели чрезвычайно уродливые человеческие фигуры – то одна рука короче другой, то невероятно кривые ноги или неестественно вытянутые шеи; впрочем, именно эти как раз и обладали никак не подходящими к их чудовищным телам красивыми лицами. Они переговаривались между собой на совершенно незнакомом воину языке, в котором он уловил лишь несколько слов, похожих на язык благородной французской аристократии; некоторые из пленивших его не произнесли ни единого звука во время разговоров и споров своих сообщников. Ирмегильда, – если это было её настоящим именем, – спрыгнув с лошади, взбежала по ступеням лестницы в замок, унося с собою единственное боевое оружие сэра Бернарда.

- Сейчас ты предстанешь перед королевой, мерзкий представитель мерзкого мужского рода! – произнесла – наконец-то по-французски! – обращаясь к нему одна из нападавших, прислонив лезвие своего меча к его горлу. – И запомни, недостойный потомок проклятого Богом Адама, что кровное рабство удержит тебя в наших стенах до конца твоих дней!

Сказав несколько непонятных слов всей толпе этих чудовищных существ, она развернулась – и вложив меч в ножны на поясе, пошла по направлению открытых дверей замка. Толпа сразу разбрелась по двору; несколько вооружённых стражей окружили сэра Бернарда и

остриями мечей подтолкнули его вслед за идущей в замок женщиной, которая, по-видимому, была среди них старшей. Бедному пленнику ничего не оставалось, как подчиниться их молчаливому принуждению – ведь не мог же он сражаться с ними без оружия, да ещё со связанными за спиною руками! Покорившись подло сыгравшей с ним судьбе, сэр Бернард медленно двинулся к замку под конвоем шести вооружённых женщин, которые внимательно следили за каждым его действием.

Войдя в замок, охрана заставила повернуть сэра Бернарда направо по коридору, который был прекрасно освещён светом факелов; между широкими окнами на всём его протяжении располагалось также множество бойниц; опытный воинский взгляд рыцаря мгновенно определил по увиденному, что замок хорошо укреплён и превосходно охраняется. Это подтверждала и крепостная стена, и бойницы в самом замке, и мгновенное собрание женщин (сэр Бернард печально улыбнулся) для его поимки. С военной точки зрения здесь всё было на высоте... О каком же кровном рабстве говорила ему командующая отрядом? Сэр Бернард ничуть не сомневался в том, что ответ на этот вопрос он обязательно получит и, причём, в самые кратчайшие сроки.

Совершив длинный поход по всему коридору, сэр Бернард вместе со своими сопровождающими повернул теперь налево – его глазам открылась каменная лестница наверх, а лёгкий удар мечом в спину дал ему понять, что именно туда и лежит его путь. Он стал медленно подниматься по лестнице; на её площадке их отряд встретил ещё несколько вооружённых мечами и луками женщин, охранявших двери в один из залов. Они лишь обменялись кивками, когда одна из сопровождающих его сказала:

- Готовься встретиться с королевой, мерзавец! Собери для этого весь свой этикет, которому тебя научили все твои воспитатели.

Рыцарь ничего на это не ответил; он ждал, что же будет дальше. Говорящая с ним толкнула обе створки дверей, которые тихо растворились, открывая дорогу в большой зал.

Действительно, зал оказался очень больших размеров; в нём было около двадцати закрытых зелёными шторами огромных окон размерами почти от пола и до потолка; сам потолок был устроен в

виде чередующихся одна за другой арок. На стенах зала – то есть в широких простенках между окнами – висело множество картин; пол был мраморным. Сразу возле входа, по обеим сторонам от дверей, располагались два больших камина – пламя так и играло в них, завывая с неуправляемой силой; повсюду на стенах горело множество факелов. Посреди зала находилась мраморная пирамида, высотой около шести локтей и шириной около девяти; на самой её вершине светился какой-то кристалл, излучая кроваво-красный свет. А в дальнем конце зала находился огромный трон, наподобие шатра из синего шёлка, расшитый розами; большое его сиденье занимала темноволосая женщина в рыцарских доспехах, подпоясанная мечом. На лице её была металлическая маска.

Она хлопнула в ладоши – и по этому сигналу конвой подвёл сэра Бернарда к шатру, обойдя каменную пирамиду с кристаллом с левой стороны. Рыцаря поставили прямо перед восседающей на троне женщиной, которая, гневно вытянув руку в его направлении, произнесла яростным голосом:

- Ты, презренный представитель мужского рода, что можешь ты сказать мне и всему женскому роду в своё оправдание?

Сэр Бернард с радостью развёл бы руками, если они не были бы связаны у него за спиной:

- В оправдание? За что? Ещё никогда я не запятнал себя ни единым нечестным поступком...

- Ты виноват уже в том, что родился мужчиной, а следовательно – угнетателем женского пола! – крикнула женщина, в гневе поднявшись с трона, но оставаясь стоять под синевою шатра. – И если ты ещё не успел причинить боль ни единой женщине, значит у тебя на то не было ни времени, ни возможности... По воле судьбы таковой и не представится! – гордо закончила она, снова опускаясь на трон.

- Да что тут такое происходит? – непонимающе спросил сэр Бернард, глядя прямо в две щели металлической маски на лице женщины. – Меня обвиняют в том, что я – мужчина?! Что за чушь?!

- Нет, далеко не чушь, мой дорогой пленник и раб! – в её голосе явно слышалось презрение. – Я расскажу тебе... я тебе поведаю (она откинулась на спинку трона и по-мужички положила ногу на ногу) всё с начала до конца... Слушай, ничтожный червь... Тридцать

лет назад я – дворянка и красавица – была брошена одним из тебе подобных; он обманул меня почти перед венчанием – и сбежал на войну в Палестину. Известна ли мужчинам глубина тех ран, которые они наносят сердцам любящих их женщин? Пережита ли ими хоть минута боли из всей разбитой жизни бедной девицы; ощущают ли они хоть мгновение из целой жизни таких мучений? Нет, они также бесчувственны, как и то Небо, под которым они свершают свои обманы и бесчестия над слабым полом... Я долго мучилась, страдала, но не могла простить ему; а со мною – я чувствовала это! – мучался весь обманутый и обесчещенный женский род, доверивший себя подлому роду мужчин – узурпаторов всех наших прав от сотворения времени... Да, я много знаю о поведении мужчин за пределами дамских будуаров – да и в них тоже: мужья избивают и убивают жён, братья – сестёр, возлюбленных и матерей; они как могут издеваются и обманывают нас, унижая и заставляя подчиняться их прихотям по любому поводу...

- Простите, леди, - вставил слово изумлённый её речами сэр Бернارد, - но ведь и дамы нередко обманывают своих возлюбленных и тоже отправляют их на тот свет – пусть не кулаками, но ядом...

- Это всего лишь капля в море, - невозмутимо ответила женщина на троне. – Мужчины получают то, что посеяли ранее... В любом случае, все наши беды идут от мужчин: если парень бросает девушку – то виноват только он, но не она; если ему нужна любовь – то он обещивает любую из нас; если идёт война и мужа какой-нибудь несчастной убивают – то кто же виноват в её горе? Опять мужчина! И так оно было всегда. Женщины – слабые, милые, любящие существа – всегда унижались проклятым мужским родом... Но пришло время ему дать ответ за свои отвратительные деяния перед нами, – голос её зазвучал громче. – Пришло время сынам нечестивого Адама расплатиться с дочерьми нашей пра-матери за все перенесённые нами муки и оскорбления, подлости и обманы... Женщины больше не желают быть рабынями мужчин; наоборот – настало время мужчин ползать у наших ног и терпеть наши капризы!

- Но ведь не могут же все мужчины до единого быть подлецами! – снова вставил сэр Бернارد, воспользовавшись наступившим

молчанием. – Ведь сколько мужчин мстят мужчинам именно из-за женщин...

- ...которые всё равно уже обесчещены или которых всё равно нет в живых, - равнодушно закончила женщина на троне.

Сэр Бернард невозмутимо пожал плечами; она снова поднялась и стала медленно обходить трон со следующими словами:

- Слушай, мерзавец, то, что я хочу поведать тебе; чтобы ты знал, за что твоя жизнь с этой минуты превратится в ад... Тридцать лет тому назад я так и не смогла перенести своих горестей, перенести горестей всего женского племени – но разве тебе понять, что это такое?! И я обратилась к Силам Зла за помощью, поскольку ваш добрый Бог и Его Сын тоже мужчины – и чем бы они смогли мне помочь?! Я обратилась к Лилит, Нахеме и Надрамии; я обратилась к Диане, Астарте и тысяче других божеств женского пола – и они выслушали меня. Я молила их о Мести. Молила о Силе. Молила о Чуде... И оно произошло: Силы Зла пришли ко мне на помощь. Я поведала Им о себе и тяжёлой женской доле в этом ужасном мире; я поклялась Им исполнить всё, чего бы Они лишь не попросили взамен моей мести мужчинам. И тогда мне было сказано, что я должна пожертвовать частью своей красоты. Я согласилась – и с тех пор ношу на лице железную маску... Многие женщины и девушки, дворянки и простолюдинки, пошли за мною; нас собрался десяток, потом ещё десяток... и ещё... Все они были унижены и оскорблены мужчинами. Каждая из них отдавала Силам Зла часть своей красоты: кто – тело, кто – волосы, кто-лицо, кто – голос... И все они – подобно мне – получали Силу. Силу, чтобы мстить; мстить не только своим личным обидчикам, но и всему мужскому роду. Землю ожидает новое будущее – не мужское, как раньше, засилие, но Империя Евы, где нет ни иерархии, ни общественных сословий, придуманных глупыми мужчинами для удовлетворения своего тщеславия, ни кровавых войн, ни обманов...

- Простите меня, - неожиданно нашёлся сэр Бернард. – Но ведь вас-то остальные именуют королевой! Как же так?

- Королевой не потому, что повелеваю, а потому, что я была первой! – воскликнула ему в ответ женщина. – У нас все равны – нет ни служанок, ни королев. Все мы – подруги с единой целью... Силы

Зла дали мне магический кристалл – оглянись, тварь, он у тебя за спиной, на вершине пирамиды! – который делает женщину сильнее и отнимает силу мужчин. Впрочем, тебе сейчас предстоит это испытать... Свершите церемонию! – резко крикнула она страже, по-прежнему окружающей сэра Бернарда.

Женщины схватили его; одна из них – подобно королеве, в металлической маске на лице – достала из ножен на поясе кинжал и сильно резанула им по одной из рук рыцаря, как и ранее связанных за спиной. Воин сдержал крик боли, стиснув зубы; женщина, нанёсшая ему рану, убрала кинжал и подставила под его истекающую кровью руку свою ладонь. Затем она подошла к пирамиде и стала сливать кровь рыцаря на светящийся кристалл, отчего тот засиял ещё ярче; сэр Бернард почувствовал лёгкое головокружение. С трона раздался отвратительный низкий хохот:

- Добро пожаловать в кровное рабство, мерзавец! Отныне ты – вдвое слабее, нежели раньше!

- Что бы вы ни говорили, леди, - всё ещё стараясь быть учтивым с какой бы то ни было женщиной произнёс сэр Бернард, - но я никогда не был рабом и не собираюсь таковым становиться!

- Глупец, ты уже им стал! – снова услышал он низкий хохот дьявольского отродья на троне. – Ты проведёшь оставшуюся жизнь в темнице под замком, вместе с такими же как и ты рабами, исполняя любую грязную работу, снося все наши унижения и издевательства... Этот кристалл содержит в себе силу всех мужчин, которые побывали в нашем замке; он является не только женской силой и господством, но также и мужским рабством. Все мужчины – наши рабы по своей крови, по крови Адама и всего проклятого мужского рода; Род Праматери господствует над ним... В кристалле – не только твоя кровь; в нём кровь всех попавших к нам в руки! Вы – наши рабы по своей крови... А теперь, милые, - обратилась она к охраняющим сэра Бернарда, - уведите этого раба туда, где он проведёт остаток своей никому не нужной жизни!

Стража подтолкнула сэра Бернарда к выходу; он только обернулся, дойдя до дверей, на смеющуюся королеву, и потом ещё один раз – на сияющий кровавый кристалл, венчающий собой пирамиду в центре зала. Одна из женщин закрыла двери зала за его спиной и

приказала ему спускаться по лестнице, дав едва заметный глазами знак стерегущему его вооружённому отряду.

И вновь сэра Бернард оказался в коридоре, которым они двинулись назад. Вернувшись к воротам замка (в тот самый большой зал, в стенах которого имелось множество бойниц), одна из охраняющих его женщин скомандовала всем остановиться; после чего она трижды стукнула кулаком в железной перчатке по огромной двустворчатой, обитой железом, двери. Долгое время ей не открывали. Сэр Бернард не знал, что его ожидает за этой дверью, но, помня слова королевы о своём будущем, приготовился к самому худшему. Наконец, двери распахнулись – за ними сразу начиналась освещённая факелами на стенах лестница, ведущая вниз. На пороге стояла женщина в металлической маске на лице, тоже прекрасно вооружённая. Она осмотрела сэра Бернарда с головы до ног – и, махнув рукой, словно приглашая весь отряд следовать за собой, стала спускаться по лестнице.

Когда сэр Бернард очутился, спустясь вниз, в большом зале, то сначала он даже не смог его как следует рассмотреть по причине малого количества света. Позже глаза его несколько привыкли к полутьме – и рыцарь вздрогнул от увиденного.

Этот огромный зал исполнял функцию тюрьмы. Он был совершенно круглой формы; в центре его находился тренажник с котлом, в котором горел огонь. А вокруг него располагались клетки с несчастными узниками проклятого замка. Сэр Бернард осматривал помещение, на стенах которого было не более двух десятков факелов – твёрдые стальные решётки дверей; лица узников, выглядывающих из клеток наружу... Тем временем охрана сэра Бернарда, по-видимому, решала, в какую же клетку им поместить новоприбывшего. Кроме пришедших, в зале в качестве охраны находились ещё три женщины – они что-то наперебой объясняли конвою, часто показывая пальцами на сэра Бернарда.

Похоже, они всё-таки пришли к какому-то компромиссу в споре, потому что старшая приказала рыцарю подойти к дверям одной из ужасных камер; сэр Бернард молча повиновался, конвоируемый стражей.

- Это и будет отныне местом твоего обитания, мерзавец! – ска-

зала она воину, перерезая ему верёвки на руках; другая из женщин тем временем открыла дверь клетки. – Вот теперь-то для тебя начнётся поистине сладкая жизнь!

Удар в спину был такой силы, что сэр Бернард буквально влетел в камеру и растянулся на холодном каменном полу. Дверь за ним тут же захлопнулась; он услышал скрип закрываемого замка.

- Завтра тебе принесут кандалы для свободного передвижения во время работ! – снова раздался издевающийся голос за его спиной. – Надеемся, – от имени всего женского пола, – что они весьма скрасят твоё существование в нашем гостеприимном замке!

Это были последние слова, которые услышал сэр Бернард – не выдержав всех испытаний тяжёлого дня и огромной потери сил, рыцарь замер на полу в глубоком обмороке.

Очнулся он от прикосновения чьих-то рук к своему лицу. К своему великому удивлению, он лежал уже не на животе, а на спине; к тому же находился он не возле двери, где упал, а в дальнем, тёмном углу камеры. Он немедленно вспомнил всё с ним случившееся; ему продолжало казаться, будто он спит... и будто во сне ему приснился сэр Ричард... Но тут же сэр Бернард вскочил с пола – нет, сэр Ричард не снился ему, как не было сном всё случившееся с ним за последнее время! Сэр Ричард действительно наклонился над ним и произнёс:

- О, Господи! Сэр Бернард, вы, по-моему, уже пришли в себя... А я-то вас сразу узнал, только сперва подумал, что ошибся...

- Сэр Ричард? – неуверенно произнёс рыцарь, садясь спиной к стене и внимательно рассматривая своего собеседника. – Откуда вы тут взялись?

- Оттуда же, откуда и вы, - прошептал сэр Ричард, прикладывая палец к губам. – И, по возможности, прошу вас говорить как можно тише, - он указал на решётчатую дверь клетки. – Стража может услышать нас... Передвигайтесь, пожалуйста, на солому – вам будет мягче и удобнее.

Сэр Бернард перебрался на кучу соломы на полу, впервые окидывая взглядом помещение, в котором оказался. Это была настоящая тюремная камера, по форме напоминающая взятый из торта кусок – полукруг с двумя стенами; никакого освещения в ней не

было. Тусклый свет лился сквозь решётчатую дверь, через которую был виден факел на стене перед дверью противоположной камеры и отблески пламени треножника в центре зала. Время от времени через дверь он видел мерно прогуливающуюся женщину с мечом на поясе, луком за спиной и копьём в руке. Осмотрев собственное место заключения, сэра Ричард увидел десяток людей в рваной одежде, спящих на соломе. Около самой двери, внутри клетки, стоял кувшин.

- Что это за люди, сэра Ричард? – шёпотом спросил сэра Ричард, указывая глазами на спящих.

- Это такие же несчастные, как и мы с вами, - печально произнёс ему в ответ старый рыцарь. - Такие же пленники этих демонов, как и мы...

- Демонов? – перекрестясь прошептал сэра Ричард в великом ужасе. – Действительно: те существа, что притащили меня сюда, вряд ли могут быть женщинами!

- Нет, конечно, это не демоны! – поспешил успокоить его сэра Ричард. – Но бесспорно одно – они находятся в союзе с демонами, а возможно, и с самим Сатаной!

- Да кто же они? И как вы попали сюда, сэра Ричард? – молодой воин нетерпеливо продолжал засыпать вопросами собеседника.

Тот снова предостерегающе приложил палец к губам:

- А что, сэра Ричард, герцог Нормандский по-прежнему считает, что я погиб в лесу? Нет, меня заманили сюда – а отсюда нет выхода... Ох, почти полгода назад – после того рыцарского турнира – я поехал через лес провожать некую даму, которая была одной из них; она и заманила меня в ловушку... Похоже, что и с вами поступили также? – он посмотрел на сэра Ричарда.

Тот утвердительно кивнул. Сэра Ричард тихим шёпотом продолжил:

- Вы не представляете себе, дорогой мой, сколько здесь наших общих знакомых по турнирам и охотам! Все они считаются без вести пропавшими или убитыми – что, в сущности, почти одно и то же. Впрочем, вы ещё сами всё увидите...

- Но чей это замок? Что за порядки? Что за королева? – возмутился сэра Ричард.

- Королева? Да вы разве с нею не встречались? – сэр Ричард удивлённо поднял брови.

- Встречался, - подтвердил сэр Бернард.

- И вам до сих пор ничего не понятно? Она создала женскую империю, чтобы мстить всему роду мужскому – как вы уже, наверно, сами от неё слышали. С нею в союзе Силы Зла – помните этот чёртов кристалл на вершине пирамиды в тронном зале? – при помощи его она и держит нас всех в плену. Понимаете ли, сэр Бернард, эта женщина продала душу Дьяволу ради мести; к ней присоединяются ей подобные, которые во имя возможности отомстить мужчинам приносят в жертву Сатане кто волосы, кто – голос, кто – красоту лица или тела... Обратили ли вы внимание, что многие из них чудовищно уродливы, или постоянно молчат, или же носят маски на лицах? Это – последствие их контрактов с Духом Тьмы...

- Помню, - задумчиво ответил сэр Бернард, вспоминая маску на лице королевы и некоторых своих охранниц (одна из которых теперь время от времени появлялась возле дверей его темницы); вспомнил он Ирмегильду, сорвавшую волосы со своей головы прямо у него на глазах; припомнил он и телесную уродливость, и молчание некоторых женщин... И теперь эти адские химеры держали его взаперти неизвестно для какой цели!

- ...к тому же, королева имеет кристалл, уменьшающий вдвое силу мужчины и во столько же увеличивающий силу женщины, - продолжал шёпотом сэр Ричард. – Они постоянно охраняют нас. Сбежать нет никакой возможности; да если и сбежать – неизвестно, в какую сторону идти до ближайшего замка, через лес, без еды и невооружённому...

- Неужели по этим причинам ни один из мужчин не пытался убежать отсюда? – чуть не крикнул сэр Бернард.

- Пытались – и не раз! – со вздохом заверил его сэр Ричард, – только толку от этого было мало. Их всегда вылавливали и приканчивали на месте... Они ведь прекрасно понимают, что могут издеваться над нами до тех пор, покуда об этом не узнали за стенами замка – ибо сюда немедленно нагрянет большой карательный отряд королевских рыцарей и сотрёт их банду в порошок... Но все

попытки бежать были неудачны... Говорят, последняя из них была ещё задолго до моего появления здесь – а ведь я тут почти полгода! Ведь есть люди, томящиеся здесь уже годами! В общем числе нас тут около шестидесяти человек; обитательниц замка – как вы уже заметили, у них свой собственный язык – около сорока. Они всегда вооружены, а мы – всегда в кандалах... Время от времени численность и тех, и других увеличивается.

Мужчины выполняют здесь всю грязную работу – рубка леса, уборка помещений – и делают всё это в кандалах; над нами издеваются, оскорбляют, мучают... некоторых даже приносят в жертву своим демонам... Вот у кого в лапах мы находимся, сэр Бернард!

- Ну нет, я в лапах у этих жёноподобных дьяволов долго задерживаться не собираюсь! – гневно прошептал сэр Бернард. Его собеседник ничего не ответил, только сгрёб под себя побольше соломы. Сэру Бернарду показалось, что сэр Ричард лишь усмехнулся на его слова.

- Эй, в клетке! Хватит болтать! – послышался из-за дверей хриплый женский голос. – Завтра у вас будет порядком работы!

Сэр Бернард поудобнее устроился на полу камеры и незаметно для себя заснул.

С самого утра всех заключённых его камеры заставили идти рубить лес; на сэра Бернарда – как и на остальных – надели кандалы, после чего их под стражей погнали в ближайшую рощу.

Там им раздали топоры – и мужчины принялись за изнурительный труд под прицелами луков своих надсмотрщиков. Сэр Бернард узнал ещё нескольких своих сокамерников – сэра Уильяма, сэра Артура и сэра Томаса, – которые также числились в списке пропавших без вести; с ними ему удалось переброситься несколькими словами за работой. Мимо них проехала на лошадях группа женщин, занимающихся охотой – они везли с собою несколько убитых оленей. Поравнявшись с лесорубами, одна из охотниц неожиданно для сэра Уильяма на полном скаку огрела его плетью по лицу – и тут же все всадницы и охрана громко захохотали.

Потом был завтрак – отвратительная похлёбка из бобов, разлитая по неуклюже сработанным деревянным мискам. Многие мужчины ели молча; только лишь друзья сэра Бернарда собрались

вокруг него, расспрашивая о последних новостях в королевстве, о своих семьях...

За коротким перерывом вновь последовала изнурительная работа до самого обеда. Топоры падали из рук – лесорубы смертельно устали, но у их сторожей не было никакой жалости. Женщины бесщадно пинали мужчин, заставляя их продолжать работу. И только после скромного обеда они вновь были отправлены в камеру. Сэр Бернард почти на руках нёс сэра Томаса – тот от усталости практически не мог ступить без помощи. Конная стража, переговариваясь на своём языке, презрительно поглядывала в их сторону, время от времени раздражаясь хохотом – за исключением тех, кто не мог смеяться, продав Сатане вместе с душой собственный голос.

Следующий день был очень похожим на предыдущий, только с той разницей, что сэру Бернарду с сокамерниками раздали ножи и заставили прямо на полу камеры разделять туши убитых на охоте оленей. Помещение наполнилось ужасным смрадом убитых животных; не раз сэру Бернарду становилось от него так дурно, что он чуть было не падал в обморок. А безжалостные надсмотрщицы только наблюдали за ним, держа в руках копьё и мечи...

На третий день своей неволи сэру Бернарду пришлось наводить порядок в замке и его дворе вместе с остальными пленниками. Вооружённая охрана была приставлена к каждой группе мужчин – некоторые из них мыли стёкла в окнах тронного зала, некоторые – чистили и подметали коридоры; во дворе мужчины чинили повозки и работали в конюшнях; оставшиеся были заняты в поле перед замком, перепахивая землю и сея семена. Сэр Бернард узнавал среди пленников других рыцарей, баронов, оруженосцев; многие также узнавали его. Хоть стража и не мешала им общаться между собой, сами мужчины от усталости частенько не могли произнести ни единого слова.

Согласно заведённому в замке порядку, каждый четвёртый день был полностью свободным от работы для одной из камер – и этот день пришёлся на камеру, в которой содержался сэр Бернард. Он провёл его в беседах с сокамерниками и друзьями по несчастью – или же, выражаясь словами королевы, с другими «рабами по кро-

ви». Стража пристально наблюдала за ними, не вмешиваясь, однако, в их разговоры.

- Да неужели вы так и хотите сгнить запертым в этом чёртовом замке, а затем гореть в аду вместе с его чёртовой королевой и её помощницами? – пытаюсь разбудить в других дух к сопротивлению говорил сэр Бернард. – Неужели вы забыли о своём мужском достоинстве и благородном происхождении?

- Успокойтесь, сэр Бернард! – отвечал ему высокородный сэр Артур. – Я живу здесь уже почти четыре года, но не вижу ни малейшей возможности убраться отсюда подобру-поздорову...

- Похоже на то, что эти четыре года полностью отбили охоту у одного из самых смелых рыцарей и баронов королевства вернуть себе свободу! – дразнил его сэр Бернард.

- Нет, благородный сэр, вы просто всего не понимаете! – ответил ему вместо сэра Артура другой несчастный. – Что бы вы ни предприняли – вам не удастся живым уйти отсюда. В лучшем случае вы будете убиты – или же вас принесут в жертву Духу Тьмы на алтаре зла...

- Что ещё за жертвоприношение на алтаре зла? – испуганно заинтересовался сэр Бернард.

- Этого никто не знает, дорогой сэр, - немедленно отозвался сэр Филипп, невысокого роста человек, левая щека которого носила на себе след от удара меча. – Просто время от времени стража является в темницу и на выбор забирает кого-нибудь из мужчин. В ту же ночь весь замок сотрясается от его ужасных воплей – и более никто и никогда не видит его... Когда-нибудь этот выбор – прости-те меня, сэр Бернард! – может пасть и на вас, как, впрочем, и на любого из нас...

- ...но даже все ужасы мира не смогут удержать моего пыла сражаться за свободу! – гордо отвечал ему сэр Бернард Прекрасный. – Это и отличает свободного человека от раба.

А затем потекли совершенно однообразные месяцы: несколько дней работы – один день отдыха. Заключённые замка по-прежнему работали в лесу или во дворе; по-прежнему разделявали туши животных; по-прежнему подвергались издевательствам и насмешкам правящих ими женщин. За это время в темнице поя-

вилось ещё несколько пленников, да и ряды захватчиц тоже пополнились несколькими женщинами. Однако для сильного духом сэра Бернарда время летело почти незаметно – ибо он готовился к побегу. Несмотря на уговоры старших друзей он не мог отказаться от мысли получить свободу вновь – или умереть. К последнему он тоже серьёзно готовился, поскольку отлично понимал, что ждёт его в случае неудачи.

Работая в замке, в лесу, во дворе, он постоянно наблюдал и изучал расположение помещений, время смены и количество охраны в темнице, старался поднять боевой дух мужчин, и даже – благодаря своей неотразимой внешности – завести знакомство со своими тюремщицами. Внешне он казался окончательно смирившимся со своей судьбой, даже выказывал некоторые знаки почтения королеве и её окружению. Несколько раз, когда в охрану темницы назначали Ирмегильду, он пытался говорить с нею, используя для этого всё своё кажущееся обаяние и смирение. Многим женщинам было очень смешно видеть такого слабого мужчину – и они откровенно издевались над его смирением и вниманием к Ирмегильде. Но сэр Бернард лишь глуповато улыбался в ответ на их поношения – и неуклонно двигался к своей заветной цели.

Несколько раз в замке происходили таинственные и ужасные жертвоприношения Силам Зла. Тогда королева в сопровождении стражи спускалась в темницу – и выбирала несчастного, которого уводили наверх, в тронный зал. После этого по всему замку были слышны его громкие вопли боли и ужаса, от которых, казалось, даже стены сотрясались; после этого уже никто и никогда не видел уведённого из темницы человека. Одной из жертв этих дьяволов стал, кстати, бедный сэр Уильям... Так что, когда в тюрьме появлялась королева, сопровождаемая большой охраной, каждый из мужчин мысленно прощался с друзьями, мечтами, надеждами – и самой жизнью, понимая, что по желанию этой мегеры, после властного мановения её мускулистой руки, она может прерваться в страшных – и только одному Богу известно, в каких! – мучениях.

Но, несмотря на все эти ужасы, сэр Бернард не потерял мужественности и присутствия духа; он говорил с пленниками замка, убеждал их, воодушевлял собственным примером. Теперь

он верил во всеобщее восстание, а не в побег одного-двух заключённых из замка, который, как показывал предыдущий опыт, был попросту невозможен. Сэр Бернард всеми силами старался заpastись для себя и других всевозможным – пусть и примитивным – оружием; его воодушевлённые сообщники негласно помогали ему в такой подготовке. Незаметно подобранные с земли камни во время работы; украденные кости оленей во время разделки их туш на полу камер; спрятанные под одеждой щепки во время рубки леса – всё это незаметно затачивалось о пол темницы и тщательно пряталось под сено или в стенные щели камер. Прошло ещё несколько долгих месяцев, и у каждого из пленников появились заточенная кость, палка или камень для решительного сражения с угнетательницами.

Жизнь в замке текла по-прежнему лишь внешне – те же побои и оскорбления; те же издевательства надсмотрщиц над пленными мужчинами – только теперь у последних появилась воля к борьбе, воля к свободе; теперь уже почти все соглашались умереть, как и подобает настоящим рыцарям, но не терпеть более проклятое иго кровного рабства. Хотя – не к чести мужчин, надо сказать, – среди них ещё попадались такие, кто не верил в массовое восстание против их поработивших и унижающих женщин.

- Да какие уж тут побоища, сэр Бернард! – говорил ему во время рубки леса некий старый оруженосец. – Я тут несколько лет, и я стар, чтобы размахивать костями...

- Затея весьма неудачная, сэр Бернард, - вторил ему ещё молодой, но довольно слабый духом рыцарь. – За два года пребывания пленником я совершенно отвык владеть оружием без постоянных тренировок... Люди слишком измотаны непосильным трудом, чтобы сражаться камнями с прекрасно вооружёнными демонами...

Но сэр Бернард не отчаивался, продолжая вооружать сподвижников тем, что лишь попадалось ему в руки; он говорил, что после первого удара по силам противника у них в руках неминуемо окажется настоящее оружие – и тогда они зададут этим зверям жару как следует.

В скором времени недовольных восстанием совсем не оста-

лось; сэр Бернард ожидал подходящей минуты для начала атаки. Хоть никакого плана у него не было – да и быть не могло – он постоянно ожидал этого великого мгновения. И, наконец, звезда надежды засияла и миг освобождения от кровавого рабства наступил.

В ту ночь в темничную стражу – кроме ещё двух охранниц – была назначена Ирмегильда; она очень редко надевала свои фальшивые волосы, считая, что в компании пленных ей нечего стесняться своего уродства. Следующая смена караула должна была состояться только поутру, поэтому сэр Бернард нашёл этот момент весьма подходящим для задуманного плана. Итак, как только двери тюрьмы были закрыты, он начал тихонечко напевать серенады, всюду вставляя в них имя своей обманщицы. Сначала стража лишь посмеивалась над этим; однако через какое-то время Ирмегильда впала в настоящее бешенство, слушая куплеты о своей сияющей при свете факелов лысой башке и напоминающей сучковатое бревно фигуре. Она стремительно подскочила к двери камеры, из-за которой впервые в этом замке неслась насмешка над женщиной и крикнула:

- Если ты сейчас же не заткнёшься, мерзавец, то я изрублю тебя мечом на куски! Останови свою песню, слышишь!

- Да! – воскликнул сэр Бернард, прерывая свою серенаду. – Ты только и можешь угрожать мне из-за двери... И вообще: не понимаю, почему бы вам не раздать группе мужчин оружие и не померяться с ними силами в настоящем турнире? Конечно – легко плевать на нас, пока мы в кандалах... Так что, хоть вы и вооружены, но при этом так и остались трусливым женским родом, - закончил он, сжимая под сеном руку, в которой была заточенная кость.

- Ты – мертвец, ясно? – в бешенстве крикнула Ирмегильда и, выхватив меч, стала открывать дверь в камеру висевшим на поясе ключом. Свою пiku она прислонила к стене. Две её подруги тут же бросились к ней:

- Ты что, дура? Не с ума ли ты сошла? – забыв про свой язык, по-французски сказала ей одна из них. – Королева снесёт тебе голову, если ты откроешь дверь темницы с рабами в ночное время!

- Не снесёт! – гордо ответила Ирмегильда, сверкая глазами в

припадке бешенства. – Я только хочу прикончить эту собаку, которая посмела оскорбить меня и наш род!

Сэр Бернард сообразил, как ему следует попасть в нужную ноту:

- А ваша королева – вообще выжившая из ума старая обезьяна. На месте её жениха я поступил бы также – бросил бы эту образину, да и сбежал бы к другой, кто покрасивее!

Теперь уже вся охрана взбесилась – и даже стала помогать Ирмегильде поскорее открыть дверь. К тому же из других камер стали доноситься презрительные реплики и смешки. Сэр Бернард понял, что никто в тюрьме и не думает спать и что все только дожидаются момента давно задуманного ими начала побега. Он знал, что в его камере все были наготове; сэр Ричард и сэр Артур замерли в темноте камеры по обеим сторонам от двери с занесёнными вверх руками, в которых они сжимали остро заточенные костяные кинжалы. В этот миг дверь со скрежетом распахнулась – и три озверевшие женщины с обнажёнными мечами ворвались в камеру узников.

Ирмегильда кинулась прямо на сэра Бернарда, в то время как две другие остановились у входа, держа наготове натянутые луки. Дальнейшее произошло в мгновение ока: сэр Бернард увернулся от меча нападавшей, который яростно обрушился на стену темницы, выбив из неё целый сноп искр. Тем временем рыцарь, оказавшись за спиной разгневанной женщины, со всей силы вонзил заточенную кость ей в затылок – она успела только охнуть и, выронив меч из рук, упала на солому. Сэр Артур и сэр Ричард выскочили из своих укрытий; удар сэра Артура пришёлся точно в горло охраннице – лук выпал из её рук, а сама она вылетела из камеры почти к пламенеющему котлу на треножнике, в самый центр зала. Удар сэра Ричарда тоже попал в цель, хотя и не совсем удачно – ему несколько помешала открытая в его сторону дверь. Женщина успела перед смертью спустить тетиву лука – и пропевшая в воздухе стрела попала в руку стоящего возле противоположной стены пленника. После этого она упала на пороге темницы, окрашивая пол кровью.

Поскольку раненый сдержался и не закричал от боли, то единс-

твенным громким звуком был удар меча Ирмегильды в стену камеры; и если предположить, что стены темницы и толстые двери зала многократно ослабили его, то снаружи ещё никто из стражи ни о чём не догадывается. Сэр Бернард перерезал взятым у Ирмегильды кинжалом ключи на её поясе и прошептал сэру Ричарду:

- Открывайте все камеры – но чтобы тихо!

Через несколько минут все узники были на свободе.

- Итак, сэры, - негромко заговорил сэр Бернард, - нас с вами пятьдесят восемь человек, тогда как охрана замка вместе с королевой составляют сорок шесть женщин... Трёх можно вычесть, - он мельком глянул на валявшиеся около треножника трупы. – У нас потерь пока нет. Мы располагаем тремя луками, тремя мечами, тремя копьями и тремя кинжалами, наконец. Кроме того, у нас много нашего оружия – наших костяных ножей... Кто из нас лучшие лучники – пусть берут луки; копьеносцы – копья, и так далее... Прошу себе один из мечей, - обратился он к толпе вновь свободных мужчин; они отвечали ему кивая головами. – Тогда, - сэр Бернард взял протянутый ему кем-то меч, - мы выбегаем за ворота и вступаем в бой с этими врагами рода человеческого. Сейчас ночь, многие из них спят. Помните, эти твари будут сражаться до последнего: с такой внешностью им никуда не убежать и в миру не устроиться. Так что смело бросайте камни им в головы, стреляйте в них, рубите их – и тут же, подбирая оружие поверженных врагов, добивайте оставшихся. Я знаю, - он посмотрел на товарищей, - что многие из нас в этой битве найдут свою смерть на ступенях этого замка... но выбора у нас уже нет... Поэтому – вперёд!

Слегка задремавшая стража на площадке перед дверями темницы никак не ожидала внезапного нападения из подземелья – шестеро охранниц были застигнуты врасплох, когда двери тюрмы широко растворились и на них устремилась неумолимая ватага бывших пленников. Две стражницы, тут же получив по стреле, покотившись на пол – если они и остались живы после этого, то через мгновение были насмерть растоптаны пробежавшей по ним толпой. Пика сэра Артура прошла насквозь тело третьей защитницы женской тирании; четвёртая была убита в схватке с сэром Бернардом Прекрасным, повиснув без движения на его окровав-

ленном мече. Две оставшиеся с криками бросились бежать по коридору, явно направляясь в тронный зал, но меткая стрела лучника уложила одну из них – и женщина кубарем скатилась по ступеням к ногам нападавших; последней, однако, удалось скрыться за поворотом коридора.

- Подобрать оружие! Разделить! – кричал сэр Бернард сподвижникам. – И скорее в тронный зал – необходимо уничтожить их магический кристалл; тогда их силы сразу убавятся вдвое, а наши – возрастут! Нет пощады врагу! Уничтожим кровное рабство!

Ободраемая словами своего предводителя, толпа ринулась по коридору в тронный зал. На лестнице перед ним она была встречена отрядом человек из двадцати; в тот же момент около десяти женщин оказались у них за спиной. Обе противоборствующие стороны на мгновение замерли, словно оценивая силы друг друга – и затем с громкими воплями смешались в битве не на жизнь, а на смерть.

Положение атакующих было тяжёлым – они были зажаты на лестнице между двумя отрядами, более сильный из которых оказался наверху; именно туда и надлежало пробиться сэру Бернарду. Звон мечей, вопли и предсмертные стоны раненых, свист стрел – всё это слилось в единую какофонию ужаса: мужчины, которые должны любить и уважать женщин, рубили им головы и пронзали их копьями насквозь; женщины, которые должны любить и уважать мужчин – с ненавистью отвечали им тем же самым. Тела одной и другой враждующих сторон устилали собою лестницу; однако мужчинам удалось подняться на площадку – оставшиеся в живых женщины отступали в тронный зал. Двери его были распахнуты. На пороге стояла королева с мечом в руках; за её спиной находилось ещё девять вооружённых мечами женщин. А за их спинами, в центре зала, сиял на вершине пирамиды кроваво-красный кристалл.

Сэр Бернард громко закричал от ярости и ненависти, бросившись на королеву; следом за ним бежало ещё около пятнадцати человек. И бой завязался с новой силой.

Сражаясь с королевой, сэр Бернард всё более и более оттеснял её к центру зала и мраморной пирамиде; женщина отчаянно со-

противлялась, то отступая, то вновь нападая на него. Однако силы их были явно неравными – королева просто выматывала его, уже утомлённого битвой. И кто знает, что бы вскоре случилось с сэром Бернардом, если бы меч королевы, отодвинувшейся очень близко к одному из окон, не запутался при размахе в тяжёлых зелёных шторах. Рыцарь полоснул её мечом по животу и, не меняя своей позиции, нанёс ей сверху страшный удар, разрубивший голову королевы и маску на её лице. Труп женщины тут же грохнулся на пол, заливая его и помешавшие нанести ответный удар шторы багровой кровью, а сэр Бернард, избавившись благодаря счастливому случаю от столь опасного противника, устремился к заветной пирамиде.

Вокруг него тем временем продолжалось ужасное побоище – топот ног, звон мечей и людские вопли тысячекратно усиливались эхом тронного зала; казалось, будто сражаются не пара десятков, а тысяча человек. Несколько мужчин и женщин уже пали жертвами кровавого сражения, когда сэр Бернард, огибая по пути дерущихся противников, приблизился к пирамиде и сорвал левой рукой багровый кристалл с её верхушки. Сэр Бернард оглянулся вокруг – и также стремительно бросился в сторону дверей, к одному из дышащих пламенем каминов.

Выдержав по пути небольшую схватку с одной из женщин, он оттолкнул её ударом меча и в тот же миг сильно размахнулся левой рукой: магический кристалл Кровного Рабства пролетел почти через четверть зала, сияя на лету багровыми лучами – и скрылся в жерле камина слева от дверей зала. Помещение наполнилось рёвом множества неземных голосов – словно все демоны ада застонали от потери своей силы кровного рабства над мужчинами. Рёв продолжался несколько мгновений, во время которых сражающиеся замерли, чувствуя лёгкое головокружение. А затем... Затем из рук оставшихся женщин выпали тяжёлые мечи – ибо при теперешних своих силах они не могли даже удерживать их, а не то что сражаться. Мужская сила вернулась полностью к своим прежним обладателям; ни на секунду не задумываясь, они тут же уничтожили нескольких оставшихся противниц. Победа была полной и окончательной; оглянувшись вокруг, сэр Бернард увидел лишь четверых уцелевших

своих сторонников. Он вытянул руку вверх, сжимавшую меч, и воскликнул громким голосом:

- Всё кончено, братья! Силы Зла отжили время своего правления над нами! Мы – свободны! – и дружный боевой клич мужчин был ему ответом.

От количества сражавшихся мужчин осталось лишь пятеро; женщины были уничтожены полностью – сэр Бернард в сопровождении оставшихся в живых лично убедился в этом, обойдя замок и пересчитав женские окровавленные трупы. Нашли также и одного раненого; но раны его были такими тяжёлыми, что бедняга умер ещё до наступления утра.

Первые лучи солнца застали рыцарей в том же самом тронном зале, где они проводили совещание, обсуждая последствия их приключений и возвращение домой. Солнце восходило всё быстрее; сквозь зашторенные окна всё сильнее проникал зелёный свет...

- Смотрите, как странно! – воскликнул вдруг один из рыцарей, указывая рукой на одно из зашторенных окон, которое по-прежнему оставалось тёмным – ни лучика света, казалось, не проникало через него. Мужчины осторожно приблизились к окну с поднятыми мечами и сэр Бернард, схватив шторы в левую руку, резко дёрнул их на себя. Они с треском разорвались и упали ему под ноги.

Рыцари воззрились на окно. Собственно, это и не было окном – вместо окна в нише находилась огромная карта леса с замком посередине, с протекающей возле замка рекой и полями...

- Что ж, - радостно улыбаясь воскликнул сэр Бернард, - эта карта весьма облегчит нам путь домой! Видите, слева от леса в верхнем углу написано: «К морю», а в нижнем правом – «Во Французское королевство». Таким образом, эта карта укажет нам необходимое направление – каждому своё.

- Тогда нам не мешало бы подкрепиться, - сказал сэр Ричард; из всех знакомых сэра Бернарда он единственный уцелел в кровавом побоище. – Солнце уже взошло, и только Господу Богу известно, сколько времени займёт у нас путь через весь лес.

- Правильно, сэр Ричард! – горячо поддержал его сэр Бернард. – Нам следует переодеться в более подходящую одежду

по случаю отъезда из замка Кровного Рабства – кстати, на одной из женщин я видел собственный шлем, – затем поесть – и в путь! В конюшнях замка полно отличных лошадей, среди которых я также собираюсь найти своего коня – надеюсь, эти дамы внимательно следили за ним и кормили во время вынужденного отсутствия его настоящего хозяина... Что ж, - прервал он себя, – за дело, сэры!

Каждый из рыцарей прихватил из замка по мешку провизии для себя; после обильного завтрака они вышли к конюшням замка, где выпустили на волю всех благородных животных, оставив себе по одной лошади. Сэр Бернард очень радовался, обнаружив в конюшне своего любимца – конь был ухоженным; он тут же с радостью признал своего хозяина, пригарцовывая от такой неожиданной встречи. А спустя ещё насколько минут рыцари бросили последний взгляд на замок Кровного Рабства – и выехали за его ворота.

Доехав до реки, они искупались и помыли коней, после чего наступило время прощания. Конечно, сэр Бернард Прекрасный уговаривал друзей со всей рыцарской любезностью и настойчивостью посетить его замок и дворец герцога Нормандского, однако рыцари благодарно отклоняли его приглашение.

- Дорогой сэр Бернард! – словно отвечая за всех произнёс под конец один из рыцарей. – Мы сердечно благодарны вам за приглашение, от которого при других обстоятельствах никогда не посмели бы отказаться, но среди нас есть такие, которые уже много лет не видели родной семьи, своего замка и своих деревень; поэтому мы искренне просим вашу милость не обижаться за такой наш отказ.

Сэру Бернарду Прекрасному ничего не оставалось, как признать отклонения своего приглашения друзьями вполне разумными и законными; поэтому он крепко обнял каждого из них по отдельности, изъявив желание встретиться с ними в следующий раз при более благосклонных обстоятельствах. Затем рыцари оседлали коней – и с прощальными криками разъехались в разные стороны.

Почти двое суток сэр Бернард скакал по лесу; он хорошо помнил его карту и все ориентиры, поэтому теперь уже не боялся заблудиться в глуши, подобно первому разу. Найдя прошлогоднюю охотни-

чью стоянку, с которой и начались его невесёлые приключения, ему было совсем уж рукой подать до знакомых мест. И он направился прямо в герцогский дворец.

Блестящее общество уже никак не ожидало появления сэра Бернарда – все считали его давно погибшим, хотя никто не мог указать места его гибели. Сэр Бернард поведал ужасную и завораживающую историю о своих приключениях в присутствии герцога и герцогини, в присутствии высших сановников герцогского двора, графов, баронов и прекрасных дам, особенно радовавшихся возвращению сэра Бернарда.

Эту историю записал Марк, писарь его милости, по особой просьбе благородного рыцаря, сэра Бернарда Прекрасного, который по-прежнему продолжает поддерживать свою честь на турнирах, охотах и прочих развлечениях дворянского сословия. И да будет мир над ним и Божье благословение как в сей жизни, так и в грядущей. Explicit.

Искренне Ваш, Лавкрафт

Милях в шестидесяти от Портленда мою машину почти занесло снегом; и куда я смотрел, отправляясь в такую бурю да ещё на ночь глядя?! А всё потому, что хотел доставить удовольствие двоюродной сестре Лили – первому из всех гостей оказаться у неё с раннего утра, чтобы поздравить девушку с двадцатилетием. Я невольно ругнулся, ударив кулаком по коробке скоростей (внутри неё что-то хрустнуло и подозрительно затарахтело); стеклоочистители работали вовсю, но видимость от этого не улучшалась. Сейчас бы вернуться назад, в N., однако не в моих правилах отступать; к тому же, большая часть пути уже проделана. Благодаря сильному ветру с моря дорогу, идущую по самому его берегу, почти не заносило белыми и тяжёлыми хлопьями, зато они будто бы сговорились дружно падать на лобовое стекло автомобиля с целью окончательно вывести меня из терпения.

Из-за боязни не вписаться в очередной поворот я постоянно сбрасывал скорость, из-за чего, собственно, и тащился черепашьям шагом; свет фар никак не мог пробить толщину белой стены на расстоянии больше нескольких метров. А буря, в отличие от меня, и не думала сдаваться.

Спустя несколько минут мои глаза различили маленькую точку света где-то впереди; сперва я принял это за галлюцинацию, вызванную моим уставшим и расстроенным в дороге зрением. Но нет, точка не исчезала; и по мере моего приближения к ней она всё разрасталась и увеличивалась до тех пор, пока мне не стало отчётливо видно ярко освещённое окно маленького двухэтажного и весьма опрятного особняка, стоящего прямо у обочины дороги.

Свет фар помог мне внимательно рассмотреть его: обыкновенный, очень уютный домик с двумя верандами; искусно сложенная башенка, напоминающая собой купол православной церкви; из тру-

бы призывно струился дым – точно также, как из готического окна на втором этаже – свет.

Конечно, первым моим чувством была радость по поводу получения давно утраченной надежды на ночлег под крышей; однако к этой радости примешивалось чувство стыда – ну, как это будет смотреться, если я вломлюсь в три часа ночи в незнакомый мне коттедж с просьбой принять меня до наступления утра? Однако снег свирепствовал и не думал прекращаться. И только благодаря ему я стал участником поразительных, таинственных событий, о которых мне никогда бы и не узнать, не побои я своей робости постучаться в чужую дверь глухой ночью. Но так уж случилось, что я заглушил мотор автомобиля у самого крыльца, после чего поднялся по ступеням, проклиная слепящий глаза снег и, держась за резные деревянные перила, постучал кулаком в массивную, украшенную по углам какими-то химерами, дверь.

Пару минут никто не открывал, хоть я и заметил, что в прихожей загорелся свет; затем послышались мягкие шаги, чей-то кашель (или это ветер свистел в моих ушах?) – и двери открыла симпатичная, лет тридцати пяти, женщина. Она была стройна, черноволоса; локоны падали по плечам. На ней был тёплый мягкий халат из синего бархата. Овальное лицо можно было бы назвать по-мужски волевым, если бы его обладательница не имела чисто женских, нежных, чуть приоткрытых полных губ и мечтательных серых глаз. В её маленьких ушах при каждом движении покачивались лёгкие коралловые серьги.

- Что вам угодно? – спросила она мелодичным голосом, увидев мою занесённую снегом физиономию; я открыл было рот для ответа, но она, умно улыбнувшись, что придавало её глазам неожиданную серьёзность и пронизательность, сама заговорила раньше меня. – Ах, бедный, уставший молодой человек! Ну, чего же вы стоите – входите в дом, иначе в открытые двери наметёт снега! Вы, должно быть, попали в эту ужасную метель? Заходите же, заходите! – и она, взяв меня за руку своей тёплой пухлой ручкой, почти втощила меня в помещение, захлопнув дверь за моей спиной.

Женщина помогла мне снять пальто и тут же повесила его на вешалку – ближе к пылающему камину, изображающему собою рас-

крытую драконью пасть. Снимая пиджак и вешая его рядом, я не стал упускать возможности рассмотреть комнату, в которую попал минуту назад. Старинные шкафы и секции, битком набитые книгами, занимали здесь большее место; возле рабочего стола, на котором лежала скрипка и несколько пожелтевших нотных тетрадей, стоял превосходно сохранившийся беккеровский рояль; стены были увешаны коврами на восточный манер, с потолка свисала громадная хрустальная люстра. Возле камина стояли два кресла с высокими спинками; между ними находился маленький столик – на нём лежала длинная курительная трубка и букет засушенных цветов; в специальной стойке стояли красиво сделанная кочерга и каминные щипцы. Маленький пушистый котёнок, который едва пошевелился при моём появлении в комнате, мирно лежал на чистенькой, аккуратно сложенной поленнице дров, всем своим видом внося дополнительный покой в дом; тому же способствовало и потрескивание огня в камине. Везде, абсолютно на каждой вещи, лежал отпечаток сна; ничто не пошевелилось при моём вторжении... Из этих аппартаментов одна дверь вела в соседнюю комнату, а красивая винтовая лестница, таинственно уходящая на второй этаж, вела в те помещения, из окон которых я впервые увидел свет с дороги.

Я только-только обернулся к хозяйке, чтобы поблагодарить её за радушный приём и изложить свою просьбу воспользоваться её гостеприимством до восхода солнца, как наверху послышались шаги – и мужской тенор произнёс:

- Кто там, Соня?

Женщина не успела ответить, как по лестнице чинно и плавно, держась левой рукой за перила спустился довольно худой, с ясными чертами лица, мужчина лет сорока или чуть больше. Подобно женщине, он тоже был одет в длинный халат, но только изумрудно-зелёного цвета; в правой руке держал дымящуюся сигару. Человек этот был словно воплощением спокойствия и умиротворения. Его лицо сразу поразило меня – не особенно худое, однако слегка вытянутое. Волосы были коротко подстрижены; глаза – большие, серые, – как будто бы ничего не выражали; даже удивления по поводу стоящего перед ним ночного незнакомца я в них не разглядел. Губы ровные и тонкие; брови почти срослись на переносице; ни бороды, ни усов

человек этот не носил. Теперь, когда я перечитываю написанное, мне кажется, что я всё-таки неверно передал его внешность – при таком моём описании трудно представить покой его лица; но тем не менее это было первой чертой, что бросилось мне в глаза – оно же было и последней, когда я покинул тот дом с первым лучом солнца.

Мужчина задержался на нижней ступени лестницы, затем сделал ещё несколько шагов в мою сторону, молча поприветствовав меня кивком головы. Я набрался смелости и произнёс несколько слов о моём положении, заставившего меня искать их гостеприимства в столь поздний час бурной зимней ночи. Тогда он заговорил:

- Попали в пургу, значит, молодой человек? Что ж, тогда милости просим к камину, вам необходимо обсушиться... Соня, - обратился он к женщине, - гостю надо чего-нибудь поесть и выпить, а потом уложим его спать на втором этаже... Знаете, - снова обратился он ко мне, когда женщина покинула помещение, - у нас всегда готова комната для гостей, хотя редко кто пользуется ею. Здесь больше нигде нет ни одного дома в радиусе тридцати-сорока миль, лишь ферма в нескольких милях от Портленда...

Я, ещё раз извинившись за столь поздний и внезапный визит, изложил хозяину коттеджа все свои приключения: как я выехал из N. на день рождения Лили; как попал в бурю; как, наконец, оказался на крыльце его дома... Хозяин не перебивал меня, глядя мне в лицо ясными, умными глазами; потом он предложил мне сесть в одно из кресел возле камина и подкрепиться: его супруга (насколько я мог предположить, она приходилась ему супругой) принесла несколько горячих котлет, хлеб и графинчик с красным вином; пока мы беседовали, она успела всё расставить на столик между креслами и, пожелав нам обоим спокойной ночи, удалилась в соседнюю дверь.

После того, как с едой было покончено (хозяин несколько раз предлагал мне не стесняться), он бросил окурочек сигары в камин и, набивая трубку табаком из кисета, который откуда ни возьмись появился у него в руках, предложил мне перебраться наверх, к нему в кабинет – если, конечно, я не слишком утомлён дорогой:

- Там намного уютнее и спокойнее, - пояснил он, закуривая, – да и натоплено там всегда лучше.

Я принял его предложение; мы захватили с собою графин и стали подниматься по лестнице.

Кабинет хозяина коттеджа оказался действительно замечательным: небольшой, тёплый (правда, что теплее гостиной); тот же камин, полки с книгами; на стенах – несколько хороших копий да Винчи, Руссо, Айвазовского. Стол, два мягких дивана; на каждом шкафу – статуэтки, бюсты. Мы сели друг напротив друга через стол и хозяин откинулся на подушку.

- У вас очень много книг, мистер... – я сделал паузу, ожидая, что он сам подскажет мне свою фамилию.

- Говард, - немедленно отозвался он, – просто Говард.

- ...мистер Говард, с вашего позволения, - несколько растерялся я; хотя между нами не более двадцати лет, почему же тогда, с разрешения человека, я не могу называть его по имени? – Вы, наверное, ужасный поклонник изобретения Гуттенберга?*

- С вашего позволения, - улыбаясь ответил он, как бы в шутку передразнивая меня, - с вашего позволения – являюсь. Редко, согласитесь, что можно ценить больше, чем любовь или хорошую книгу.

Пока он говорил, я пробежал глазами по корешкам толстых и тонких томов; мне попадались как известные, так и неизвестные авторы. Произведения на самые разнообразные темы были собраны в этой комнате – поэзия, религия, философия; нередко попадалась техническая и научная литература.

Я спросил разрешения познакомиться с библиотекой поближе, и когда оно было мне дано, поднялся с дивана и подошёл к самой большой – трёхэтажной – полке, висевшей слева от камина. Хозяин тем временем перебрался в кресло за дубовым письменным столом, заваленном рукописями, которые скрывали от меня названия толстых книг под ними.

- Я хотел бы написать письмо знакомому, - обратился он ко мне, беря в руку чернильную ручку и придвигая к себе чистый лист бумаги, - так что прошу вас свободно рассматривать книги и не обращать на меня никакого внимания.

Я обнаружил издание *Malleus Maleficarum*,* несколько трудов отцов церкви – Тертуллиана, Августина и Оригена – на латинском и греческом; потом моим вниманием завладели сочинения Рэмбо,

Лотреамона и Бодлера; здесь же, на полке, стояло несколько книг небезызвестного маркиза де Сада. Библиотека была значительной, внушала непомерное почтение – поистине, было удивительно содержать таковую в частном доме, и тем более – в такой глуши. Было очень много книг о морской флоре и фауне; открытия, исследования – видимо, хозяин серьёзно изучал море. Об этом ясно говорил многотомник «Океан». И вдруг руки мои благоговейно затряслись: мне в глаза бросился том с леденящим душу названием «Седьмая книга Моисея».* Я просмотрел названия других книг – судя по ним, книжная полка была полностью отведена оккультизму, магии и мистике. Я не смог скрыть своего восторженного удивления и, пылающим от восхищения взором, повернулся к хозяину; тот уже запечатывал надписанный конверт.

- Это грандиозно, мистер Говард! – моя искренность придала столько силы голосу, что я мигом вспомнил о спящей внизу женщине; после этого я заговорил гораздо тише. – Это просто грандиозно! Подобной библиотеки мне ещё никогда не доводилось видеть! И вы, смею поинтересоваться, уже смогли осилить всю эту литературу?

Губы хозяина пришли в движение – он улыбнулся:

- Если хочешь найти – тогда ищи. Вот я и разыскивал...

Во время этих слов он выронил письмо из пальцев; нагибаясь за ним, хозяин нечаянно смахнул локтем несколько листов со стола на пол. Неожиданно для себя я взглянул на книгу, название которой они до сих пор прикрывали – и онемел: никогда ещё ни одной книге не удавалось ввергнуть меня в паралитическое состояние – передо мною лежал старый, обшитый потёртым чёрным материалом том «Necronomicon» – это название чуть не свалило меня с ног.

Так я и стоял – безмолвно, словно окаменевший, – до тех пор, пока мистер Говард не собрал свои упавшие на пол бумаги и не посмотрел на меня. Заметив мой неподвижный взгляд, он проследил за его направлением и, подойдя ко мне, тронул меня за плечо:

- Что с вами случилось, молодой человек? Вас что-нибудь напугало?

К тому времени (а кто знает, сколько его на самом деле прошло?) я несколько отошёл от первого впечатления – от того магнетичес-

кого эффекта, произведённого на меня одной из древнейших книг и, протянув руку к тому, прохрипел:

- Necronomicon!

Хозяин вопросительно смотрел на меня; глаза его не выражали ничего, кроме полного спокойствия.

- Я и представить себе не мог, что эта книга существует на самом деле!

Забыв о том, что я гость в чужом доме, забыв про все правила хорошего поведения, я кинулся к книге – и секунду спустя держал её в руках. Я поспешно раскрыл её – в глаза мне бросились буквы арабского, арамейского и ещё каких-то совсем неизвестных мне языков и алфавитов; странные рисунки, чёрточки, точки; астрологические и алхимические символы звёзд, планет, камней; человеческие и нечеловеческие фигуры – я держал в руках одну из самых ужасных книг человечества! Теперь она существовала не только в моём воображении...

- О, мистер Говард! – кажется, я снова обрёл дар речи. – Я не могу поверить, что держу эту книгу в руках! Я всегда полагал, что она не более, чем выдумка – правда, замечательная выдумка – гениального писателя-мистика Лавкрафта – и вот, оказывается...

Что-то заставило меня умолкнуть, когда я снова посмотрел в глаза хозяину таинственного особняка. Однако он по-прежнему улыбался.

- Так-так, молодой человек, - мой собеседник скрестил руки на груди. – Значит, вы знакомы с творчеством Лавкрафта? – он хмыкнул. – И что же вы можете сказать мне о его произведениях?

Я несколько опешил. Не было ничего удивительного в том, что я читаю Лавкрафта в свои двадцать четыре года; меня поразило, что этого писателя знает человек более чем вдвое старше меня. Знает, и даже интересуется моим мнением! Что ж, в таком случае у меня есть прекрасный повод поговорить до рассвета на очень занимательную тему.

Хочу сознаться, что в кругу своих сверстников я, да и все остальные, только и делаем, что взахлёб читаем Лавкрафта, Эдгара По, Мейчена, Блоха, Стокера – а потом жестоко дискутируем по поводу прочитанного. Мы спорим о творчестве, увлечениях и судьбах писа-

телей; достаём, откуда ни приходится, интересную информацию об их жизни, хобби и тому подобном. Из всех этих знаменитых писателей наименее всего людям известен Лавкрафт и, на мой взгляд, это совершенно несправедливо. И кто знает: может, хозяину коттеджа известно о нём что-нибудь примечательное?

Я начал подробно распространяться об этой таинственной личности: о его странной, никому неизвестной жизни; о его не менее таинственной смерти, которая постигла его в расцвете лет и которую каждый трактует по-своему – было ли это убийство или же самоубийство; добавил, что лично я предпочитаю мистическое разрешение этого спорного вопроса. Я рассказал о том, что никто и никогда не знал, как выглядит Лавкрафт – лучшие его друзья на протяжении многих лет были знакомы с ним лишь по переписке; что был всего один человек, видевший писателя в лицо – его жена Соня Грин, с которой он прожил всего несколько лет. О том, что ни одной его фотографии не сохранилось, и что местонахождение могилы писателя до сих пор тоже никому неизвестно.

Затем я начал – повесть за повестью, новеллу за новеллой – анализировать высокий творческий талант Лавкрафта с его самых ранних произведений и до последнего. Хозяин постепенно, казалось, заразился моим пылом, включаясь в беседу; мы обсуждали произведение за произведением – и мне пришлось признать, что передо мной находится поразительный знаток творчества писателя. Мы говорили о мирах Лавкрафта, о безжалостных Глубоководных Богах, о далёких звёздах, о пришельцах из Иных Вселенных, о Зле, вечно содержащемся в недрах Земли и Воды и готовом в любую минуту вырваться наружу и поглотить человечество, которое никогда не было в состоянии вести с Ним подготовленную борьбу. Мы разгорячились – так бывает всегда, когда два знатока, обсуждая любимую тему, сходятся в закрытом помещении один на один. Я вернулся к «Necronomicon».

- Откуда же у вас, простите за нескромный вопрос, этот чудесный экземпляр? Ведь это – рукопись?

- Смотрите сюда, мой друг! – он указал пальцем на последнюю страницу. – Вы не читаете по-латыни? «1281 AD, master Albertus fecit» – сделано мастером Альбертусом, 1281 год от Рождества Христова». По-видимому, работа монаха-переписчика, так как оригинал

написан Абдул аль-Хазредом в IX веке нашей эры, если не раньше.

- Поразительно! Я всегда считал – да и не я один! – что Necronomicon не только не был написан, но полностью является выдумкой самого Лавкрафта...

- Ничего подобного! Подлинность рукописи не оставляет места сомнению. Да пусть даже это и подделка; пусть Лавкрафт придумал или даже написал (допустим) Necronomicon – как он его писал? Для этого необходимо знать семь древнейших языков, в числе которых арабский, санскрит, арамейский и древнееврейский? Это вам, молодой человек, не какая-нибудь латынь или греческий! Только на изучение этих языков жизни не хватит!

- Верно, - согласился я, - а ведь Лавкрафт помимо этого оставил несколько увесистых томов своего творчества, да ещё массу писем на такое же – если не более – количество бумаги. Итак, значит, Necronomicon существует, и автор его – безумец аль-Хазред.

- Конечно, - продолжал мой собеседник, - Лавкрафт пользовался латинским переводом оригинала; откуда иначе выдержки из этой книги могли бы взяться на страницах его произведений? Или, может, вы хотите уличить его во лжи?

- Не имею ни малейшего намерения. Писатель ничего не придумал, за исключением реки Мискатоник и ряда городов – Иннсмаута, Эркхама, Данвича и им подобных. Но я считаю, что это придало его произведениям ещё большую силу – города эти так ярко и живо описаны, что поклонники Лавкрафта разыскивают их до сих пор, словно они существовали бы на самом деле! Я мыслю себе, что в творчестве писателя это весьма правильный ход – слить воедино выдумку и реальность.

- Лавкрафт наверняка думал так же, - улыбнулся мой хозяин. – А что вы думаете о его божественном пантеоне?

Я в упор посмотрел на него:

- Писатель был замечательным визионером и духовидцем – почему бы ему в таком случае не видеть того, что не могут созерцать простые смертные? Здесь я ничего не могу считать выдумкой.

Беседа наша продолжалась. Мистер Говард знал о писателе гораздо больше меня и, в какой-то степени, я нашёл это для себя оскорбительным. Но можно ли, справедливо ли дуться на человека,

знающего больше других?! Если я мог рассказать любую из новелл писателя очень близко к тексту, то он запросто цитировал многие места наизусть.

Под конец я не выдержал:

- Мистер Говард! – чувство восхищения им искренне подтверждало мои слова. – Мистер Говард! Я прямо не знаю, как мне благословлять эту бурю, которая привела меня к порогу вашего дома! Говоря откровенно, я всегда считался в своём кругу непревзойдённым знатоком жизни и творчества Лавкрафта, но против ваших знаний о нём мои – совсем ничего не стоят! Признаться, я вам ужасно завидую; в том числе и тому, что ваше имя – это имя великого писателя. Вы так хорошо осведомлены о его жизни, что я...

Мистер Говард снова улыбнулся:

- Завидовать, молодой человек, здесь совершенно нечему: если я был бы поклонником писателя, тогда – и лишь в том случае – ваша зависть чего-нибудь да стоила. Не стоит удивляться тому, что жизнь и творчество Лавкрафта мне хорошо известны... Дело в том, что я и есть Говард Филлипс Лавкрафт.

С самого начала его речи я словно оцепенел; последняя фраза отдалась в моих ушах ударом молота по наковальне. Я подумал, не схожу ли с ума, и смотрел на собеседника, идиотски мигая то правым, то левым глазом. Он положил свою тонкую руку мне на плечо:

- Ну, ну! Успокойтесь, я понимаю – это весьма неожиданно. Возьмите себя в руки и сядьте. – С этими словами он усадил меня на прежнее место.

В голове моей царили настоящий Содом и Гоморра; мысли нагнетались одна на другую с той же скоростью, с какой одна о другую и разбивались.

- Это – розыгрыш? – только и смог выдавить я. – Не думал, однако, что наша беседа так глупо закончиться!

Хозяин улыбнулся – ни тени беспокойства или гнева на лице:

- Это я также предвидел. Вы, пожалуй, назовёте меня самозванцем – и оно вполне простительно. Давайте же разберёмся – кто я на самом деле, идёт?

Хоть и глубоко разочарованный, я подумал, что до рассвета всё равно делать нечего.

- Итак, по-вашему, я – не Лавкрафт. Чудесно! Где же тогда Лавкрафт?

- Он умер в 1937 году, - ответил я более чем безучастно.

- Умер? – воскликнул хозяин дома. – Что ж – умер, так умер... Но ведь вы сами говорили, что никто не видел его могилы, да и его самого. Как же теперь вы можете утверждать, что я – не Лавкрафт?

Тут какие-то странные, подозрительные мысли зашевелились в моей голове, подобно лавкрафтовским химерам в своих саркофагах. Зовут его Говард и он утверждает, что является знаменитым писателем. Это ещё ничего не значит; гораздо интереснее, что его жену зовут Соней. Соня Грин... Странное, однако, совпадение. И «Necronomicon»... Розыгрыш? Но зачем? Неужели хозяин дома от нечего делать втянул в эту нелепую игру и себя, и жену, и меня и, наконец, самого Лавкрафта? Откуда он мог знать, что я сам – поклонник писателя и что сегодня окажусь у него в доме?

- Задумались над происходящим, мой друг? – прервал мои размышления хозяин; всё это время он степенно ходил по кабинету без малейших признаков волнения. – А между тем, сказанное мною – правда. Так что теперь вы – второй человек после Сони, которому известно, как я выгляжу.

Никакой игры в его действиях я не замечал. И тут меня осенило:

- Но, позвольте – теперь 199... год! В 1937 Лавкрафту было... то есть, в этом году ему должно исполниться более ста лет!

- Ваш расчёт вполне оправдан и безошибочен, молодой человек, - хозяин сел напротив меня, закинув ногу на ногу. – Не помните ли вы некоторые мои произведения, такие как «Холодный воздух», «Тень над Иннсмаутом» или «Единственный наследник»?

- Помню, - ответил я. – В них рассматривается проблема и методы увеличения срока жизни, и даже полное упразднение смерти.

- Правильно, - кивнул головой мой собеседник и сунул в рот недокуренную трубку. – Так вот, благодаря похожим на описанные методы я и остался жив. Вместе с Соней мы ушли в океан к Старожилам – подобно семейству Маршей, описанном в моих произведениях. Ведь Глубоководные живут вечно и никогда не теряют зрелого возраста.

- Но ведь Лавкрафт полностью придумал свой мир!

- Ничего подобного! Вы же сами говорите, что писатель был чудесным визионером. Единственная его выдумка – это несколько рек и городов, которые якобы имеются на территории Соединённых Штатов.

Весь этот странный разговор постепенно вызывал у меня повышенный интерес. Я настолько забылся, что чуть было не потребовал у хозяина особняка паспорта – однако вовремя сообразил, что ничего нелепее невозможно придумать. Этот человек – само спокойствие! – смотрел на меня, изучая моё лицо и наверняка наблюдая внутреннюю борьбу в моей душе.

- А, кстати, - он поднялся с дивана, и подойдя к письменному столу, стал рыться в одном из ящиков. – Кстати, все ли произведения Лавкрафта вам известны?

Я почувствовал некоторую обиду:

- Естественно! И даже кое-что из его переписки с Дерлеттом и Уитли.

- Тогда, может, вам известны такие повести, как «Таинственная метка», «Speculum Infernalis» или роман «Дом проклятых»?

Я мысленно вспомнил названия всех произведений писателя; на это мне понадобилось меньше минуты:

- Нет, такие названия мне ничего не говорят. Я слышу о них впервые.

- Неудивительно – ведь я написал это около полугода назад, в этом самом доме...

Это было сказано так просто, что я поверил в его слова, несмотря на собственный скептицизм. Тем временем хозяин достал из ящика пачку исписанных листов в клетку и, вернувшись к дивану, положил принесённое на стол в полуметре от меня.

- Разрешите мне взглянуть на рукописи, - попросил я уже куда более смиренным голосом – и где теперь была моя полная уверенность в розыгрыше?

- Не стоит того... знаете, у меня очень трудночитаемый почерк... Но если вы не будете против, то я с удовольствием прочитаю кое-что из этих произведений своему первому слушателю.

Я кивнул головой, выражая согласие; и уже через несколько минут позабыл обо всём на свете – настолько меня увлёк сюжет по-

вестования, а главное – стиль, техника изложения – это действительно был неповторимый стиль Лавкрафта, который просто никак невозможно подделать. Я мог узнать этот стиль даже не читая, лишь на слух; таким же образом гурманы только по запаху с завязанными глазами могут определить сорт любимого вина или пива, которое нельзя спутать ни с каким другим. Стиль Лавкрафта изобилует неповторимыми сравнениями, лишь ему присущими речевыми оборотами – его нельзя скопировать.

Пока хозяин читал, мне как будто бы удалось немного вздремнуть. И мне предвиделось, будто разбушевавшийся океан обрушивает волны прямо на маленький особняк: падают стены – и вода уносит за собой в пучину мебель, предметы домашнего обихода и прочую мелочь. И словно, на опустевшем уже берегу, появляется хозяин дома, которого больше нет, и спокойно произносит:

- Я не умер. Такие люди – бессмертны. Мы можем появиться, потом исчезнуть, потом – снова появиться. Но мы – не умираем. Не можем умереть...

Я встрепенулся и пришёл в себя: свет по-прежнему горел в комнате; хозяин читал, отчётливо произнося слова и интонируя мысли, которые, по его мнению, могли меня заинтересовать; ветер за окном свистел уже не так жестоко. Я припомнил всё случившееся за сегодняшнюю ночь, улыбнулся – и стал слушать дальше...

Чтение продолжалось около двух с половиной часов; шторы на окнах понемногу заалели, когда хозяин дома дочитал последнюю страницу и положил её на стол.

- Ну, и что вы можете сказать об услышанном? – обратился он ко мне. – Ваше мнение особенно ценно, потому что вы – мой первый слушатель да ещё знаток Лавкрафта впридачу...

Я сцепил кисти рук на животе:

- Замечательно, мистер... Говард, - на секунду мой голос осёкся, я чуть было не назвал хозяина дома знаменитой фамилией. – Вот если напечатать бы это для более широкой публики...

Мой собеседник опять улыбнулся своей чарующей улыбкой:

- Напечатать? Теперь? И, конечно же, под фамилией «Лавкрафт»?! Нет, молодой человек, это превесело! Неужели кто-нибудь этому поверит? Ведь даже ни в одном из своих писем писатель не

упоминает о том, что начал работу над произведениями с такими названиями или закончил их.

- Но ведь стиль...

- Да, стиль, конечно, за десятилетия не очень изменился – всё те же точки и запятые, что и раньше, - хозяин, поднявшись, взял со стола чернильную авторучку, и присев к столу, стал что-то писать на последней, чистой странице одного из произведений. – Мне они не нужны – ведь я их уже написал, а вам, может статься, они когда-нибудь понадобятся... например, в виде памяти о нашем знакомстве.

Он закончил писать и пододвинул лист ко мне. Моё сердце забилось сильнее.

- На добрую и вечную память. Моему другу – в час, когда мы расстаёмся. Искренне ваш, Г. Ф. Лавкрафт, - прочитал я вслух.

Дыхание моё прервалось; на лбу (это было весьма ощутимо) выступили капельки пота.

- Да, на добрую и вечную память, - повторил хозяин дома, чиркнув спичкой о коробку.

Секундой спустя по комнате снова плавали успокаивающие клубы табачного дыма.

- Но, чёрт возьми! – воскликнул я. – Ведь мне никто не поверит!

- А-а, вас уже успела прельстить резвая мысль поделиться подробностями сегодняшней ночи со своими знакомыми? Конечно, в ответ на ваши рассказы о личной встрече с писателем после «смерти» друзья посоветуют вам поменьше читать Лавкрафта, - улыбаясь произнёс мой собеседник, попыхивая трубочкой. – Но если вы всё-таки хотите опубликовать мои работы – то что вам мешает сделать это под своим именем? Я, во всяком случае, даю вам на это со своей стороны полное и неоспоримое право.

Внезапно я припомнил своё забытие во время чтения. Что могло значить это видение или сон? Передо мной снова предстала картина рухнувшего под напором воды особняка – и я сказал об этом своему собеседнику.

Он заинтересовался:

- Говорите, дом смыло океаном?.. Только фундамент остался?..

Ничего страшного, молодой человек – вы наблюдали прошлое... Это мне никак не грозит – ведь я снова исчезну в Царстве Ктулху, который пока не пробудился; и кто знает, когда я появлюсь на земле в следующий раз...

Стук в дверь прервал его речь и в комнату вошла женщина:

- Говард, ты опять не спал всю ночь! Доброе утро, молодой человек... Ну, разве так можно?

- Доброе утро, уважаемая миссис Грин... или Лавкрафт? – слова эти выскочили из меня неожиданно, произвольно, но так естественно, как если бы «доброе утро» предназначалось моей матери. Вошедшая любопытно посмотрела на меня, переводя вопросительный взгляд на мужа.

Мистер Говард лишь успокаивающе положил руку ей на плечо:

- Молодому человеку всё известно, Соня. Видишь, как оказывается, мои произведения ещё пользуются спросом у людей конца XX столетия!

Женщина улыбнулась и грациозно провела рукой по волосам:

- Солнце уже поднялось и я хотела пригласить вас к завтраку. Поэтому милости прошу – извольте оба спуститься вниз.

Она сделала несколько шагов к двери; затем, остановившись, ещё раз с улыбкой осмотрела нас – и тихо удалилась.

Мистер Говард улыбнулся ей вслед и сказал:

- Соня – замечательная женщина и жена, но всё-таки она решила оставить свою фамилию.

- Но ваша, мистер... Мне казалось, что ничего не может быть лучше «Силы Любви»!*! Я, признаться, сперва даже не мог предположить, как с такой фамилией можно писать «чёрную мистику», но теперь вижу, что в самый раз! Только Мастеру Любви дано быть классиком своего жанра! – выпалил я на едином дыхании. Хозяин дома собрал листы рукописей по-порядку и подал мне:

- Надеюсь, вы сохраните их, мой друг?

- С этой минуты у меня нет ничего дороже! – воскликнул я, складывая листы вдвое и пряча за пазуху. – Завтра же эти произведения станут известны моим друзьям!

- Тогда можете подготовиться к тому, что они посчитают вас, по меньшей мере, фантазёром, - мистер Говард одёрнул на себе халат

и поправил пояс. – Что ж, тогда, как сказала Соня, прошу вас спуститься вниз!

Завтрак прошёл превосходно; мы втроем сидели возле камина и разговаривали. Я поинтересовался, почему же мой гостеприимный хозяин «добровольно ушёл из жизни»? почему он сделал это в тот момент, когда его популярность начала стремительно подниматься вверх? Он немедленно вскинул на меня свои умные, пронизательные глаза:

- Одиночество, молодой человек! Мне его просто не хватало: вот и все истинные причины удаления из общества мне подобных.

- Но ведь Лавкрафт был и так слишком одинок – он никогда никого не принимал; никто и никогда не видел его на улицах; говорят даже, что он даже заколотил досками окна в собственном доме, чтобы не общаться с солнцем! Неужели и этого было мало? – не удержался я.

- Наверное, мало, - хозяин особняка переглянулся с женой. – А что касается славы, поклонников – да будет вам известно, молодой человек, что слава способна развратить какой угодно талант, если человек ей поддастся. Ну, скажите мне: разве можно что-либо сотворить стоящего, купаясь при этом в лучах славы и поклонения? Нет, творение лишь тогда будет прекрасным, если его создатель обособится, исчезнет из мира людей, скроется где-нибудь в горах, непроходимых лесах или труднодоступных пещерах. Что случилось бы, например, с Бахом, начни он творить свою музыку в пьяном кабаке, под крики и ругань завсегдатаев? Или с Ницше, развивай он свою философию в вагнеровском театре? Имели бы мы, люди, в таком случае замечательного композитора и замечательного мыслителя? Нет, нет и ещё раз нет! Среди людей творить невозможно – среди них возможно лишь существовать.

- Но ведь вы продолжаете писать?

- Конечно! Время от времени я появляюсь на земле, приплывая из океана вместе с Соней...

- ...как семейство Маршей к рифу Дьявола, - не удержался я.

- Да, Царство Глубоководных описано мной довольно точно – обряды, дворцы, сады и тому подобное.

- Ужасно напоминает язычество, даже демонические культы.

- Естественно! – согласился хозяин. – Там нет места христианскому Богу и святым. Они предлагают отнюдь не то, что может удовлетворить человека после смерти.

Соня разливала кофе в чашечки, слушая наш разговор. Шторы на окнах были подняты; ранний свет заливал комнату. Буря совершенно улеглась; невозможно было даже поверить в то, как ужасно она свирепствовала ночью. Я надел свой пиджак, переложив рукописи в один из боковых карманов; одежда была ещё тёплой от близкого соседства с камином и мне было несколько жарко в хорошо натопленном помещении. Поднося маленькую фарфоровую чашечку к губам, я осторожно глотал горячий кофе, а хозяин дома, сидя в кресле, по-стариковски обхватив руками колени, рассказывал мне о своей переписке со знакомыми.

У меня постепенно улетучивались все подозрения по поводу розыгрыша и недоверие к речам гостеприимного худого мужчины. Конечно, трезвый рассудок продолжал вопить мне на ухо: «Этого не может быть!», но можем ли мы, имеем ли мы право всегда руководствоваться подобной вещью как рассудок? В моём ночном и утреннем происшествии не было ничего обычного – наоборот: всё было из ряда вон выходящим. Мог ли я объяснить это разумно? Нет, никогда. Вернее, не мог объяснить этого материалистически, но мистическое наитие вечно неуспешно в каждом человеке. Что же получается? Получается, что в данную минуту передо мною никто иной, как Лавкрафт помешивает ложечкой кофе в чашке; и именно он подарил мне три своих неизвестных никому произведения, сделав на них дарственную надпись. Если всё это не укладывается в голове, можно ли понять и поверить в это душой?

- Простите, но всё это просто невозможно! – произносятся эти слова, я сам не желал верить сказанному. – Да неужели вы – Лавкрафт? Неужели я – беседую с Лавкрафтом, да ещё и с его супругой?

- Сомневаетесь снова? – он откинулся в кресле. – Правильно. Глупо всё принимать на веру, не проанализировав информацию. Анализ – это и есть зачастую сомнение. А сомнение – вернейший метод познания. Вот и вся истина... – он на секунду умолк, но затем продолжил. – Однако, достаточно вам осмотреться – и вы увидите, что не только беседуете со мной и моей женой, но ещё и находитесь

в нашем доме – доме Лавкрафта. Это вас ни в чём не убеждает? Как не убеждает и мой подарок?

Я молча думал и не знал, что же мне делать: признавать хозяина дома великим писателем прошлого или нет? Естественно, на данный вопрос может быть только один ответ – или передо мной Лавкрафт, или нет. Рукописи, жена, внешность хозяина – это не может служить твёрдым обоснованием первого, хотя и глупо всё это относить в разряд подделок. Одно особенно смущало меня – стиль написанного. Может быть, это было единственным, что сопротивлялось тому, что люди обычно именуют «трезвым рассудком». Настолько глубоко литературный стиль скопировать невозможно. Да и зачем? И как? Ведь для этого надо и думать так же, как думал сам Лавкрафт; без знания его мышления невозможно построить ни абзаца! Для этого десятки лет нужно прожить жизнью Лавкрафта, изучить его миры. Но... для этого надо родиться гением. А гениальное мышление – не скопируешь...

Через несколько минут мы стали прощаться: я надел пальто и направился к двери.

Хозяева поднялись вслед за мною с улыбками на лицах.

- Очень приятно было поговорить с вами, молодой человек! – сказал хозяин, тоже одеваясь – он тоже хотел немного прогуляться по берегу моря, по свежему снегу. – С людьми-то, сами понимаете, мы с Соней уже много лет не общаемся, так что вы для нас этой ночью были сущим кладом.

Я поклонился его жене и в нескольких фразах поблагодарил их за оказанное гостеприимство. Женщина улыбнулась и подала мне на прощание руку. Мы с мистером Говардом спустились с крыльца и дверь за нами тут же захлопнулась.

Пальто я бросил на заднее сиденье автомобиля и стал заводить мотор. Хозяин особняка тем временем пристально глядел на океан, куда-то вдаль; глаза его светились тем светом, какой появляется в глазах человека, сильно грустящего по родному дому и смотрящему в ту сторону, где этот дом находится. Весь облик его дышал спокойствием; он стоял, заложив руки за спину, сжимая одной из них за ободок небольшую чёрную шляпу. Его созерцание безбрежных вод было прервано резко взревевшим двигателем и он обернулся в мою сторону.

- Ну, значит, пора в путь-дорогу?

- Да, - теперь мне ничуть не хотелось уезжать; о сестре я и думать забыл. Ведь я так и не узнал наверняка, кто же это – Лавкрафт или не Лавкрафт. Одно убеждение тут же сменялось другим и до прихода следующего предыдущее было твёрже камня. Хозяин коттеджа внимательно смотрел на меня.

- Что бы вы теперь не думали, мой друг, истина, как говорили древние мудрецы, всегда восторжествует. У вас ещё будет тысяча возможностей убедиться в том, что я – это я.

Мне пришлось выслушать эти слова сквозь шум работающей машины; я кивнул головой:

- Несомненно! – к чему добавил ещё несколько благодарных фраз, идущих прямо из моей души.

Хозяин дома поднял руку со шляпой и легонько покачал ею в воздухе, сказав:

- Ну, что ж – счастливого пути, молодой человек! На вашем месте я тоже, быть может, ничему не поверил. И тем не менее, остаюсь искренне вашим...

В этот момент я отпустил сцепление и выжал педаль газа – машина, слегка амортизируя по снегу, медленно выехала на дорогу и на мгновение особняк скрыл от меня фигуру мистера Говарда.

Дорога была вполне сносной, несмотря на высокий уровень снега, но моему «джипу» было всё равно. Несколько раз я оборачивался на сидении или смотрел в зеркало заднего видения: фигура хозяина особняка ещё виднелась возле самого берега – он по-прежнему стоял заложив руки за спину и смотрел вдаль. Дом до невозможного одиноко выглядел на фоне дороги, холмов, океана. Странно смотрелось человеческое жилище в такой глуши, где в радиусе многих десятков миль можно переброситься словечком лишь с шелестом волн, деревьев и каркающими воронами. Я поймал себя на мысли, что да, действительно, такой человек как Лавкрафт мог поселиться в таком уединении, вдали от людей – и здесь, в полном одиночестве, которое открывает ему врата в собственные миры, творить и потихоньку рассказывать человечеству о множестве древних, непонятных и до сих пор не раскрытых тайнах.

Дальше дорога огибала холм – и перед самым поворотом я бро-

сил беглый – прощальный, последний – взгляд на одинокое строение посреди снегов; дом значительно уменьшился в размерах, соизмеримо расстоянию, что я проделал от него; но дым из трубы продолжал штопором врезаться в небо, уже как следует залитое солнечным светом – и неземное спокойствие охватило меня: я повернул рулевое колесо – и поворот окончательно скрыл от меня навсегда отложившуюся в моей памяти картину.

Я включил радио и около тридцати миль слушал новости и позывные различных радиостанций. Милях в семи-восьми от Портленда на моём пути попала небольшая ферма, на которой я остановился, чтобы хоть немного помыть машину. Хозяин фермы – здоровенный блондин в кожаной куртке – вызвался вместе с маленьким сыном помочь мне. Покуда мы драили капот автомобиля горячей водой, я неожиданно для себя спросил своих помощников:

- Не будете ли вы так любезны сказать мне, чей это дом стоит по дороге прямо на берегу, милях в тридцати отсюда?

Хозяин фермы поднял на меня ничего не понимающие глаза:

- Милях в тридцати? Дом? Нет, ничего о таком не знаю, - и посмотрел на сына.

- Ну, как же, - не унимался я, - такой, знаете ли, заметный, двухэтажный, с двумя верандами коттедж, прямо на берегу моря – метрах в пяти от воды! Там ещё живут двое супругов...

В этот миг речь мою перебил фермерский сынишка:

- А-а-а, папа! – завопил он что было мочи. – Неужели ты не помнишь? Мистер спрашивает тебя про тот дом, который два года назад...

- Перестань орать! – рявкнул на него отец и вдруг, улыбнувшись, слегка стукнул себя ладонью по лбу. – Ах, я, разиня! Точно! Двухэтажный дом, милях в тридцати-тридцати пяти... Вспомнил! Конечно, мистер, вы наверняка что-то уже слышали об этой истории: два года назад или около того во время сильного шторма этот дом смыло в океан чуть ли не вместе с фундаментом. Правда, а я и позабыл! Там действительно жила супружеская пара, только вот не могу вам сказать их имён – они оба погибли в волнах или под обломками, так решила полиция. Теперь об этом деле ни слухом, ни духом... Как же я мог об этом забыть, вот растяпа! – и он снова виновато улыбнулся, выливая на капот «джипа» целое ведро воды.

Более сильного замешательства мне ещё не доводилось испытывать.

- Как вы сказали – дом смыло в океан, а супруги погибли?! И это на самом деле... простите, вы точно уверены в том, что это произошло пару лет назад?!

- Да чтоб меня трактор переехал! – немедленно отозвался фермер. – Неужели я могу что-нибудь перепутать? Два года, если не раньше. И тел не нашли. Полиция искала родственников, как говорят, но то ли не нашла таковых, то ли у этих несчастных их не было, не знаю. В общем, всё известно лишь океану.

Одурение и ступор всегда сваливаются на человека неожиданно – это мне известно по собственному опыту. Итак, дом был два года назад разрушен водой, а люди, жившие в нём, погибли. Но тогда, чёрт бы меня взял, где же я получил ночлег сегодняшней ночью?! Ведь не могло же мне всё присниться? И вдруг... Рукописи! Я стремительно рванул дверь салона машины и под ничего непонимающими взглядами фермера и его отпрыска вытащил пальто прямо на снег и стал судорожно шарить по его карманам... Нет, кажется, я сунул их в боковой карман пиджака... Вот они! Пачка листов лежала у меня на ладони. Та самая. С дарственной надписью. Тогда я чуть не сел на землю от замешательства вторично. Это было уже сверхъестественно для моего разума – откуда я, в таком случае, мог взять рукописи, если дом с его обитателями...

Фермер удивлённо смотрел на меня. Потом тронул меня за рукав пиджака и хмыкнул:

- Простите, мистер, с вами всё в порядке?

Я лишь тупо смотрел на него. Тогда он перевёл взгляд на испитые листы в моей руке и кашлянул:

- Понимаю, мистер, ведь погибшие были вашими родственниками? Очень жаль...

Тут дар речи снова вернулся ко мне:

- Нет, они были мне больше, чем родственники, - и, совершенно ещё не ориентируясь в ситуации, спросил. – А вам, случайно, не была известна их фамилия?

Фермер лишь покачал кучерявой головой:

- Нет, мистер. Жили они очень замкнуто. Я не то что фамилии,

даже их имён не могу вам сказать! В городе они никогда не появлялись. Но – гостеприимные, добрые. Однажды трактор у меня заглох милях в пяти от их коттеджа – так стоило мне только обратиться к ним за помощью! Это не люди, а, наверное, ангелы, спустившиеся к нам с облаков: и горячее нашлось у них, и накормили сына – помнишь, Фред? – спросил он у мальчика, который уже добрые пять минут шлифовал левую фару «джипа» мокрой тряпкой. Тот кивнул в ответ головой и, застенчиво косясь на меня, улыбнулся. – Конечно, он помнит, - продолжал добродушно фермер, подойдя к сыну и потрепав его по щеке, - неужели такое забывается?

- Да, - автоматически подтвердил я, - да, конечно.

Минутой спустя мойка автомобиля была закончена. Рукописи я снова сунул в карман пиджака и попрощался со своими помощниками. Солнце припекало всё сильнее; снег, казалось, таял прямо на глазах. Я глянул на часы – пожалуй, ещё минут тридцать – и я наверняка буду в Портленде. Двигатель заурчал и моя машина плавно выбралась на дорогу.

Внезапно некая мысль сверкнула в моём мозгу ярче молнии – да ведь этого не может быть! Конечно, теперь я приеду к Лили далеко не первым, но что мне теперь до этого? Первым я смогу появиться у неё и в следующий раз. Я никак не мог поверить словам фермера, что особняка, который я покинул меньше двух часов назад, не существовало уже более двух лет! Мои размышления по этому поводу не были долгими: я развернул машину – и стрелой, как только мне позволяла скорость и дорога, понёсся к маленькому коттеджу на берегу океана.

Верстовые столбы и деревья мелькали перед глазами; Солнце слепило их, но я не сдавался – налегая на рулевое колесо, я крутил его не хуже профессионального гонщика. Не могу сказать, какие чувства владели мною в тот миг, – сомнения ли или неотвратимости, – но машина летела не медленнее, чем в голове моей одной мысли сменялись другими...

А вот и последний, тот самый поворот; сразу за ним мне должен открыться вид на маленький особняк. Стуча от нетерпения кулаком по рулевому колесу, я пролетел ещё несколько сотен метров – и от удивления даже остановил автомобиль: прекрасная панорама океана, береговой полосы и холмов расстилалась перед моими глазами,

но какие-либо признаки особняка отсутствовали. Голова моя снова пошла кругом, появились даже признаки тошноты. Домика на берегу нигде не было видно.

Сколько я не пялил глаз на чудесную лагуну, лучше не стало: особняк исчез и это было очевидно. Я снова завёл мотор и медленно тронулся вдоль берега, высматривая знакомые места, где он мог ранее находиться... Теперь я уже не верил ничему или верил всему. Чем же был я занят? Поисками коттеджа, который был моим ночлегом и который я совсем недавно покинул?

И вот, наконец, я разглядел более-менее ровное место на побережье; исчезнувший дом мог стоять только здесь. Я вышел из машины, заглушив двигатель, и осмотрелся по сторонам: да, это было то самое место. Да, именно здесь – я запомнил это – дорога более всего петляла по самому берегу; именно эти две сосны возвышались на холме, словно указатель; именно здесь, отсюда, виднелась далёкая каменная гряда... Всё было на месте. Не хватало только особняка.

Я в оцепенении смотрел на то место, где несколько часов назад простился с супружеской парой. Впрочем, на этот раз оцепенение длилось не очень долго: мой глаз разглядел, что местами снег лежит как-то неестественно, словно что-то скрывая, пряча под своей толщей. Оставив машину прямо на дороге, я рванулся вперёд прямо по сугробам, не накинув на плечи даже пальто.

По всей линии берега снег лежал довольно ровно, но здесь он выделял собою какое-то подобие неправильного квадрата. Я стал копать снег прямо руками – и точно: через несколько секунд больно ударился пальцами о камень. Это были остатки некогда крепкого фундамента; поработав ещё немного, моим глазам открылось несколько балок и перекрытий потолка, чудом не унесённых в океан во время шторма. И я словно взбесился: разбрасывал руками снег направо и налево; тяжело дыша поднимал осколки стёкол и крупные деревянные остатки панелей и перегородок. Руки мои были изранены о камни и совсем замёрзли; ноги промокли и тоже начинали леденеть. А сверху голову мою палило равнодушное солнце.

Я сильно устал и сел прямо на холодный камень отдышаться; отдышаться не столько потому, что усталость моя была физической, нет – потому, что умственно я измучился в тысячу раз больше.

Нелепые вопросы, нелепые догадки так и вертелись в моей голове. Как же это могло произойти? Я столько пережил за эту ночь – и вот, оказывается... Не могло же мне всё это присниться?.. Присниться? Я припомнил свой сон: буря сносит дом, но из глубин океана ко мне является его хозяин – Говард Филлипс Лавкрафт... И он сказал мне, что я видел прошлое. Я обхватил голову руками: что бы это могло значить? Может, он вторично, таким образом, инсценировал собственную смерть, чтобы удалиться к Глубоководным, а потом, спустя много лет, ничуть не изменившимся и не постаревшим, вернуться на землю? Во всяком случае, теперь мне вполне ясно, почему могла писателя не найдена и почему она никогда не будет найдена – её попросту нет, никогда не было и она никогда не будет существовать... Может, такое разрешение загадки и правильно, а может и нет. Но каким образом я провёл ночь в беседе с великим писателем – это поистине было выше моего разума и понимания. Что ж, ещё хорошо, что мой сон – или, вернее, видение – до какой-то степени способно многое объяснить...

Я – печально, но с сознанием огромной радости – смотрел на обломки: когда-нибудь он снова вернётся! Вернётся в наш мир и опять станет жить в каком-нибудь отдалённом от человеческих жилищ месте со своей женой Соней Грин и маленьким пушистым котёнком. Я вспомнил, что в творениях Лавкрафта кошки – воплощённые демоны; кем же тогда являлся этот греющийся у камина зверёк? Не был ли он представителем иного мира, где всё далеко не так, как у нас, людей?

Я неотрывно смотрел на остатки балок и фундамента, бессмысленно перебрасывая снежный комок из руки в руку; снег потихоньку таял и вода тоненькими струйками попадала мне за рукава рубашки, но я этого почти не ощущал. Недаром у хозяина дома был такой страждущий взгляд на океан, который я поймал случайно, заводя автомобиль перед отъездом. Он сказал мне на прощание: «Искренне ваш...» Да, мой на веки веков! Неужели после всего случившегося со мной я ещё мог не верить – я понял глубину миров и измерений гения; сегодняшнюю ночь я провёл – благодаря случайным обстоятельствам – только лишь в одной из прихожих его мира – мира вечно необъяснимых и загадочных сюжетов. «Искренне ваш...»

Нет, решительно невозможно было объяснить случившегося со

мною *sub specie materialis**! Но сознание того, с кем я провёл ночью несколько часов беседы...

Моё внимание было привлечено длинным гудком автомобиля. Я посмотрел на дорогу – возле моей машины стоял здоровенный «Мэк»; шофёр грузовика – лысый мужчина в кепке, одетый в потёртый плащ – или, скорее, длинное пальто – уже приближался ко мне стремительным шагом.

- Терпите бедствие? – осведомился он, подойдя ко мне вплотную.

Я не ответил, продолжая смотреть себе под ноги. Мужчина слегка нахмурился:

- У вас какие-нибудь неполадки с машиной? Могу взять на буксир до Портленда. Возьму недорого – двадцати пяти долларов за это будет в самый раз... Столкнемся?

Тут я впервые посмотрел ему в глаза и ответил:

- Нет.

Он, казалось, ничуть не обиделся:

- Что ж, нет – так нет; хозяин, как говорится, барин. Ну и сидите тут, пока кто-нибудь не согласится дотачить ваш автомобиль до ремонтной станции за меньшую цену! А у меня дела! – и, сделав ручкой, он с ухмылкой побежал назад к своему грузовику. Мотор громко заревел – и через несколько минут «Мэк» скрылся за поворотом дороги.

Мысли мои снова вернулись к недавнему происшествию. Я закрыл глаза: вот он – кабинет Лавкрафта! – мы сидим друг напротив друга; писатель что-то говорит, а я, глупец, не верю ни единому его слову... «Истина, как говорили древние мудрецы, всегда восторжествует», - пришли мне на память слова. И она восторжествовала. Радуюсь этому более, чем кому бы то ни было, я добрался до автомобиля и уже на медленной скорости потащился в Портленд...

Спустя несколько месяцев я смог ещё более углубить и рассмотреть моё происшествие в ту памятную зимнюю ночь, когда я ехал поздравлять Лили. Мне довелось много говорить со знатоками и исследователями творчества Лавкрафта; я увидел множество копий его писем друзьям, в которых он, незадолго до своей «смерти» в 1937 году пишет, что собирается «уйти ещё дальше от людей; настолько далеко, где возможно достижение вечности». Я подумал, что

именно эта фраза или какая-нибудь ей подобная породили версию о самоубийстве писателя; но что теперь значит эта версия для меня – человека, который лично общался с автором этих строк, который достиг Вечности во всех её смыслах – и в сердцах людей, и – если это правильно будет звучать – в прямом понимании этих слов.

Мне даже удалось найти нескольких людей, отцы или матери которых переписывались с Лавкрафтом лично, однако, поискам моим это никак не помогло – писатель использовал, как и в предыдущих случаях, пишущую машинку. Я уже совсем было отчаялся познакомиться с его почерком, когда случайно наткнулся в Национальном музее на несколько его писем от руки. Я помню этот день как сейчас – схватив один из листов его «Таинственной метки» я бегом побежал в музей, где на одной из прочно застеклённых витрин были выставлены на всеобщее обозрение несколько страниц из писем писателя по случаю столетия его рождения. Протолкавшись сквозь немалую толпу любопытствующих, я подобрался к стеклянному шкафу – несколько пожелтевших листов, исписанных мелким, угловатым почерком, лежали на самом виду. Я сунул руку в карман и извлёк свой. Сомнений во мне больше не осталось: на тех листах, что пожелтевшие от времени лежали передо мной под стеклом, и тем листом, что я держал дрожащей рукой перед глазами, почерк был идентичен. Несомненно, на всех листах пробовала себя одна и та же рука.

Я в растерянности стоял посреди зала – тысячи самых смелых желаний рвались из моего сердца. Мне хотелось крикнуть, что вот они – три последних, никому не известных произведения Лавкрафта, гениального писателя и визионера, чей день рождения отмечали сегодня тысячи и тысячи поклонников его таланта. Я едва удерживался от того, чтобы не поведать всему миру о своей беседе с писателем, о его теперешнем местопребывании, но здравый смысл одержал верх. Как бы отреагировали люди на то, что я хотел им сообщить? Без сомнения, мистер Лавкрафт был прав даже после «смерти».

Никто, даже мои самые лучшие друзья, ничего не знают о той ночи, которую я провёл в доме на берегу Атлантического океана; точно так же никому ничего не известно о трёх последних произведениях писателя: я никому об этом не обмолвился и не показывал рукописей. Может, я никогда и не скажу об этом ни слова. Мне ос-

таётся лишь довольствоваться сознанием того, что во всём мире лишь мне одному известна некая запредельная тайна – тайна Говарда Филлипса Лавкрафта...

Мне остаётся снова и снова погружаться в книги писателя, где события и действия разворачиваются словно наяву; подолгу после этого я пребываю в каком-то непонятном и приподнятом состоянии. Да, он пишет не сентиментальные романчики – он поистине выводит картину чёрную, ужасную, могильным холодом пробирающую до костей, но – реальную. В этом-то и заключается его «Сила Любви». Большой мизантроп, крайний нелюбитель человеческого общества, патологическая личность, вечно стремящаяся к вечному одиночеству – и всё же он любит и жалеет человека, стремится помочь ему путём предостережения и раскрытия древних и ужасных секретов Зла земли, воды и далёкого космоса.

Я совершенно не знаю, что мне делать с его произведениями – опубликовать или же сохранить в тайне от других людей? Так и не могу прийти к выводу, как мне с ними поступить. Не могу же я доказывать, что они принадлежат перу Лавкрафта, причём написаны после 1937 года! Остаётся одно: опубликовать их разве что под чужим именем. Я никогда, несмотря на разрешение писателя, не смогу дать произведениям своё имя – зачем? Разве настоящий знаток не узнает его неповторимого стиля даже спустя много-много лет? Или пусть какой-нибудь новеллист опубликует их под своим именем – какая разница? Главное, чтобы они дошли до людей – нашли себе читателя, всколыхнули умы. Ведь таково и есть последнее желание Лавкрафта – рассказать и предупредить. И какое дело до того, под чьей фамилией это будет сделано?

Я чувствую, что опубликовать их мне придётся так или иначе. Вот возьму – да всуну их в какой-нибудь сборник мистической литературы одного или нескольких авторов; пусть считается, что они принадлежат перу любого из них. И лишь один человек на всём белом свете будет знать, кто же их настоящий автор – я, один лишь я... А пока что, каждую ночь, прежде чем отойти ко сну, я вспоминаю маленький уютный дом, где я провёл столь незабываемые несколько часов до рассвета. Я вспоминаю мягкие руки Сони Грин, потрескивание пламени в жерле камина, ленивого пушистого котёнка... Вспоминаю уверенный и спокойный взгляд писателя, который бла-

годаря своему гению и духовности сумел победить великого врага рода человеческого – смерть. И я считаю, что над нею восторжествовал не только он один – в числе её победителей также много других гениальных писателей, мыслителей, поэтов, художников, скульпторов, композиторов, актёров. В своём бессмертии они становятся ещё более величественными, слава их переходит от века к веку – а они время от времени навещают землю. Никто не может спорить со мной, пытаюсь убедить, что так не происходит.

Очень часто, когда я нахожусь в комнате один, то достаю из шкафа тщательно хранимые рукописи и начинаю внимательно рассматривать их. Читать мне практически незачем – за несколько лет я выучил их почти наизусть; всё своё последнее время я только ими и занимался.

Мне вполне достаточно созерцать их в тишине дома, чтобы вызвать из памяти на свет Божий все воспоминания, все тайны, пережитые мною в кабинете особняка, самым таинственным образом исчезнувшего со своего места на берегу океана. А когда мне становится совсем невмоготу, то я отправляюсь в автомобиле в недельное путешествие к месту его остатков. Сейчас лето, и я могу гулять по атлантическому побережью вдоволь – от зари до зари. Здесь, в полном одиночестве, мне ничто не мешает собраться с мыслями, когда я оглядываю остатки фундамента; я могу сесть на одну из сломанных балок или потолочное перекрытие, лежащее на песке. Волны океана тихо нашёптывают мне о чём-то, когда я предаюсь воспоминаниям.

И вот, однажды (а этой маленькой историей я и хотел бы закончить своё повествование) я, сидя на песке, заметил посреди мусора, щепок и битого стекла, которого повсюду было полным-полно, торчащий из песка у самого фундамента какой-то предмет.

Я протянул руку – и уже спустя секунду держал трубку писателя, ту самую, что он курил (восточную, с длинным мундштуком), ходя туда-сюда по своему кабинету на втором этаже. Хотя то, что я держал теперь в руке, никак нельзя было назвать трубкой: чубук её был сломан, остался только сам длинный мундштук из какого-то тяжёлого, коричневого дерева. Я долго и бережно рассматривал эту вещь, которая словно была подброшена мне океаном впридачу к памятным рукописям, остававшимся у меня до сих пор единственной

памятью о встрече с мистером Лавкрафтом. Я осторожно вычистил из трубки песок и бережно положил её в нагрудный карман; а когда вернулся домой – в мраморную шкатулку, что стоит на моём рабочем столе.

Оказалось (в первые разы я этого вовсе не заметил), что трубка писателя была сплошь и рядом испещрена изображениями различных змей, чудовищ и химер. Это была очень тонкая и сложная работа; было видно, что мастер вложил очень много труда и времени в её изготовление. Изображения так переплетались между собой, что сперва не было никакой возможности что-либо заметить и тем более внимательно рассмотреть, но вооружившись хорошим увеличительным стеклом и знанием творчества писателя здесь можно было много чего обнаружить.

Не было ли это неким подобием иероглифической записи всех его новелл, повестей и романов? Не знаю и не узнаю никогда. Но на мундштуке были запечатлены человеческие фигурки; образы странных инопланетных пришельцев, которые прибыли сюда сквозь время и пространство, чтобы поработить цивилизацию Первых или полностью её уничтожить; целые битвы и схватки между Глубководными и Старожилами в глубинах Океана, куда человечеству никогда не добраться, покуда дремлет Великий Ктулху – в этих рисунках и был собран весь мир писателя, собран небольшими отрывками, но с весьма ярким указанием на целое.

Многое даже, на мой взгляд, послужило бы неплохим дополнением к рассказам Лавкрафта – иллюстрированным дополнением, сошедшим со старой, сломанной трубки. Даже при первом взгляде на неё сразу было видно, что изготовлена она далеко не в нашем столетии. Возможно, век XIII или даже раньше того. И кто может поручиться, что эту трубку, пусть набивая ее вовсе не табаком, не курил сам Абдул аль-Хазред, великий безумец, написавший «Necronomicon»? Кто бы мог поручиться за это? И с какой гарантией? Одно можно утверждать с очевидной точностью: кто бы ни был её владельцем, так или иначе это всегда был мудрый человек.

Миры Говарда Филлипса Лавкрафта неизменно являются во всём своём ужасном многообразии глазам человека, знакомого с

творчеством прекрасного новеллиста. Они вечны и незабываемы; окунувшись в них единожды никак невозможно не возжелать повторения, а некоторые люди даже после первого знакомства не могут вернуться к обманчивой реальности – те, что не ведают страха перед опасностями извне или изнутри нашей планеты. Ибо все книги Лавкрафта есть грозное напоминание – человек никогда не должен выходить в Высшие Сферы или шутить с магией; но он постоянно обязан использовать последнее в целях собственной безопасности и безопасности своих близких. Все цивилизации должны объединиться для борьбы с inferнальными мирами – это и есть Сила Любви, это одновременно и причина, и следствие.

Поскольку я столкнулся с Говардом Филлипсом Лавкрафтом несколько больше всего остального человечества, то и решил впоследствии не скрывать случившегося со мною происшествия, а наоборот: рассказать о нём по возможности полнее, не утрируя и не преувеличивая деталей. Что я и делаю перед вами в настоящую минуту. Поэтому хочу напомнить, что миры писателя – это вовсе не обыкновенный жанровый, стилистический приём – это реальность; такая же реальность, как и само вечное существование Лавкрафта. Не сумасшедший же я, чтобы утверждать противоположное.

Кстати, могу добавить, что скоро у одной из моих сестёр – Розы, живущей неподалёку от Балтимора – тоже будет день рождения. Конечно, я постараюсь приехать раньше других гостей. И кто знает – может, и в этот раз со мною случится какое-нибудь странное приключение? Может быть, мне посчастливится где-нибудь в уединённом месте встретиться с господином Эдгаром Алланом По или ещё каким-либо гениальным человеком?.. Я твёрдо верю в это; верю всей душой в возможность того, о чём только что сказал. Ведь мне известно, что великие люди никогда не умирают. Они могут скрыться от нас, удалиться в одиночество – но никогда не умирают. Не могут умереть.

Невероятные приключения семи рыцарей

*Приключение мессира Карла,
маркиза де Шарлеруа,
тридцати четырёх лет,
который направился к возлюбленной*

Этой дорогой он ехал уже не первый раз – мимо полей, лесов, по берегу глубоководной реки – и само путешествие доставляло ему несказанное удовольствие. Приходилось выезжать из своего замка с рассветом, ибо до жилища милой надо было пересечь почти всё графство; обычно он успевал приехать к ней вечером. Но в этот раз счастье скорого и доброго пути изменило ему – после полудня, когда он проезжал широкими полями и был уже на полпути к цели, налетела столь сильная буря, что рыцарю пришлось пригнуться к шее коня, чтобы его не сбросило ветром. В жизни ещё не видал он такого урагана! Беспощадный дождь – нет, ливень! – хлестал его так сильно, что он за минуту промок; а удары капель воды по его шлему отдавались в ушах молотом. Небо резко потемнело; явившийся, откуда ни возьмись, туман сгущался вокруг него с поразительной быстротой. О дальнейшем продолжении пути нечего было и думать; поэтому рыцарь стал озираться по сторонам, прикрываясь рукой от воющего ветра и ливня, в поисках хоть какого-нибудь убежища. На его счастье, неподалёку он увидел опушку леса; поэтому, хлестнув коня, тут же направил свой путь в сторону спасительных деревьев, под листвою и ветвями которых он и надеялся найти укрытие.

Потихоньку удаляясь в лес в поисках надёжного убежища от бури, рыцарь вслух сетовал на погоду и на вынужденную благодаря ей задержку в пути. Спешившись и ведя коня под уздцы среди деревьев, он понимал, что бурю придётся пережить в лесу; он

уже размышлял о необходимости соорудить шалаш из еловых веток и осматривался по сторонам в поисках подходящего материала, как вдруг увидел некое слабое мерцание среди широких древних стволов. Да, это, несомненно, было свечением костра, как рыцарь и убедился, сделав несколько шагов в его направлении. Конь почему-то беспокойно мотал головой и храпел; рыцарю пришлось снять перчатку и погладить гриву своего друга. А минутой спустя они уже подходили к поляне, в центре которой находился большой холм с растущими на его вершине вековыми елями; костёр горел в явно искусственно вырытой пещере холма. Над огнём висел большой чан, в котором что-то варилось. Стен пещеры не было видно – они тонули во тьме, которую не мог рассеять даже свет пламени костра. Рука маркиза замерла на рукояти меча.

Кому же могла служить эта пещера убежищем? Сперва ему подумалось о разбойниках – только разве станут разбойники устраивать своё логово так далеко от городов и торговых путей? Весьма сомнительно. Тогда, может статься, беглые крестьяне? Тоже маловероятно, ибо таковые всегда бегут в другие графства или в крупные города; да и не могут крестьяне долго жить в лесу... Словом, что бы ни ожидало его, маркиз, как и подобает настоящему рыцарю, всегда полагался на свой меч – и потому смело шагнул к огню, в пещеру, ловким движением выхватив оружие из ножен.

- Мир тебе, добрый рыцарь! – раздался из-за его спины нежный, мелодичный женский голос. Маркиз быстро обернулся на него – и замер от изумления.

Из мрака пещеры к огню выступила женщина; маркиз имел возможность сразу хорошенько рассмотреть её, ибо костёр оказался между ними. Красоты и стати она была неопишуемой: стройная, высокая, большегрудая; длинные рыжие волосы так и растекались золотом по её нежным плечам; лик её был настолько прекрасен, что не поддавался никакому описанию. Одежду её составляло длинное зелёное платье; на голове через лоб и поверх волос имелась тонкая лента того же цвета. Зелёные парчовые туфельки на изящных ножках дополняли собой эту картину совершенства женской красоты.

- Ничего не бойся, - также мелодично произнесла незнакомка, внимательно разглядывая рыцаря.

- Не знаю, чего может бояться мужчина с мечом в руках, - ответил маркиз; он буквально впился глазами в красавицу, на миг позабыв даже о своей суженой. Меч его скользнул обратно в ножны и рыцарь присел к очагу.

- Я станцую для тебя один старинный танец, - улыбаясь произнесла женщина, поднимая тонкие руки над головой, - меня ему научила моя мать.

- Кто же ты, о прекрасная? – неотрывно глядя на неё спросил рыцарь. – И что ты делаешь в лесу в такое время?

Но ответа ему не суждено было дожидаться, потому что красавица закружилась в танце вокруг костра; она кружилась вокруг себя всё быстрее и быстрее – когда маркиз внезапно увидел, что рыжеволосая красавица исчезла, а вместо неё кружится отвратительная седая старуха. Рыцарь не мог поверить своим глазам – он даже поднялся на ноги от удивления – и вот, танцующая старуха сбавила темп и остановилась, прокричав ему хриплым голосом:

- Я сожру тебя, рыцарь! Ты бессилен против моего колдовства! Также бессилен, как и другие, угодившие в этот самый котёл! Оглянись повнимательнее – ведь ты стоишь на костях своих предшественников!

Ведьма зашептала какие-то слова, сопровождая их непонятными движениями рук; маркиз почувствовал, что силы начали покидать его. А коварная людоедка стала приближаться к нему, протягивая свои костлявые руки к его горлу. Пересиливая внезапно навалившуюся усталость, рыцарь снова выхватил меч – и одним ударом снёс старухе голову, которая завизжала и прямо с плеч упала в бурлящий котёл. Рыцарь отскочил в сторону; тело обезглавленной ведьмы повалилось в огонь и загорелось жёлтым пламенем. Пещера наполнилась удушливым белым дымом; молнии ещё ожесточённее засверкали по небу. Маркиз не стал дожидаться развязки, выбегая вон из убежища злых сил и отвязывая коня – несмотря на бушующую непогоду ничто не заставило бы его остаться хоть на мгновение в этом ужасном месте.

Пробираясь в темноте сквозь деревья, он спешил уйти отсюда подалее; вскоре он выбрался на опушку леса и увидел знакомое поле. Тогда он лихо вскочил на коня и, пришпоривая его, понёсся во весь опор от зловещего леса. Спустя несколько часов его уже встречала ми-

лая возле ворот замка, обитатели которого были разбужены внезапным ночным появлением маркиза. Уединившись с возлюбленной в маленьком зале, он поведал ей о случившемся с ним в лесу приключении; милая успокаивала его, нежно прижимая голову дорогого ей человека к груди. Но ещё долгое время – даже в объятиях своей возлюбленной – рыцарь вспоминал ужасную пещеру в лесу; и ничто не могло изгладить следов этого кошмарного происшествия из его памяти.

*Приключения сэра Томаса,
барона Рочерстоу,
тридцати двух лет,
который возвращался из Палестины*

Выехав из деревни к полудню, барон проследовал дальше на северо-запад – таким образом он рассчитывал по возможности скорее добраться до Ла-Манша. Он устал от битв за Гроб Господень; устал от многочисленных атак и беспокойной жизни – и теперь вот уже несколько месяцев пробирался на родину по суше, верхом на лошади. Комтур ордена предлагал ему путешествовать назад водным путём, поскольку в Англию направлялись из Палестины два корабля, но барон отказался от его предложения, решив, что хоть немного посмотрит свет перед тем, как вновь ступить на берега милой его сердцу Англии.

Его лошадь скакала лёгким галопом по бескрайним французским полям, когда барону пришло в голову воспоминание о словах провожающих его хозяев гостиницы в той деревне, где он провёл сегодняшнюю ночь:

- К морю отсюда не особенно далеко, если постоянно держаться прямого пути; однако, сохрани вас Бог, сударь, сворачивать в замок слева от дороги! Говорят, что в нём поселилось ужасное привидение, убивающее всех заходящих в это место... Пусть даже ночь застанет вас в дороге – умоляем, не входите в замок!

Барон даже не заметил, как вскоре наступили сумерки; он скакал уже несколько часов без перерыва, когда, наконец, почувствовал усталость лошади и свою собственную. И тут он действительно обратил внимание на башни замка, которые возвышались над кронами небольшой дубовой рощи слева от дороги. Вспомнив совет

суеверных деревенских жителей барон только усмехнулся – ему, защитнику Гроба Господня, хорошо изведавшему на собственной шкуре многочисленные удары мечей и копий свирепых сарацинов, не подобало бояться каких-то там привидений, в каком количестве они ему не повстречались бы. И потому, смело перекрестившись, бывалый рыцарь-крестоносец преспокойно направил коня в сторону замка, возвышающиеся башни которого чётко выделялись на фоне с каждой минутой темнеющего неба.

И вправду, это место казалось очень пустынным – никто не встретил барона у ворот; они даже оказались настезь распахнутыми. Проскакав через большой двор с колодцем посередине, барон спешил около самой лестницы, ведущей на крыльцо замка. Привязав коня к перилам лестницы, рыцарь смело поднялся на крыльцо и сильно ударил в дверь кулаком в железной перчатке. Не услышав ни звука в ответ, барон решительно толкнул тяжёлую дверь и вошёл в замок без приглашения.

Повсюду на стенах горели факелы; множество свечей сияло на столах – и нигде не увидел барон ни хозяев замка, ни единого слуги. Он двинулся по коридору, попутно заглядывая во все попадающиеся ему на пути залы – ни следа человеческого присутствия! В роскошной трапезной он обнаружил хорошо убранный всевозможными яствами стол; само помещение было ярко освещено множеством факелов. На стене трапезной висел портрет человека в дорогих одеждах – он был замечательно выполнен художником в полный рост. Однако барон не стал долго задерживать своего внимания на висевшем портрете – он произнёс короткую молитву и немедленно сел за стол.

Время шло совсем незаметно, поэтому рыцарь не был очень удивлён, когда тьма за окном стала непроницаемой; ему даже показалось, будто освещение трапезной уменьшилось под воздействием наступившей снаружи ночи. И вдруг оторопевший от ужаса барон заметил, что изображённый на портрете человек шевельнулся и медленно сошёл из рамы в трапезную, замерев около противоположного конца длинного стола, за которым сидел рыцарь.

- Эй, рыцарь, посетивший мой замок! – громким голосом произнёс призрак, вытянув свою руку в сторону оторопевшего гостя. – Полагай наверняка, что твоя земная жизнь закончилась вместе с

этим ужином, которым я всегда угощаю заходящих в моё жилище путников! Ты будешь растерзан на части в этом самом зале и ничто не спасёт тебя – ни твои рыцарские подвиги, ни твои заслуги перед Богом. Прощайся же с жизнью, рыцарь! – закончив свою ужасную речь, призрак поднялся в воздух над изысканным убранством стола и двинулся прямо на барона.

Страх перед неведомым на несколько мгновений сковал волю и действия отчаянного рыцаря, но, собравшись с силами, он выскочил из-за стола, опрокинув своим движением кресло за спиной и выхватил меч. Призрак был уже совсем близко от барона, поэтому рыцарь нанёс ему два страшных боковых удара – меч со свистом прошёл сквозь тело призрака, не причинив тому ни малейшего вреда. Хохот чудовища потряс стены трапезной:

- Неужели ты настолько глуп, что полагаешь уничтожить меня земным оружием? Вот если бы ты знал что-нибудь более действенное! Ты умрёшь так же, как умирали все другие до тебя! – и призрак, отвратительно зашипев, стал поднимать руки в сторону барона.

Сообразив, что оружие не может принести ему никакой пользы, рыцарь отступил; призрак тем временем медленно плыл на него по воздуху, яростно щёлкая зубами и растопыривая пальцы. И тут барона осенила блестящая мысль – а что, если он попробует уничтожить сам портрет, который и даёт возможность призраку появляться в мире людей? Ведь если портрет является дверью из мира мёртвых в мир живых, то уничтожение такой двери не даст тому более шансов мотаться меж двумя мирами! Далее барон не раздумывал – да и времени на это у него не оставалось: взмахнув мечом перед отвратительно ухмыляющимся лицом призрака, барон обогнул стол, локтем снося с него на пол дорогие угощения. В считанные секунды он добрался до портрета и, прилично размахнувшись, нанёс страшный удар прямо по изображению. Не успев после этого даже обернуться, он услышал за спиной дикий вой привидения; глянув через плечо, рыцарь увидел корчившегося в воздухе призрака – из живота его на пол капала самая настоящая кровь. И тогда, ободрённый успехом, барон принялся крушить портрет, как только ему это позволяли силы; стоны и вопли призрака ужасным эхом носились по всему замку.

Портрет рухнул на землю, а барон продолжать рубить его в щеп-

ки, откуда от него ничего не осталось. Обернувшись опять, он увидел неподвижно висящего призрака – словно тот лежал в воздухе, – а крови под ним натекла целая лужа. Затем привидение стало растворяться в воздухе, пока совсем не исчезло; и лишь кровь на полу была свидетельством наяву случившегося приключения. Барон сунул меч в ножны и стремглав бросился прочь из замка во двор, где немедленно вскочил на коня. Несмотря на позднюю ночь, рыцарь проскакал в темноте не одну милю, с радостью осознавая, что проклятое место навсегда осталось у него за спиной.

*Приключение герра Вильгельма фон Русслера,
рыцаря Ордена меченосцев,
тридцати лет,
который вёз донесение герцогу Бретонскому
от тевтонского Магистра*

Проезжая невысокими горами, рыцарь понимал, что путешествие его скоро подойдёт к концу безо всяких происшествий, чему он несказанно радовался и благодарил Бога. Великий Магистр благословил его перед дорогой, сказав, что он не имеет права останавливаться ни по какому поводу, за исключением времени на короткий сон и подкрепление пищей – сообщение, которое орден доверил ему отвезти герцогу, необходимо было доставить в руки получателя чем быстрее, тем лучше. И нельзя было упрекнуть воина, что он не оправдал надежд Великого Магистра – смелый рыцарь не терял ни минуты драгоценного времени на пути к цели.

И вот теперь он проезжал по чудесным горам, не особенно утруждая себя любованиями пейзажем – рыцарь лишь стремился выполнить порученное ему в кратчайшие сроки, а картинами природы пообещал себе полюбоваться на обратном пути. По дороге ему попался замок, стоявший на высокой скале – его обносил крепкий каменный забор; рыцарь намеревался было проехать мимо него, когда вдруг услышал громкий женский крик:

- Остановись, о рыцарь! Не бросай меня! Спаси мою жизнь и честь!

Он схватил поводья, останавливая коня и поднимая взгляд от

дороги к замку; в одном из его окон он увидел неопишуемой красоты женщину, которая призывно махала ему рукой. Рыцарь подъехал к забору и, поравнявшись с нужным окном, громко спросил:

- Что вам угодно, о благородная дама?

Прекрасное лицо женщины было залито слезами; незнакомка ломала руки, отвечая ему с огромной печалью в голосе:

- Ах, добрый рыцарь! История моя печальна – но что можно поделать с судьбою! Мой дом находится неподалёку отсюда – его даже можно видеть из окон этого замка, – но я не могу вернуться туда: подлый человек, нарушивший обеты рыцарства, силой похитил меня из отчего дома и хочет жениться на мне вопреки Небу... Умоляю тебя именем твоей матери – помоги мне уйти отсюда, верни меня родителям!

Спешное задание весьма подгоняло рыцаря на всём его пути; но отказаться помочь даме – не будет ли это предательством по отношению к рыцарству и чести крестоносца? Поэтому он, недолго размышляя, крикнул ей в ответ:

- Скажите, прекрасная дама, в чём заключается моя помощь – и я обязуюсь помочь вам. У меня срочное донесение Бретонскому герцогу Филиппу, посему да не станем долго задерживаться на обсуждении...

- Берегитесь, благородный воин! – вдруг прервала его своим криком женщина, прикрывая лицо руками. – Этот бесчестный человек скачет прямо на вас!

Рыцарь лишь успел оглянуться и пригнуться в седле – и это произошло очень вовремя, потому что другой всадник в чёрных доспехах, выскочивший из-за горы, чуть не задел его латы остриём своего копья. Смелый тевтонец тоже выхватил своё копьё и дал лошади шпоры.

- Что ты вынюхиваешь возле моего замка? – грозно крикнул ему напавший на него рыцарь в чёрных доспехах, гарцуя на коне. – Проезжай мимо, пока все кости в твоём теле ещё находятся на своих местах!

- Дама просит отпустить её, и вы не имеете права навязывать ей свою нечестивую волю, предлагая ей столь же нечестивую руку и сердце, - смело ответил его собеседник, ища глазами подходящее место для боя на копьях.

- Ах, вот оно что! – воскликнул рыцарь в чёрных доспехах. – Тог-

да занимай место с противоположного конца дороги – и клянусь Адом: я вышибу тебя из седла!

Проскакав несколько десятков метров, тевтонский рыцарь развернул своего коня, взглянув на окно замка, откуда женщина послала ему воздушный поцелуй. Затем он опустил забрало шлема и хлопнув коня ладонью по крупу, направил его прямо на противника.

Всадники понеслись друг на друга во весь опор, сверкая на солнечном свете сталью доспехов и вооружения. Сшиблись они с такой силой, что эхо столкновения пронеслось по горам; раздался треск ломающихся копий. Никто из них не упал с лошади, продемонстрировав отличную военную подготовку; отбросив в сторону обломки копий они выхватили мечи и, прикрываясь щитами, снова ринулись друг на друга.

Противник в чёрных доспехах был явно сильнее – он как сумасшедший наносил удар за ударом, пока сражающийся с ним не потерял равновесия и не рухнул с разгорячённой лошади; впрочем, упавший герр Вильгельм тут же вскочил на ноги и занял боевую позицию с поднятым в руках мечом. Рыцарь в чёрных доспехах также соскочил со своего коня и отбросил щит в сторону:

- Прощайся с жизнью, защитник прав прекрасного пола!

Бой на мечах разгорелся с новой силой; однако, хоть рыцарь в чёрных доспехах и был сильнее, он отличался гораздо меньшей ловкостью и подвижностью. Его противник наносил ему множество лёгких и обманных ударов, часто кружа вокруг него и атакуя с разных сторон. Он выматывал силы чёрного рыцаря, отвлекая его внимание на незначительные удары по корпусу; и когда тот отклонил лёгкий обманный рубящий удар сверху, тевтонец совершил своим мечом полукруг в воздухе и нанёс противнику неожиданный колющий удар в сердце.

Чёрный рыцарь сразу обмяк – меч насквозь прошил его тело – и со стоном рухнул на землю, окрашивая её кровью. Победитель снял шлем и, бросив его на землю, утёр со лба пот долгого боя. Из окна замка слышались крики:

- Ты победил! Ты победил! Слава тебе, о рыцарь!

Он поспешил открыть ворота замка, но дверь в помещение не поддавалась его усилиям. Спустясь с крыльца он снова появился перед окном.

- Я не могу открыть двери, - честно признался он прекрасной даме.

- Да, я знаю, это невозможно, - ответила она, глядя на своего спасителя с непередаваемой нежностью. – Только он знал секрет замка этого дома...

- Но мы сможем обойтись и без дверей! – сказал рыцарь, скользя взглядом по замковой стене. – Прыгайте ко мне на руки, милая дама – и мы покинем место ваших мучений!

Женщина, вопреки его мыслям, ничуть не растерялась; он подхватил её на руки – и это было самым чудесным мгновением его жизни. Потом он аккуратно и нежно поставил её на землю. Она обняла его и наградила горячим поцелуем:

- Я приглашаю вас в свой замок, где мои родители будут бесконечно благодарны вам за моё спасение.

- О, нет! – печально ответил рыцарь, отстраняясь от прекрасной дамы. – У меня срочное дело в Бретани, а потом я должен немедленно возвращаться в Германию.

- Тогда посетите меня на обратном пути, - и она указала рукой на едва заметный в лёгкой дымке с горы замок. Она потупила свои прекрасные очи. – Мы могли бы пожениться...

- Простите за откровенность, благородная дама, - воин свистом подозвал коня и вскочил в седло, – но я – рыцарь полумонашеского ордена и поэтому, согласно обетам, не могу иметь семьи...

А ещё через мгновение – после последнего прощального поцелуя, – рыцарь снова мчался по горной дороге со срочным донесением к Бретонскому герцогу.

*Приключение дона Лопе,
графа де Крусада,
тридцати шести лет,
который странствовал по свету*

Граф был несказанно рад тому, что обнаружил недалеко от перекрёстья двух дорог эту деревню: последнюю ночь странствующему рыцарю пришлось провести под открытым небом на опушке леса; поэтому, пришпорив коня, граф мысленно возблагодарил Бога за ниспосланный ему отдых и ночлег под крышей, и поскакал к находящимся неподалёку домам.

Время было уже за полдень, но, как это ни странно, граф, проезжая узкими улочками между домов, амбаров и конюшен, совершенно не замечал вокруг никаких признаков жизни и деятельности человека – улицы были пусты; нигде не было слышно ни пения петухов, ни рёва скотины; и совсем уже казалось ненормальным, что графу на протяжении всего пути не попало на глаза ни единого человека. Двери домов были раскрыты настежь, окна местами разбиты; несколько телег были перевёрнуты вверх колёсами... Рыцарь был весьма озадачен открывшимся ему видом разрухи и запустения; и по-прежнему – ни следа живых людей! «Какое же проклятие учинено над этой деревней?» – думал рыцарь, проезжая дом за домом; в садах и огородах были плоды на деревьях и овощи на грядках – значит, люди покинули это место вовсе не от голода. Что же могло приключиться с жителями, оставившими – если они действительно ушли отсюда – эту деревню?

В центре деревни граф обнаружил большой двухэтажный дом – похоже, что здесь жили дворяне или зажиточные купцы, поэтому рыцарь спешился и, привязав коня к забору, вошёл внутрь через открытую дверь. Ни следа присутствия человека! Граф обошёл весь дом сверху донизу – никого! Поскольку он решил всё-таки заночевать здесь, то выбрал себе для ночлега светлую горницу на втором этаже – там стояла большая кровать; а по причине отсутствия владельцев дома он опять сошёл вниз, надеясь разыскать себе чего-нибудь к обеду.

В трапезной комнате он нашёл хлеб и множество других съестных запасов; вспомнил он также и об овощах во дворе. И пока он так стоял, размышляя, с чего бы начать приготовление к обеду, его конь неожиданно заржал и стал бить копытами землю. Граф немедленно отправился посмотреть на причину, вызвавшую столь странное поведение его четвероногого друга; и как только он появился в дверях дома, как замер от страха и полного непонимания происходящего.

Его конь ржал и скакал возле забора как взбесившийся; спустя мгновение он перегрыз узду и бросился прочь по улице. Рыцарь был не в силах объяснить себе такое поведение коня, однако его уши немедленно уловили звуки тяжёлой поступи и не менее тяжёлого дыхания, которые неизбежно приближались к нему. Однако граф мог присягнуть, что ни единого существа на улице не было! И тем

не менее, звуки шагов и дыхания становились ближе и отчётливее, как будто кто-то незримый двигался прямо на графа.

Он выхватил меч и вбежал назад в дом, совершенно не представляя себе, с каким чудовищем судьба решила столкнуть его в этой деревне; тяжёлые шаги тем временем послышались уже на крыльце, а звуки дыхания – прерывистого, но глубокого – стали напоминать рыцарю приглушённый зловещий хохот.

Кто-то незримый и огромный – о последнем можно было судить по тяжести шагов – неизбежно надвигался на графа: вот кресло, стоявшее недалеко от входа, было отброшено в сторону и упало вверх ножками; подсвечник со стола был сметён словно ветром и ударился в стену ниже окна, покотившись по полу; сам стол секундой спустя был безжалостно опрокинут. Граф пробежал ещё две смежные комнаты и, осмотревшись в поисках спасения, мечом разбил окно – он едва успел протиснуться в него и выскочить на улицу, когда шаги невидимого монстра послышались на пороге комнаты.

Граф отбежал на некоторое расстояние от окна, ожидая, что же будет дальше; он оказался между стеной дома и старым амбаром – под окном, из которого он только что выбрался, располагалась небольшая цветочная клумба. Остатки окна разлетелись вдребезги вместе с рамой, и невидимое тело с урчанием стало протискиваться сквозь дыру. А через секунду граф увидел на земле клумбы след – такого ему ещё никогда не доводилось видеть! – преогромный отпечаток трёхпалой ноги, словно птичий, с сильно заточенными длинными когтями. Незримое чудовище глухо зарычало и снова двинулось на рыцаря.

Граф отступил в амбар – необходимо было искать новые пути к спасению. Он осмотрелся – повсюду были мешки с зерном, мукой, сушёными яблоками и овощами... Одноэтажное строение не могло быть ему убежищем. Вдруг графа осенила идея – он сунул меч в ножны и схватил в руки небольшой мешок с мукой: ему пришло в голову, что для начала этому чудовищу не помешает хоть немного стать видимым. С мешком в руках граф замер, спрятавшись за дверь; и как только, согласно его расчёту, чудовище находилось совсем рядом с входом в амбар, граф сильно размахнулся обеими руками и, высыпав из мешка на предполагаемое местонахождение его не-

видимого преследователя муку, снова выскочил из амбара на улицу, выхватив засверкавший на солнце меч.

Несмотря на всю храбрость, рыцарь едва смог устоять на ногах перед теми очертаниями, какие придала мучная пыль незримому доселе монстру – это был зверь вдвое выше человеческого роста, на двух лапах, с четырьмя руками и козлиной головой; всё его тело покрывала шкура дикого животного. Чудовище издало ужасающий рык, замахиваясь двумя правыми лапами на графа. Рыцарь едва успел пригнуться, как они со свистом пронеслись над его головой, чуть не сорвав с неё шлем. Но не растерявшийся рыцарь, громко призвав на помощь Деву Марию, нанёс рубящий удар мечом, пока неповоротливое страшилище было обращено к нему спиной. Обе правые лапы монстра отлетели в сторону, разбрызгивая кровь; вопль чудища потряс всю деревню. Но граф не давал противнику опомниться: он с силой полоснул мечом по ногам закачавшегося монстра, отчего тот снова завопил ужасным голосом – и рухнул на землю.

Рыцарь быстро обежал вокруг ревущего зверя и, оказавшись возле его головы, отсек её одним точным ударом. Рёв сразу же прекратился – ужасное адское создание было мертво. Граф ещё раз взглянул на этот кошмар, валявшийся в луже собственной крови, и поблагодарил свою небесную покровительницу, даровавшую ему победу над чудовищем. После этого он несколько раз свистнул, призывая своего убежавшего коня; испуганное животное прискакало на его зов, но не осмелилось подойти к нему, покуда он стоял рядом с ужасной кучей останков убитого зверя. Граф, подойдя к коню, успокоительно похлопал его по шее; животное всё ещё слегка дрожало. Тогда граф взял его за остаток порванной уздечки – и дальше пошёл с ним рядом, зная, что неведомое проклятие снято с деревни раз и навсегда.

*Приключение синьора Антонио делла Къезы,
побочного сына герцога Неаполитанского,
тридцати одного года,
который ехал в гости к герцогу Беррийскому*

Он ехал уже целый день, время от времени останавливаясь на отдых; и потому был весьма благодарен судьбе, когда вечером

наткнулся на старое кладбище, увидев в глубине его небольшую и, по-видимому, заброшенную церковь. Солнце уже закатывалось над вершинами деревьев, поэтому он ещё раз поблагодарил судьбу за то, что ему не придётся ночевать под открытым небом; а расположиться на ночь в разрушенной церкви – что же может быть лучше для истинного христианина? Недолго думая, он направил своего коня медленным шагом среди могил, спеша поскорее оказаться внутри старой церквушки с открытыми дверями.

Рыцарю показалось очень странным, что все надгробия, которые попадались ему на пути, имели глубокую трещину посередине; как объяснить такое странное обстоятельство, рыцарь не знал и даже не мог хоть что-нибудь предположить. Наконец он спешился у входа в церковь, пустив коня пастись на лесной поляне за зданием и, оглядываясь по сторонам, вошёл в святилище.

Особенных следов разрушения в церкви не имелось – всё было на своих местах: алтарь, иконы, лампы, и лишь огромное количество пыли покрывало собой любую вещь в помещении. На алтаре, между двумя подсвечниками в которых ещё сохранились огарки двух толстых свечей, лежала книга; рыцарь сдул с неё пыль и раскрыл на первой странице.

Книга оказалась совершенно чистой – лишь около десятка первых листов были испрещены неизвестным каллиграфом. Они повествовали о давно лежащем над кладбищем проклятии, которое в книге именовалось «неспокойным»; рыцарь также узнал из прочитанного, что мертвецы поднимаются из могил в двенадцать ночи и возвращаются обратно в четыре утра – именно поэтому надгробие каждой из могил расколото посередине. Положить конец потустороннему бесчинству может заклинание, которое было дано на последних девяти листах книги. В случае снятия проклятия трещины на надгробиях должны были исчезнуть.

Рыцарь немедленно решил остаться и снять проклятие с кладбища, давая тем самым настоящий вечный покой бедным душам, ибо данный обет рыцарства вменял ему в обязанность такие приключения. Он проводил глазами скрывшееся за кронами деревьев Солнце и стал зажигать свечи в церкви, где только смог их обнаружить.

На его счастье, ночь сегодня была очень лунной – рыцарю от-

лично было видно всё пространство кладбища из открытых церковных дверей. Воин не мог точно судить о времени, когда до его ушей донёлся скрежет камня о камень; он мгновенно выхватил меч и занял боевую позицию возле дверей здания.

Мгновение спустя синьор Антонио с ужасом наблюдал, как старинные каменные крышки саркофагов и надгробий разваливаются надвое, являя его удивлённым глазам выползающих из-под земли обитателей Царства Мёртвых. Их страшные, полуразложившиеся тела, медленно ковыляя и вздрагивая при каждом движении, устремились прямо на него; около тридцати представителей давно отживших поколений устремились на смелого рыцаря, замершего с мечом в руках у входа в церковь.

Ему не осталось времени на размышления – мертвецы медленно окружали его с трёх сторон; тогда он, призвав на помощь Имя Господне, бросился на ближайших врагов с поднятым мечом. Ужасные рожи с вытекшими глазами и облепленные могильными червями с воем крошились под его яростными ударами; рыцарь кидался в разные стороны, уничтожая приближавшихся к нему врагов – он рубил их поперечными ударами; рубящими сносил им головы – кости и гнилое мясо так и сыпались по сторонам. Наконец эта страшная и отвратительная битва была закончена и воин спешно вернулся в церковь; схватив в руки книгу, он стал вслух читать заклинание, чуть не глотая при этом слова. Он успел прочитать лишь три листа, когда неожиданно глянул через открытые двери церкви – и волосы на его голове снова зашевелились от ужаса: разрубленные части мертвецов стали сползаться и срастаться при ярком свете луны; через мгновение весь легион мёртвых сызнава пошёл на него в атаку. Рыцарю пришлось бросить чтение и вновь взяться за меч; выбежав во двор перед кладбищем, он во второй раз вступил в неравную схватку с восставшими с того света.

Через четверть часа с ними опять было покончено; воин, утирая пот со лба, вернулся к чтению книги. В этот раз он чуть не поплатился жизнью, не заметь он вовремя трёх тварей, обошедших его со спины – и только стремительная подвижность спасла его от неповоротливых адских созданий...

Читая вслух шестой лист книги, рыцарь вновь был потревожен звуками с кладбища – останки зловещих мертвецов опять пришли в движение; их, казалось, бессмертная и непобедимая армия спокойно стояла в свете Луны, готовясь к очередному нападению на рыцаря. Закрыв книгу и прервав заклинание, он снова выхватил меч, ввязавшись в схватку с потусторонними существами, кроша их направо и налево; он изнемогал от усталости, но у него был лишь единственный выбор – или сражаться, или умереть.

Наконец, легион неоднократно умерших, но бессмертных, был разнесён в пух и прах, подобно первому и второму разу; рыцарь вернулся в церковь, смахивая с доспехов куски гнили и костей – и вновь взялся за книгу. И счастье! – ему удалось на сей раз дочитать заклинание до конца; он прождал после этого около часа с мечом наготове, стоя перед входом в церковь – никакого движения на кладбище больше не было слышно. А через некоторое время появились первые лучи восходящего солнца – заклятие было снято. В этом рыцарь убедился, осмотрев несколько надгробий – каменные плиты были целыми, без единой трещины. Следы ночной битвы также полностью исчезли с лица земли. Рыцарь возвратился в церковь и помолился Богу, коленопреклонённо замерев перед иконами – и лишь после этого, устроившись в углу за алтарём, поручил всем святым хранить его сон после такого опасного приключения.

*Приключение дворянина Алексея Земского,
дружинника Московского князя,
тридцати пяти лет,
который ехал с предложением последнего
к Германскому императору*

За всё путешествие этот случай был для воина, пожалуй, самым неприятным – это надо же, отбиться ночью от друзей, посреди дремучего немецкого леса! Он, казалось, отстал совсем немного – и вот, пожалуйста! – остался в лесу совершенно один. Быстро ехать он не мог – темнота была кромешной, – но тем не менее надеялся вскоре настичь свиту посла Московского князя и вновь присоединиться к

ней. Если сегодняшней ночью не светила бы полная Луна, то воин неминуемо потерял бы дорогу посреди незнакомого леса; однако, благодаря ночному светилу, он мог время от времени видеть на тропе следы подкованных на русский манер лошадей и сломанные ветки кустов, отмечавшие недавний путь свиты московского посла.

Лес, по которому он проезжал, был невероятно дремучим и древним; попадавшие по пути посольству немецкие дворяне и простолюдины часто предупреждали, что в лесу живёт огромное количество хищников – медведей, волков, а также много других неизвестных животных. Воин нередко смеялся, слушая рассказы немцев об этих «неизвестных животных» – они, как ему всегда представлялось, являли скорее мифические и фольклорные образы, нежели реально существующих на земле животных.

Однако, одним делом было слушать рассказы немцев при свете дня в окружении друзей, и совсем другим – вспоминать их, пробираясь по дремучему лесу ночью и в одиночку. Несколько раз воображение уже рисовало воину ужасных чудовищ, подстерегающих его за деревьями, глазеющих на него из-за раскидистых кустов и поджидающих его в глубоких лесных оврагах. Сначала воин гнал прочь от себя такие домыслы; но зловещая луна светила ярко, в лесу не было слышно ни звука, кроме мерных шагов его иноходца; лёгкий туман у самой земли призрачно расстился, искрясь и переливаясь в лунном сиянии – всё это постепенно разжигало воображение воина. Только ещё днём смеявшийся над рассказами об этом месте и его обитателях, он ехал теперь с мечом в руке, часто озираясь по сторонам и пугаясь топота копыт собственной лошади.

Особенно прочно в его голове засели мысли об оборотнях, нападающих в лесу на неосторожных или потерявшихся путников; воин подумал, что его вряд ли можно было отнести к первой категории, но вот ко второй он принадлежал самым непосредственным образом.

Об оборотнях он очень много был наслышан ещё с детства у себя на родине; только немцы утверждали, что звери их леса куда огромней обыкновенных волков или медведей. Поэтому воин всё своё внимание уделял дороге и время от времени кричащим ночным птицам; ему продолжали мерещиться потусторонние ужасы,

кровожадными глазами наблюдающие за ним из-за любого куста, бугорка или дерева.

Луна ярко освещала стену леса перед ним; тропинка потихонечку поворачивала направо; слева к ней примыкала небольшая поляна. Когда воин проезжал это место, до него – уже не в воображении, а в действительности! – неожиданно донёлся звериный рык, и огромный волк со сверкающими глазами вышел из лесу прямо на тропинку, преграждая лошади дальнейшее продвижение вперёд.

Воин не боялся волка – верхом, с мечом в руке, он опасался лишь одного – если волк не один, а со стаей, тогда можно прощаться с жизнью. Это было так же верно, как и то, что сейчас – глухая ночь.

Лошадь заржала под наездником, увидев вышедшего из леса хищника; воин замер в седле – его меч молнией сверкнул при свете луны. Спасти от волка бегством не представлялось возможным, поэтому человек решил принять бой.

Однако и сам волк не стал особенно задерживаться – разинув пасть, он с воем кинулся прямо на всадника, и слегка задев его лапами по плечам, перескочил через едва успевшего пригнуться воина. Действительно: зверь оказался весьма крупным и сильным; человеку ещё не приходилось на своём веку видеть подобного волка: лапы его были очень крепкими, шерсть – длиннее и твёрже, чем у его обычных собратьев; а зубы, ярко светившиеся при свете Луны, ясно давали понять о своей неумолимой остроте.

Вторая попытка развернувшегося зверя сбросить всадника с лошади увенчалась полным успехом – волк стремительно прыгнул через конский круп, сшибая человека своим весом прямо на землю; последнему, по счастью, повезло не запутаться в стремянах. Нанеся два удара мечом по воздуху, дружиннику удалось подняться на ноги; лошадь испуганно рванулась в другой конец поляны. Воин приготовился к смертельной схватке со свирепым хищником, направив меч прямо на скалящего перед ним зубы волка.

Тот не заставил себя долго ждать – и снова чёрной молнией ринулся на свою жертву. На этот раз схватка была молниеносной: человек не успел занять прочную позицию на ногах и упал под натиском дикого зверя; меч из его руки полетел в сторону. Воин с ужа-

сом почувствовал, что клыки зверя сомкнулись на его закованной в железную перчатку руке; зверь подмял человека под себя, пытаясь дотянуться мордой с горящими глазами до его горла. Волк тяжело дышал; своим весом он крепко прижал воина к земле, не давая тому ни малейшей возможности двинуться. У человека не было сил дотянуться до меча, однако в эту решительную минуту воин вспомнил о кинжале за поясом и начал доставать его из ножен; тем временем зверь тщетно пытался прокусить сталь его рукавицы.

И вот, секунду спустя, лес был сотрясён яростным воплем зверя: кинжал глубоко вошёл ему в живот. Силы чудовища сразу обмякли; воин поднатужился и сбросил с себя окровавленное тело врага. Не давая зверю опомниться, он наносил ему удар за ударом; а потом, подняв с земли брошенный меч, одним взмахом отсек его огромную голову...

Луна спряталась на мгновение за облаками – и когда она снова осветила поляну, воин едва не упал в обморок от ужаса: вместо убитого минутой назад волка перед ним лежало окровавленное тело совершенно обнажённого мужчины, лет сорока на вид. Воин спешно перекрестился и как безумец побежал прочь с залитой лунным светом поляны, не обращая внимания на потерянную дорогу и сбежавшую от него лошадь.

*Приключение Абдула аль-Хафиза,
личного телохранителя султана,
тридцати трёх лет,
который странствовал по Европе*

Как только он появился на улицах города, так его тут же стали награждать повышенным вниманием – людям Европы, особенно таких отдалённый её уголков, не часто приходилось видеть сарацина в национальной арабской одежде. Путешественник провёл три дня и три ночи в одной из гостиниц, где к нему, собственно, относились неплохо; после этого он решил отправиться дальше, к центру Европы, и рано утром покинул Бухарест.

Хозяйка гостиницы на прощание подарила ему серебряный крест, говоря, что, мол, пока он находится в этой стране, то этот

символ не может помешать ему – даже как раз наоборот: он даже может сослужить ему необходимую службу.

Мусульманин улыбался, глядя на крест как на чуждый его религии предмет и образ идолопоклонства; однако женщина всё-таки засунула крест в один из карманов его кожаной куртки со словами:

- Возьмите его во имя ваших родителей! Если вам удобнее, то смотрите на него не как на символ Нашего Спасителя, но как на слиток серебра, который – кто знает? – может помочь вам в беде, если такая приключится с вами – не дай Господи! – в путешествии по нашей стране... Вампиры и оборотни разбегаются от серебра, как крысы от воды.

Если бы не упомянутое женщиной «во имя ваших родителей», то воин не посмел бы и коснуться креста; однако произнесённые слова заставили не вынимать его этот христианский символ из кармана куртки, куда хозяйка гостиницы так заботливо его засунула. Так и отправился он дальше, бормоча про себя суры из Священного Корана, которые призваны охранять читающего их путешественника от всевозможных напастей и неудач в дороге.

Он ехал почти целый день среди лесов и холмов по берегу Дуная, любуясь видами, которые ничуть не напоминали ему виденную с детства природу Аравии... Когда солнце начало свой путь к закату, путник решил остановиться и попросить ночлега в одном из небольших замков, которые время от времени встречались ему по берегу реки. Постучавшись в тяжёлые деревянные ворота, он терпеливо ожидал появления слуг. Ему открыл старик с седой бородой и немедленно пригласил его жестом въехать во двор прямо на лошади. Спешившись перед дверями замка, воин привязал коня к одной из стоявших во дворе повозок и, поднявшись на крыльцо, проследовал за старым слугой в покои старинного строения.

В гостиной он был радостно встречен хозяевами – уже немолодой парой и их юной дочерью; это и были все обитатели замка. Как выяснилось, потомки старинного рыцарского рода даже говорили немного по-турецки, чем немало обрадовали гостя; сам он тоже успел неплохо познакомиться с этим языком во время сопровождения в Турцию торговых караванов. Воин был немедленно приглашён к ужину в трапезную; сама же семья, не исключая и старого слуги, извинилась за то, что

не смогут составить ему компанию – они, мол, только что явились с ужина из соседнего замка, однако воин может их не стесняться...

Пока хозяева болтали о своём житии-бытии, путник наслаждался великолепно поданным ужином, отказавшись, естественно, от замечательного вина, предложенного ему старым слугой на десерт. Понемногу за окном становилось всё темнее и темнее; старый слуга принёс несколько больших канделябров и разжёг камин, словно в трапезной было холодно. Путнику это показалось странным; таким же странным обстоятельством для него были и бескровные лица обитателей замка – они были почти белого цвета, и воин это опасно подметил сразу после знакомства с почтенным семейством.

Наконец, пожилой хозяин замка поднялся со своего места – он занимал кресло перед камином, предлагая гостю последовать за ним в предназначенные для него покои. Ничего не подозревающий мусульманин благодарственно поклонился ему, выходя из-за стола; и в тот же миг все четыре человека бросились на него со всех сторон.

Воин даже не успел воскликнуть обязательное «Аллах-у-Акбар!», выхватывая свою кривую саблю и нанеся ей несколько рубящих ударов вдоль и поперёк по нападавшим; сталь его оружия мгновенно настигла старого слугу, который с завыванием рухнул на пол, лишившись головы. Так же и хозяин замка истекал кровью после столь неожиданного ответа со стороны гостя; мусульманин сделал ещё один выпад в его сторону – послышался хруст разрубаемых костей, удар кривой сабли был настолько сильным, что рассек мужчину надвое чуть повыше живота. Брызжущие кровью останки покатались по полу. Воин, ещё раз взмахивая саблей, обратил лицо к двум оставшимся, скалящим зубы женщинам – он не понимал причины их столь внезапного нападения. Но то, что он увидел в их белых лицах, заставило его содрогнуться от ужаса: по губам их стекала белая пена, а зубы были острыми и слегка выдавались из открытых, жаждущих его крови, ртов. Воин немедленно вспомнил рассказ хозяйки постоялого двора о чудесах в её стране; вспомнил он и о серебряном кресте в кармане куртки...

Только секунда понадобилась ему, чтобы достать крест из кармана – женщины, скрежеща зубами, уже готовились к нападению на

него – и вытянуть его перед собою; адские существа зарычали и попятились назад, к выходу из трапезной. Воин с криком размахнулся и бросил крест прямо в них.

А затем случилось нечто непонятное: они обе превратились в летучих мышей и вылетели в дверь. Воин кинулся было за ними, но они скрылись в темноте широкого коридора. Поскольку мусульманин не хотел больше подвергать себя риску и воевать с вампирами в ночное время, то вернулся в освещённую трапезную, где провёл всё время до наступления утра с саблей в руках, расположившись в кресле убитого хозяина, труп которого частями лежал под его ногами.

Так и провёл он всю ночь. Как только появился первый луч Солнца, тела хозяина замка и его слуги немедленно вспыхнули синим пламенем – после этого на полу трапезной ничего от них не осталось. Светало быстрее и быстрее; воин мог спокойно удалиться из замка – днём вампиры были ему не страшны; однако он не мог уйти, не избавив мир от оставшихся в замке ещё двух тварей.

Путешественник решил обыскать весь замок, чтобы найти и уничтожить вампиров. Он осмотрел оба этажа, которые, кстати, имели совершенно нежилой вид, не найдя в них ничего примечательного; затем спустился по лестнице в подвал, где и обнаружил искомых адских созданий: в одной из комнат на каменных постаментах стояло четыре чёрных гроба, два из которых были пустыми – их крышки лежали рядом. Воин с саблей в руке поднял крышку над ближайшим – третьим – в нём без движения лежала старшая женщина; глаза её были закрыты. Воин взмахнул саблей – и голова вампира тут же была отделена от тела.

То же самое он проделал и над телом дочери в следующем гробу. Оставалось за ноги выволочь тела вампиров на дневной свет, дабы испепелить их останки под лучами яркого Солнца...

Когда от мерзких существ ничего не осталось, воин вышел во двор и ласково потрепал гриву своего коня: дело было сделано на славу, и путешественник мог безмятежно продолжать своё странствие по Европе.

Призрак Модемского аббатства

Как только неповоротливая, трясущаяся телега въехала во двор аббатства, Маурицио поразился красоте открывшегося ему вида: огромный монастырь, окружённый высоким каменным, частично развалившимся от времени, забором, который уже не одну сотню лет опутывал плющ и другие ползучие растения; сразу за ним возвышались отвесные скалы, нависающие своей массой над большой старинной колокольной башней; а над всем этим – ясной чистоты небо без единого облачка. Был почти конец сентября, а здесь лето, пожалуй, ещё всю продолжалось – яркое солнце, тёплый ветер, играющий ещё совершенно зелёной травой, небольшой ручей, резво журчащий через весь двор аббатства, зелёные молоденькие деревья, специально посаженные группами по распоряжению последнего аббата...

Маурицио вдыхал чистый горный воздух, продолжая осматривать открывшееся его глазам старинное аббатство святого Себастьяна – один из самых крупных монастырей бенедиктинского ордена во Франции. Его путь из Рима занял сюда почти месяц – и кто знает, чем увенчается это его путешествие?

Проехав через весь двор до самой церкви, телега остановилась возле её огромных, окованных железными орнаментами, дверей; возница-мирянин стремительно соскочил с телеги и почтительно обратился к Маурицио:

- Мы прибыли, ваше преподобие! Куда распорядитесь отнести вещи?

Тем временем приезд Маурицио не остался незамеченным – да и возможно ли это на территории аббатства с населением в полтора человека?! Из церкви, из монастыря, соединённого с нею каменной пристройкой, на улицу высыпала куча монахов в чёрной одежде св. Бенедикта; их шкапелеры легонько колыхались при ходь-

бе. Впереди всех к Маурицио, также спрыгнувшему через низкие борта телеги на землю, спешил высокий худой старик; от быстрой ходьбы полы его рясы так и развевались. Через мгновение он уже стоял перед Маурицио и, слегка задыхаясь от проделанного пути и улыбаясь, говорил:

- Te Deum, laudamus! Слава Тебе, Господи! Наконец-то вы были в наше аббатство, дорогой брат! Наконец-то... – и вдруг он резко оборвал самого себя и заговорил уже с более явной сдержанностью и достоинством в голосе. – Я – аббат святого Себастьяна, отец Эташ, Божьей милостью... Не скажете ли вы, любезный брат, своего имени?

- Меня зовут Маурицио, - коротко ответил аббату новоприбывший. – Как вы можете видеть по моей одежде, я принадлежу к ордену проповедников, уже десять лет занимая почётную должность инквизитора... Посланный генералом нашего ордена я прибыл – как и по высочайшему утверждению и благословиению самого Его Святейшества папы – для проведения расследования в аббатстве святого Себастьяна, согласно всем письмам, жалобам и петициям, которые Римская курия получала отсюда за последние годы... Считаю необходимым сразу поставить вас в известность относительно своих полномочий – верительные бумаги я передам вашей милости сразу же после того, как мои вещи будут распакованы...

- О нет, милый брат! – лицо аббата выражало нечто среднее между радостью и страхом, причём страх явно преобладал. – В этом нет никакой надобности... Антонио! Вольфганг! – крикнул он, обернувшись к группе монахов, стоявших несколько поодаль от телеги и новоприбывшего, быть может, радуясь случаю скрыть черты своих испуганных лиц от пронизательного инквизитора. – Возьмите вещи возлюбленного нашего брата и гостя и несите их в монастырь... А вы чего встали? – он повысил голос на остальных находившихся во дворе братьев, - или вам нечем более заняться? Скоро месса!..

Монахи быстренько бросились кто в храм, кто – в монастырь, за исключением двоих, приблизившихся к телеге. Заплатив вознице, Маурицио пошёл рядом с аббатом к монастырским дверям; Антонио и Вольфганг несли вслед за ними тяжёлый сундук Ма-

урицию, стараясь держаться на расстоянии от своего настоятеля и гостя, дабы не слышать их разговора. Перед входом в храм аббат остановился и пропустил Маурицию вперёд себя – тот шагнул через огромные двери и преклонил колена перед алтарём, одновременно поражаясь древности, красоте и убранству церкви монастыря св. Себастьяна.

Казалось, что вязи романских арок над его головой не было числа – своим цветом они ни в чём не уступали цвету настоящих небес; их украшали многочисленные фигуры святых, благословенной Матери Божьей с лилией в руке, раскинувших крылья ангелов, написанные на потолках руками замечательных художников; нёфы и ниши храма были уставлены прекраснейшими статуями из камня и дерева – св. Иосиф и св. Себастьян являлись самыми крупными и заметными из них. Огромные скамьи в четыре яруса для монашеского хора располагались вокруг массивного, украшенного серебром и позолотой центрального алтаря; множество свечей, люстр и канделябров украшали собой старинную церковь. А перед алтарём находились скамьи для остальных братьев и прихожан из соседних деревень. Богатое убранство святилища, его многочисленные иконы и статуи апостолов, высокие романские своды неизменно вызывали у входящих чувство глубочайшего благоговения и в то же время – собственной ничтожности перед величием Творца. Человек был полностью подавляем тишиною, высотой потолков, обилием икон и распятий – и словно исчезал посреди всего этого сакрального великолепия.

Совершив краткую молитву, Маурицию вместе с аббатом направились прямо к ризнице, через которую пролегал центральный вход в монастырь; двое монахов послушно несли вещи прибывшего инквизитора вслед за ними. Осматривая попутно крепкие каменные стены и здоровенные по толщине колонны храма, Маурицию ещё и ещё раз поражался красоте и убранству церкви; шагающий рядом с ним отец Эсташ, заметив повышенное внимание доминиканца к храму своего монастыря, не смел или не хотел мешать такому его созерцанию – поэтому вся группа монахов прошла через церковь и ризницу в полнейшем молчании.

«Какими же маленькими фигурками – пылинками! – кажемся

мы нарисованным на потолках ангелам, - думал Маурицио, поражаясь грандиозности древней постройки. – А чем же кажется сам храм на фоне чудес Господних?! Да он попросту ничтожен!..»

Наконец старик-аббат решился прервать размышления гостя – они прошли ризницу и остановились на повороте широкого коридора, ведущего прямо и направо (как выяснилось впоследствии – в столовую и в монастырскую библиотеку); на каждом из поворотов было поставлено по статуе святого. Аббат произнёс следующее, подкрепляя свои слова указанием направления рукой, когда в том была необходимость:

- Итак, брат мой, я приветствую вас от имени аббатства под сводами нашего жилища во временной юдоли всех скорбей! Коридор, ведущий прямо – это путь в столовую; мы принимаем пищу трижды в день, милостью Божьей – в семь часов утра, в два дня и в семь вечера... Коридор направо – и по нему мы теперь отправимся – ведёт в библиотеку, – при желании она всегда к вашим услугам, коли на то будет необходимость; мы поднимемся по лестнице на второй этаж, где вы получите полагающуюся вам по рангу просторную келью...

- Конечно, - Маурицио снова неспеша двинулся по коридору в указанном отцом Эташем направлении. – Именно после обустройства и обеда я немедленно пожелал бы осмотреть монастырь: ознакомиться с его коридорами, кельями, подвалами и кладовыми... Для чего хотел бы попросить у вас пару проводников, дорогой аббат, - закончил он.

- Без сомнения, без сомнения, дорогой брат мой! – отозвался старик, поднимаясь вслед за гостем по широкой каменной лестнице. – Если вы пожелаете взять себе Антонио и Вольфганга – ваших носильщиков, – то это будет просто замечательно: они уже не первый год в аббатстве и знают в нём каждый уголок... Ко всему прочему, Вольфганг – помощник эконома, тогда как Антонио – второй помощник библиотекаря. Очень смышлёные люди, знающие своё дело... Не сомневаюсь, что они вам весьма пригодятся.

- И я в этом не сомневаюсь, - словно себе под нос пробормотал инквизитор, заканчивая восхождение по лестнице и оказываясь на площадке второго этажа.

Прямо перед ним была ниша с большим окном; коридор в этом месте расходился в двух направлениях. Маурицио вопросительно взглянул на аббата:

- В какую сторону теперь?

- Налево, налево, брат мой! – угодливо заторопил старик, беря инквизитора под руку и увлекая за собой. – Здесь все до одной – жилые кельи; точно такой же распорядок помещений и на третьем этаже... Я отведу вам лучшее помещение – в самом конце коридора; рядом с вами находится небольшая молельня святой Схоластики – благословенной сестры святого Бенедикта, основателя нашего ордена, – где вы сможете в любое время уединиться для молитвы и духовных размышлений...

Их путь продолжался ещё несколько минут; гость рассматривал статуи на поворотах коридора, выглядывал из огромных окон на улицу. Факелы на стенах не горели, да и не было в том необходимости – до самого вечера. Наконец вся группа монахов замерла перед одной из дверей – самой последней по коридору; старый аббат толкнул её, учтиво пропуская гостя вперёд. Глазам Маурицио предстала аккуратная келья, метра четыре на четыре размером – в ней был стол, два грубых стула, кровать и небольшой иконостас. Окно выходило прямо на нависшие над монастырской стеной скалы, поэтому любивший подолгу простаивать у окон инквизитор сразу же загрустил.

- Следующее от вас помещение – молельня святой Схоластики, как я и обещал, - прервал его думы отец Эсташ, знаком приказывая носильщикам поставить сундук Маурицио около кровати. – В ней почти никого не бывает, кроме обитателей этого крыла монастыря... – Удар колокола внезапно прервал его слова; старик вздрогнул и взглянул в глаза Маурицио. – Знаете ли, любезный брат, до мессы осталось несколько минут – не хотели бы вы присоединиться к нам во время братской литургии?

- Я уже отслужил сегодня мессу в деревне ранним утром, - ответил тот, усаживаясь на стул возле окна. Аббат присел на стул около стола:

- Тогда я хочу сообщить вам, что после мессы я навещу вас и мы сможем обстоятельно побеседовать о нашем деле... Располагайтесь

поудобнее, милый брат... Кстати, через полчаса после мессы будет обед, и если вы после тяжёлой дороги не особенно...

- Ничего страшного, отец Эсташ, - прервал его Маурицио, впервые называя по имени старого аббата, - я вполне дотерплю до положенного в монастыре времени для трапезы.

- Превосходно! – старик обратился к Антонио и Вольфгангу, преминающимся с ноги на ногу возле дверей. – Вы обязательно проведёте по монастырю нашего гостя после обеда, покажете ему абсолютно все закоулки... даже заброшенное крыло (опытный глаз инквизитора заметил, что при последних словах аббата монахи слегка вздрогнули – точно также вздрогнул и сам говоривший)... Словом, куда наш гость не решит, что вы больше не нужны ему, находитесь при нём неотлучно, смиренно исполняя любую его просьбу – ибо пред вами долгожданный отец Маурицио из Рима!

Инквизитор кисло улыбнулся:

- Не вводите меня в искушение тщеславием, отец Эсташ! Сам я ни за что не появился бы тут, если бы не решение Святого Престола да генерала нашего ордена... – он на секунду умолк, – ибо сам я ничуть не верю всем вашим петициям и рассказням о привидениях...

Слова Маурицио заставили почтенного аббата даже подскочить на стуле; он поднялся и стремительно прошёл к двери, указав монахам немедленно следовать за собой. Дверь с грохотом захлопнулась и Маурицио остался в келье один.

Улыбка вновь появилась на его лице – и он покачал головой, подходя к сундуку и откидывая крышку. Первое, что попало ему в руки, была связка бумаг с печатями Святого Престола и доминиканского ордена – он бросил всю связку на стол, развязывая тонкую бечёвку...

Инквизитор отлично помнил тот день – около месяца тому назад, – когда его срочно вызвал к себе генерал ордена по весьма важному делу; Маурицио был введён в курс последних событий Молемского бенедиктинского аббатства св. Себастьяна. Генерал ознакомил его с несколькими письмами и прошениями, подписанными аббатом монастыря – настоятелем отцом Эсташем – и адресованными лично Его Святейшеству папе; показал ему несколько резолюций святого отца по настоящему вопросу – и предложил

отправиться в путь для выяснения причин столь непонятных и диких посланий из аббатства св. Себастьяна. Маурицио был одним из наиболее известных и ревностных инквизиторов Святого города, обладал немалым опытом ведения процессов ведьм и колдунов, поэтому генерал, посоветовавшись со святым отцом, и решил направить во Францию именно его.

Дело в том, что по словам аббата Эсташа в монастыре снова стали пропадать люди. Не желая вводить в курс дела светские власти, мудрый аббат предпочёл обратиться непосредственно через генерал-секретаря коллегии кардиналов к святому отцу. Письма приходили в течении последних двух лет и носили характер просьб либо прислать в аббатство профессионального экзорциста, либо командировать эмиссаров из Рима для расследования факта исчезновения людей. В последнем же письме содержались уже не петиции, а явные угрозы: отец Эсташ писал, что если Святой Престол будет играть с ними с молчанку, не принимая соответствующих его просьбам решительных действий, то монахи самовольно, не взирая на каноническое послушание Римской церкви, покинут аббатство и разойдутся по другим обителям св. Бенедикта. Папа счёл такое послание уже не шуткой, в результате чего решил обратиться за помощью к кардиналам. Один из них указал папе на генерала ордена доминиканцев, инквизиторские и следовательские полномочия которых были уже особенно широки и ощутимы в церкви – и, таким образом, «дело Модемского аббатства св. Себастьяна» было передано в руки ордена проповедников. Папа очень кратко сумел объяснить генералу ордена св. Доминика, какие тяжёлые последствия для церкви вызовет внезапно покинутое монахами аббатство: во-первых, оно является одним из самых крупных в мире бенедиктинских аббатств, следовательно, никак нельзя забрасывать такой центр бенедиктинской учёности и духовности; во-вторых, что подумают миряне, когда до них дойдут слухи о том, что монахи и священники покинули монастырь из-за какого-то призрака; не падёт ли некое тёмное пятно на имя Римской церкви из-за того, что духовные люди сами не могут справиться с привидением? А ведь слухи такие будут неминуемо – не пошатнётся ли после этого в

народе церковный авторитет? Да и в-третьих: не будет ли уход из монастыря такой большой братии настоящим экономическим бедствием для других аббатств? Ведь им придётся принять в свои стены около ста пятидесяти монахов! Это повлечет впридачу постройку новых келий, поиск новых рабочих мест; в конечном итоге – дополнительные расходы трапезных... Словом, призраки там или не призраки, но Святой Отец ясно дал понять генералу ордена проповедников – церкви угодно, чтобы беспорядки в Модемском аббатстве прекратились, к спокойствию самих бенедиктинских монахов и Святого Престола.

Таким образом, генералу надлежало выбрать из среды своего ордена монаха или группу монахов и направить их во Францию для расследования – призраков это заслуги или нет, но ведь люди там всё же пропадали. Вот так и случилось, что генерал вызвал к себе Маурицио, считая его наилучшей кандидатурой для расследования Модемской загадки. Произнесённый несколько десятков лет назад обет послушания главе ордена не давал Маурицио возможности отказать от поручения; к нему поначалу был назначен в помощники брат Джордано, но перед самой поездкой во Францию он неожиданно тяжело заболел – и Маурицио пришлось ехать и выяснять обстоятельства дела в одиночку.

Перед дорогой он внимательно изучил письма аббата Эсташа – длинные послания, повествующие о призраке, которого время от времени видят монахи; о пропадающих время от времени людях – как в монастыре, так и в ближайших деревнях... Впрочем, ему ещё предстояла встреча с самим аббатом, да и с очевидцами происшествий – таковых, по словам автора писем в Рим, было более, чем достаточно. Маурицио был очень религиозным человеком, но отнюдь не суеверным: даже признавая существование ведьм и учиния над ними процессы он часто насмехался, слыша рассказы о привидениях, считая их заурядными выдумками или не в меру расхвалившимся воображением рассказчика.

От этих воспоминаний его оторвал стройный хор монашеских голосов, распевавших *Gloria*; Маурицио разложил документы и генеральские предписания на столе в нужном порядке и принялся доставать из сундука книги; за ними последовало одеяло, песочные

часы и литургическая священная одежда. Инквизитор сбросил чёрный орденский плащ с капюшоном, оставшись в белоснежной доминиканской рясе со шкаплером; после этого он стал раскладывать по келье необходимые книги и вещи так, чтобы они всегда были у него под рукой. Листы чистой бумаги, гусиное перо и чернильницу он водрузил в самый центр стола – ему уже неоднократно приходилось вести дневник или писать отчёт с места преступления.

Его занятия были прерваны осторожным стуком в дверь; Маурицио громко позволил стучавшему войти – и в келье снова появился аббат Эсташ. Закрыв за собою дверь, он быстрым шагом подошёл к доминиканцу и легонько коснулся его руки:

- Прошу прощения за прошлую резкость, брат мой! Мир вам! Pax Domini sit semper vobiscum! Просто мы уже так все издёргались за последнее время...

- Ничего, отец Эсташ, - милостиво ответил ему Маурицио, усаживаясь за стол и указывая аббату рукой на оставшийся в келье стул у окна. – Наступило время поговорить начистоту; как раз для этого я и приехал из Рима... Я изучил все ваши послания Святому Отцу, - заговорил он вдруг без всякого перехода, применяя излюбленный инквизиторский метод – рассеивать внимание собеседника и уязвлять его неожиданной атакой. – А вот грамота, удостоверяющая мои полномочия в случае чего проводить инквизицию в аббатстве и находящихся по соседству деревнях, - и он подал старику несколько документов с большими печатями ватиканской канцелярии. Тот бегло пробежал их глазами и вернул в руки инквизитора. – Что же на самом деле происходит в монастыре, почтенный отец Эсташ? Действительно ли братия намеревалась покинуть его вопреки запрету папы?

- Милостивый брат мой, не только собиралась, но и сейчас собирается – ибо спокойно жить в этом месте невозможно! – старик молитвенно сложил руки на коленях и глубоко вздохнул. – Обратили ли вы внимание на то, что в коридорах, во храме, во дворе – никого нет? Люди сидят по кельям и боятся высунуть нос наружу, потому что их снедает ужас разделить судьбу своих предшественников – исчезнуть без вести.

- Эти письма, если я не ошибаюсь, написаны вашей рукой, дра-

жайший аббат, - Маурицио похлопал рукой по стопке бумаги на столе, - а в них вы просите Святого Отца поверить в призрака, который...

- Не только Святого Отца: всю Римскую курию, всех орденских генералов, да и вас самих! - с жаром воскликнул аббат, подаваясь вперед. - Пьер губит нас! И не успокоится, пока не погубит всех до единого! Ещё немного - и монахи начнут убегать из аббатства! Ещё немного - и никто не захочет вступать на послушание в монастырь! Вы этого хотите?

- А вы? - резонно спросил Маурицио, делая гусиным пером какую-то запись на бумаге. - И потом - что ещё за Пьер?

- Так вот теперь послушайте, брат мой, как можно внимательно. Всего, конечно, я не мог бы описать в письмах к Святому Отцу - заняло бы много места, но вам я подробно расскажу всю историю ещё до обеда... В библиотеке имеется полная хроника нашего аббатства - настоятельно рекомендую вам ознакомиться с ней! - с момента его основания и до теперешнего дня. В ней есть абсолютно всё - жившие братья - поимённо; аббаты, библиотекари, экономы; словом, всё, случавшееся в аббатстве - от прихода нового послушника и до покупки коня - отмечено в этой летописи. Так вот, лет двести тому назад - а если быть точным, так сто восемьдесят шесть лет - аббатством святого Себастьяна управлял некто Пьер. Он был избран аббатом согласно правилу святого Бенедикта; его выборы прошли законно и никто никогда не имел к нему претензий на протяжении всего его управления; так, по крайней мере, гласит летопись. Аббатством он управлял около тридцати лет до самой смерти. Ещё при жизни он сотворил множество чудес, подобно нашему основателю святому Бенедикту - неоднократно умножал хлеб и вино для братии; исцелял больных; мог передвигаться по воздуху - впрочем, вы сами прочитаете об этом в хронике Молемского аббатства...

Даже после его смерти продолжались чудеса. Аббатство просило Рим его канонизировать - и действительно, в Риме в скором времени был начат процесс его беатификации, который, неизвестно по каким причинам, был вскоре приостановлен, а затем и совсем забыт...

В общем, если верить летописи, аббат Пьер был святым человеком; однако, в хронике говорится о том, что в его адрес время от времени были обвинения – как духовных лиц, так и мирян – в занятиях чёрной магией... кто знает, не потому ли была приостановлена его канонизация?.. Кстати, ещё при жизни был написан его портрет – уже с ореолом над головой; понимаю, конечно, что художник смертельно погрешил против канона, но что делать? – все были убеждены в его святости! Этот портрет я храню в своей келье, как и любой аббат хранил его до меня. Вот именно этому его портрету мы и обязаны... – старик вытер рукой вспотевший лоб и продолжил. – После его смерти в аббатстве стали происходить ужасные вещи – стали пропадать монахи; да и за стеной монастыря стало беспокойно – время от времени пропадали миряне обоюго пола из соседних деревень. Не то, чтобы ежедневно, но в среднем раз в год... А потом монахи стали видеть призрак аббата Пьера – по-прежнему в орденской одежде, иногда – с капюшоном на голове, иногда нет. Чаще всего он появлялся в том крыле аббатства, которое до сих пор именуется «заброшенным крылом» или «заброшенным коридором»: раньше там тоже были монашеские кельи, часовня – но потом братья стали убегать оттуда...

Там же призрак покойного аббата появляется и до сих пор. Жан, Поль, Этьен и несколько других монахов, ещё живущие среди нас, видели призрака; а когда я показывал им портрет аббата Пьера, они единогласно заявляли, что это именно тот человек...

Так, по-прежнему, всё и продолжается в нашем монастыре: явление призрака – а потом исчезновение людей. Ничто не помогало обнаружить их или хотя бы их останки. Только вот при моём управлении аббатством исчезновения людей особенно участились – за последние десять лет пропало более двадцати человек! Сами знаете... легенды время от времени забываются, потом вновь напоминают о себе... Пока всё тихо – то и жить сносно, и никто ни о чём не помнит; но как только исчезает человек или кто-нибудь узрит призрака – снова начинается суматоха... Несколько лет назад вся братия явилась ко мне и потребовала написать петицию в Рим – вы явно знакомы с ней... А люди всё продолжали исчезать; призрак всё продолжал являться монахам. И если мы не скрывали

бы нашу тайну от вступающих в монастырь, так во что превратилось бы аббатство в скором времени?! Поверьте мне, ещё немного – и никто не пожелает принять монашество в аббатстве святого Себастьяна! Я же, по настоянию братии, всё писал и писал в Рим; я сдерживал монахов, сколько мог, пока они не поставили мне ультиматум – или сам Святой Престол разрешит им покинуть монастырь, или же они без его позволения уйдут в другие обители вопреки обету послушания. Люди напуганы – и напуганы смертельно! Не то что ночью – днём не всякий отважится в одиночку бродить по аббатству...

Громкий удар колокола прервал поток речи старого аббата – он даже вскрикнул от неожиданности. Маурицио нервно дёрнул плечами – рассказ старика словно и его оплёл сетью ужаса и неподдающегося объяснению кошмара. Оставалось тягостное чувство чего-то мрачного, непонятного и отдающего запахом могильной плесени. Старик поднялся со стула:

- Брат мой, пора отправляться в трапезную.

Это он произнёс уже вполне успокоившимся, но весьма печальным голосом. Маурицио тоже поднялся из-за стола; по его лицу было хорошо заметно, что рассказ отца Эсташа не пропал даром и что инквизитор размышляет над услышанным.

- Я попросил бы вас показать мне портрет аббата Пьера сразу после обеда; также я хочу взять из библиотеки хронику аббатства, чтобы без помех изучить её в своей келье... – обратился он к старику, который уже открыл дверь и опасливо протискивался в небольшую щель. Тот молча кивнул головой и они спешно отправились по коридору к лестнице.

В коридоре тем временем добавилось шума – из келий появлялись монахи, также молча спешившие в столовую; встречаясь по дороге с аббатом и Маурицио они тихо кивали головами и складывали руки на груди. Гул колокола, наконец, умолк; через широкие двери трапезной входили новые и новые люди, занимая каждый своё место вокруг больших столов, расставленных в виде буквы «П» по всему помещению. В огромный зал сквозь окна проникал солнечный свет, играя лучами по металлическим предметам столовых приборов; ни единого голоса не было слышно в этом огромном про-

странстве – только шелест одежд и лёгкий шум сандалий нарушали тишину трапезной. Самым последним в зале появился аббат вместе с гостем-доминиканцем; они немедленно проследовали к центру огромного стола, где остановились перед скамьёй для молитвы. Ни единого шороха в зале – как будто здесь и не было полтораста человек! Белая ряса доминиканца так и сияла на фоне чёрных бенедиктинских одеяний.

Наконец аббат взял в руку колокольчик – и его трель разрушила необычайную тишину зала. Монашеский хор тут же затянул *De profundis*, затем *Pater Noster* и *Angelus*. После молитвы братия дружно, но всё также бесшумно уселась за стол; ттец, откашлявшись, нараспев стал громко читать Священное Писание: и Слово Божье, усиленное эхом, свободно парило под сводами трапезной.

Рядом с Маурицио и аббатом, согласно своему рангу, занимали места эконома, библиотекарь и врач; по обе стороны от них находились священники с разными должностями, а далее располагались простые монахи и послушники. На доминиканца никто не обращал никакого внимания, поэтому в скором времени аббат, вопреки уставу тишины св. Бенедикта, стал что-то тихонько шептать ему:

- Посмотрите, брат мой: во внутреннем ряду за столом, слева от входа в трапезную, шестнадцатый по счёту... Видите? Рыжеволосый, пьёт вино... Это брат Жан, провансалец...

- Вижу, - также тихо ответил ему гость, отыскивая глазами указанного аббатом нужного монаха – толстого человека, лет тридцати пяти-сорока. – Ну и что же?

- Дело в том, что он видел призрак аббата Пьера последним; это было около двух месяцев до вашего приезда... Не сомневаюсь, что у вас будет желание поговорить с ним... Затем, рядом с ним – только через стол, напротив – Поль. Этот самолично призрака не видел, но его друг Франсуа числится пропавшим при невыясненных обстоятельствах... Может быть, что и он сможет вам чем-нибудь помочь... В общем, призрака в аббатстве видел чуть ли не каждый: вы сможете устроить допрос и учинить следствие...

- Что мне делать, дорогой аббат, я и сам знаю, - окидывая пронизательным взглядом ряды обедающих монахов ответил Маури-

цио. – Сразу же после обеда составьте мне список имён тех людей, которые видели этого призрака за последние полгода... нет, лучше пришлите их самих ко мне после ужина, поскольку после трапезы я намереваюсь осмотреть аббатство в сопровождении этих самых Антонио и Вольфганга...

- Да, конечно, монахи всегда к вашим услугам! – шепнул старик.

Трапеза продолжалась ещё некоторое время; и, глядя на сиявшее солнце, на огромное количество народу в зале, слыша щебетание птиц за окнами, трудно было поверить в то, что все эти люди объята страхом за свою жизнь, что где-то здесь бродит непонятное адское существо, угрожающее их спокойному существованию.

Маурицио закончил обед, ожидая колокольчика старого аббата, дающего знак о прекращении трапезы. Когда его трель снова эхом пронеслась по залу, монахи дружно поднялись и запели Ave, Maris Stella. Как только последние звуки духовного гимна смолкли, отец Эсташ громко сказал:

- Возлюбленные братья мои во Христе! Сегодня в стенах нашей обители мы приветствуем дорогого гостя – отца Маурицио. Почтенный инквизитор принадлежит к славному ордену святого Доминика; наконец-то Рим услышал наши мольбы и прислал человека, могущего помочь нам в несчастье! Поэтому властью аббата святого Себастьяна приказываю любому из братьев оказывать нашему дорогому гостю всяческую помощь в его изысканиях. И да помогут нам святой Бенедикт, святая Схоластика, святой Григорий Великий и все святые нашего ордена!

- Все могут идти по своим делам, - произнёс Маурицио, заметив паузу в речи аббата. – Все, кроме Антонио и Вольфганга.

Спустя минуту лишь четыре человека остались в трапезной.

- Я хотел бы осмотреть монастырь, - говорил Маурицио, обращаясь к братьям. – Вы покажете мне все его закоулки... А вы, отец Эсташ, - сказал он старому бенедиктинцу, - вы не позабудьте прислать ко мне после ужина – во время которого я, скорее всего, буду отсутствовать – всех последних свидетелей появления призрака... *Rax vobiscum!* – Маурицио вышел из трапезной в коридор, знаком руки приказывая двум монахам следовать за собой.

Осмотр аббатства начался сверху – с третьего этажа; именно с того места, которое монахи называли «заброшенным коридором». Маурицио чувствовал, что если и удастся что-либо (но что же?) обнаружить, так это возможно лишь там.

При дневном свете, проникающем в коридор через большие окна, это место не казалось таким уж тёмным и заброшенным. Конечно, с тех пор, как отсюда выселились монахи, количество пыли на полу и предметах в кельях стало чудовищно огромным; статуи, кровати, столы, каменные стены комнат были сплошь и рядом завешаны паучьими сетями. Кое-где сквозь камни просачивалась влага; окна в кельях не открывались почти целое столетие, и потому везде стоял отвратительный затхлый запах.

Коридор дважды поворачивал направо; монахи остановились перед коваными дверями одной из келий. Антонио толкнул её и с явной боязнью в голосе произнёс:

- Здесь и жил аббат Пьер. Говорят, что и умер он в этой келье...

Инквизитор вошёл в помещение – никаких следов беспорядка там он, к своему великому удивлению, не обнаружил. Никакого приторного запаха тления! Да и слой пыли на столе, полу и подоконнике был значительно меньше, нежели в соседних кельях. На полу были явно различимы следы монашеских сандалий.

Бенедиктинцы перекрестились, шепча молитву; Маурицио осматривал почти пустое помещение.

- Не мог ли кто-нибудь придти сюда до нас? – в его голосе снова зазвучали профессиональные инквизиторские нотки.

- Упаси Боже, *pater reverendissime!* – выдохнул Вольфганг, краснея. – Да ни один из братьев не то что наводит тут порядок, а и приблизиться к заброшенному крылу не осмелится! Даже последние следы в коридоре – и те наши с вами!

Доминиканец прошёл через всю келью и выглянул в окно; затем внимательно осмотрел механизм защёлки окна и петли обеих его створок.

- Клянусь кровью Христовой, - негромко произнёс он, - что это окно совсем недавно открывали, предварительно стерев пыль с ручкоятки и с петель. Ведь призракам-то не дано совершать материальных действий, не так ли?

Бенедиктинцы молчали. После этого инквизитор нагнулся к полу, изучая на нём отпечатки сандалей. Через минуту он поднялся и махнул рукой сопровождающим:

- Ладно, пойдёмте! Сюда я смогу вернуться и один...

Монахами был старательно осмотрен каждый уголок аббатства – около недели ушло только на осмотр всех помещений. Маурицио составил тщательный план старинных подвалов и погребов под монастырём; от его наметанного взора не укрылась ни одна лестница, ни один проход. Коридоры всех трёх этажей огромного здания были кропотливо обследованы; он обошёл каждую келью монастыря – как жилую, так и нежилую. Был произведён скрупулёзный осмотр храма, колокольни и всех подсобных строений во дворе; кроме того, Маурицио дважды обходил аббатство с внутренней стороны забора – при свете заходящего солнца окна келий и залов сверкали подобно глазам какого-то невиданного чудовища.

Исчезновение людей по-прежнему оставалось загадкой, хотя в историю с призраком Модемского аббатства Маурицио верил ещё меньше, чем сначала. Во время его расследования монахи опасливо поглядывали на инквизитора, снующего то по двору аббатства, то по монастырю; может быть, они говорили ему не всё, что им было известно? Маурицио совершил не один допрос тех людей, на которых ему указал отец Эсташ как на свидетелей; но ни Жан, ни Поль, ни Этьен, ни Вильгельм, ни Франческо не могли своими признаниями помочь ему в расследовании. Они повторяли лишь одно – видимый ими призрак как две капли воды был похож на изображённого на портрете аббата Пьера, умершего более ста пятидесяти лет назад; испуганные монахи видели его в разных местах – кто во дворе около конюшен, кто – в «заброшенном крыле» монастыря или в его подвалах... Призрак никогда не издавал ни звука, что было весьма нехарактерно для его природы – ведь даже поверхностному демонологу известно, что душа умершего обязательно должна просить у живых молитвы за себя при любом случае. Однако, по их словам, призрак лишь быстро и беззвучно удалялся, если был видим людьми; да и сами монахи не особенно задерживались полюбоваться на явление с того света, с воплями бросаясь от него куда подальше. Странно для призрака – мгновен-

но исчезать при появлении человека, когда его прямое назначение – напугать земное существо.

Доминиканец провёл множество часов в беседах с аббатом Эташем, библиотекарем, экономом: почему они, собственно, связывают исчезновение людей именно с призраком (в которого сам инквизитор не верил ни на йоту)? Как выяснилось, никакой прямой связи между двумя этими пунктами следствия не было – всё лишь упиралось в какие-то легенды о занятиях аббата Пьера чёрной магией и тому подобной дребеденью. Маурицио не поленился взять в библиотеке два огромных рукописных тома *in folio* и многими сутками выживал из них всё, касающееся жизни аббата Пьера.

Оказалось, что именно слухи о занятиях чёрной магией и помешали почтенному аббату быть причисленным к лику святых; хроника упоминала некоторые «странные высказывания аббата на непонятных или неведомых языках» – сам говоривший на них объяснял это дарами Святого Духа. Но похоже, что ему не очень-то поверили. Затем аббат был очень увлечён собиранием каких-то камней – гранита, шпата, мрамора и других горных пород; интересовали его также и некоторые растения – однако, хронист не привел одного из их названий.

Летопись упоминала о возможных занятиях аббата Пьера «ведовством», и отсюда делала вывод, что «от ведовства до колдовства и магии не более шага». Вывод не то, что казался сомнительным, но тем не менее инквизитору он представлялся очень натянутым; в конце-концов, это могло быть делом рук «адвоката дьявола» – процесс-то беатификации всё же был приостановлен, а впоследствии и напрочь забыт.

Единственной интересной деталью, которую упоминала летопись, было то, что вопреки всем каноническим уставам тело аббата во время похорон находилось в закрытом гробу. Да и сама смерть его определялась хронистом как «странная и неожиданная». Согласно документу, аббат умер внезапно – вчера был жив и здоров, а уже поутру его тело поместили в гроб. Его преемник руководил похоронами и поэтому самолично оставил запись и свидетельство о смерти в летописи аббатства св. Себастьяна. Им был некто аббат

Лука, которого с умершим давно связывали братские и дружеские отношения. Как ни странно, новый аббат управлял обителью очень недолго – он исчез через несколько недель после своего избрания. Так его больше и не видели. Как говорила летопись, «с аббата Луки и начались исчезновения людей в монастыре».

Хроника приводила огромный список имён пропавших без вести – с тех пор и до сегодняшнего дня. Все они почему-то стояли в прямой связи с «призраком аббата Пьера», который впервые был замечен неким монахом Рено спустя полгода после смерти. После того призрака видели многие братья: в разное время суток и в разных местах. Его наблюдали и миряне за стеною аббатства, поскольку чудотворец был известен по всему округу. То там, то сям хроника приводила многочисленные свидетельства его чудес, которым позавидовал бы и сам святой Бенедикт; упоминались имена исцелённых от болезней и чудесным образом накормленных; спасённых на реке, при пожаре и от других опасностей. Но в то же самое время летопись нет-нет да вставляла краткие комментарии по поводу его нечестивых занятий. Сама манера рукописи, её изложение казалось весьма странным для Маурицио: летопись то поливала умершего аббата грязью, то возносила до самых небес. Впрочем, инквизитор пояснял это тем, что с течением времени хронисты менялись и каждый из них вставал на более приемлемую для него точку зрения на деяния аббата св. Себастьяна. Таким образом, спустя почти две сотни лет уже не представлялось возможным понять, был ли он великим святым или великим грешником – сами летописцы запутали дело до невероятного.

Маурицио в сопровождении аббата Эсташа внимательно осмотрел место погребения Пьера – по обычаю захоронения аббатов их гробы замуровывались в стену под храмом в отличие от простых братьев, тела которых предавались земле на монастырском кладбище прямо за церковью. На каменной стене тёмного подвала находилась металлическая мемориальная доска с указанием имени погребённого аббата Пьера и датами его рождения и смерти. Слева и справа от неё располагалось множество подобных мемориальных пластин с похожими надписями.

Маурицио также ознакомился с портретом аббата Пьера, кото-

рый отец Эсташ до сих пор сохранял на одной из стен своей кельи. Ничего особенного в изображённом на холсте человеке он не обнаружил – обыкновенный старик с совсем белой от старости тонзурой; огромный нос, маленький рот; глаза большие, над ними – белые брови; морщинистое лицо... Хроника, как и мемориальная доска, уверяла, что к моменту смерти отцу Пьеру исполнилось семьдесят три года. Человек на портрете вполне подходил под указанный возраст, если даже не казался ещё более старым и дряхлым.

Инквизитор пробовал ночевать с несколькими монахами в келье покойного аббата, но никаких результатов это не принесло. «Ночевать» – это сказано, конечно, для красного словца, ибо суеверные монахи и глаз не могли сомкнуть в келье аббата Пьера даже при всём желании. Если бы инквизитор не напомнил им о своих полномочиях и об их послушании, то монахи не появились бы в «заброшенном коридоре» даже под страхом смертной казни.

Уже более полутора месяца провёл Маурицио в старинном Модемском аббатстве. Никаких исчезновений людей за это время не произошло; никто так и не увидел больше знаменитого призрака умершего аббата. В городе и в окрестных деревнях тоже было спокойно – это доминиканец узнал из нескольких коротких поездок для наведения кое-каких справок у местных жителей, имена и фамилии предков которых упоминались в хронике. Дело совершенно запуталось и встало на мёртвой точке; Маурицио даже не представлял себе отчёта о поездке в аббатство св. Себастьяна, который он должен по возвращению в Рим подать генералу ордена – а тот, в свою очередь, святому отцу. Доминиканец всё более и более приходил к выводу, что исчезновение людей – человеческих рук дело, поэтому следствие автоматически переходит из ведения инквизиции в руки светских судей и прокуроров – вот пусть они и возьмётся. А что касается призраков...

- Я здесь уже полтора месяца – и всё совершенно спокойно, - говорил Маурицио старому аббату. – Никаких призраков и никаких исчезновений. А это значит, что мы знаем достаточно для того, чтобы покинуть аббатство святого Себастьяна с таким отчётом, от которого вам станет жарко, если он ляжет на стол Священной Римской канцелярии.

- Да неужели вы не видите, отец Маурицио, - только и восклицал ему в ответ бенедиктинец, - что призрак лишь затаился на время вашего приезда, так как чувствует присутствие в стенах монастыря высшей апостольской власти из Рима! Клянусь вам, что стоит вам только покинуть нас – и всё начнётся опять! Дьявол только затаился, брат мой! А это не значит, что его не существует...

- Ничего. В следующий раз – в случае явных беспорядков – здесь появится из Ватикана целая группа; причём я лично позабочусь, чтобы в неё вошли лучшие инквизиторы Рима! – язвил Маурицио. – Я намерен завтра же покинуть ваше аббатство, потому что делать мне тут совершенно нечего... А в Риме у меня найдётся множество занятий, которыми я истинно смогу послужить Богу и римской церкви. За время пребывания у вас я не нашёл ни единого мотива преступления – потому, что его и не было; а что касается исчезновений – так этим вполне может заниматься светский уголовный суд Молема.

- Но ведь аббат Пьер был колдуном! – чуть не взвизгнул старик срывающимся голосом. – Неужели вы не читали об этом в хронике?

- Или святым, - парировал инквизитор, перебирая пальцами чётки на поясе. – Ваши хронисты насочиняли такой путаницы в этом деле, что здесь, пожалуй, и сам чёрт ногу сломит.

Однако в намеченный Маурицио для отъезда день в аббатстве кое-что всё-таки произошло. Сразу после обеда, когда инквизитор уже упаковал свои вещи в сундук и в отчёте поставил последнюю точку словом *fecit**, в его келью без предварительного стука ввалился старик-аббат с молодым послушником; за ними в дверях Маурицио увидел шумящую группу монахов разных возрастов и званий.

- Ну, так что там у вас теперь стряслось? – нехотя обратился к ним инквизитор. – Увидели, что ли, призрака? Говорите, ибо до моего отъезда не так уж много времени... Может, успею что-нибудь внести в отчёт.

- Вот, брат мой! – разгорячённо воскликнул аббат, подталкивая вперёд молодого послушника. – Анж видел призрака несколько минут назад в «заброшенном крыле» монастыря!

- Да ну! Призрак, являющийся днём? – инквизитор изобразил улыбку. – Весьма, весьма интересно... – однако мгновением позже он снова стал следователем, - Кстати, а что же делал уважаемый Анж на третьем этаже, да ещё в «заброшенном крыле», куда, как известно, ни днём, ни ночью никто не осмеливается подойти?!

- Ну, говори! Отвечай, во имя Божье! – подталкивал старый аббат явно смущённого от непосредственной близости римского инквизитора молодого Анжа.

Наконец, юноша смог совладать с собою и заговорил. Нет, Маурицио понял свою ошибку после первых его слов – не разговор с высокопоставленным лицом из Ватикана привёл того в смущение: юноша буквально дрожал от неподдельного ужаса перед чем-то неведомым, от внезапного столкновения с которым язык его заплетался. Маурицио указал ему на стул. Юноша сел на него; старый аббат остался стоять позади него, положив руки ему на плечи.

- Я, значит, сразу после обеда понёс еду брату Игнатию в келью – он болен уже неделю и я каждый день носил ему пищу по распоряжению братьев-поваров. Келья его находится на третьем этаже аббатства, причём она самая последняя в числе жилых помещений перед «заброшенным коридором». Я отнёс ему еду; мы немного поговорили о его самочувствии...

- Это к делу не относится, - судейским тоном прервал его Маурицио, - переходи непосредственно к фактам.

- Да. Я, значит, - юноша испуганно слотнул, - вышел из кельи и закрыл дверь. Как вдруг вижу – прямо из-за угла коридора появляется фигура: высокая, в бенедиктинской рясе. Ну, думаю, кто-нибудь из братьев по своим делам... а потом она приблизилась, эта фигура – гляжу: *Deus meus, Christi Domine! Sanctissima Virgine Maria!** – да ведь это призрак самого аббата Пьера!!! Я как заорал во всю глотку да попятился по коридору, а призрак спокойно повернулся – и назад. На мои крики повыскакивали братья из келий; прибежал экононом... Клянусь вам: это действительно был мёртвый аббат!!! – крикнул он в испуге.

- Довольно! – махнул рукой доминиканец. – Идите, Анж, оставьте нас с отцом Эсташем одних... – он подождал, пока послуш-

ник поднялся и вышел из кельи неровной походкой – его испуг был явно неподдельным. Сам Маурицио убедился, что за дверью никого нет – толпа монахов быстро увела своего подавленного ужасом собрата. Инквизитор закрыл дверь.

- Это что же такое, аббат – попытка мистифицировать меня перед самым отъездом? – с усмешкой поинтересовался он тихим голосом, вплотную подходя к старику. – Вы не понимаете, в какую историю можете попасть?

- Да неужели вы не видите, что юноша до безумия напуган! – закричал аббат, взмахивая руками перед лицом инквизитора. – Какая там мистификация, брат мой – этот монах чуть с ума не сошёл, а вы говорите – мистификация! Попомните моё слово – мы покинем аббатство, если здесь не восстановится спокойная жизнь, как и положено любой святой обители! И я вовсе не боюсь того, что вы скажете в Риме – Рим далеко, а нам тут жить!

Маурицио пришлось отложить отъезд; он снова оказался на третьем этаже монастыря в сопровождении отца Эсташа, пришедшего в себя послушника Анжа и нескольких других монахов из числа тех, кто первым прибежал на его вопли. И снова на Маурицио посыпались леденящие душу свидетельства Анжа, который на сей раз подробно описал появление и уход призрака по коридору; по его лицу инквизитор видел, что он свято верит в пережитое. Лица других монахов и самого аббата носили отпечаток ужаса; однако, мысленно посылая всех призраков ко всем чертям, доминиканец проверил всё «заброшенное крыло» монастыря. Пыль в некоторых местах действительно была потревожена; на полу отчётливо были различимы следы бенедиктинских монашеских сандалий. Они вели прямо в келью аббата Пьера; Маурицио поймал себя на том, что льявиная доля его скепсиса по ходу расследования значительно уменьшилась и что он тоже начинает поддаваться общей истерии и панике.

Келья умершего давным-давно аббата, как и следовало ожидать, была пуста – в ней таинственные следы и обрывались. Потоптавшись в помещении около минуты, Маурицио вдруг почувствовал дуновение ветерка – окно было чуть приоткрытым! Сам он прекрасно помнил, что во время последнего визита он вниматель-

но осматривал его и он было плотно закрыто... Впрочем, и сама обстановка кельи несла на себе некоторые видимые изменения: стул находился возле кровати, хотя Маурицио сам поставил его около подоконника в прошлый раз, проверяя защёлку оконного замка; паутина с противоположной от кровати стены была теперь сорвана и висела клочьями до самого пола... Несомненно – в келье кто-то успел побывать.

«Если призрак и существует – имеет ли он прямое отношение к исчезновению людей? – думал инквизитор ночью, лёжа в постели. – Неужели сотня монахов и полсотни священников ничего не могли поделать с ним каноническими церковными методами? Нет, призрак тут не так уж важен; главное – пропадают люди. Только вот не человеческих ли рук это дело? Может, кому-то в монастыре есть смысл этим заниматься...»

Незаметно для себя Маурицио заснул. Первые лучи солнца разбудили его – на этот раз он твёрдо решил отправляться в дорогу: и ничто не могло поколебать такого его решения. Если только не появится сам мёртвый аббат Пьер...

Маурицио вернулся в Рим безо всяких приключений; давая отчёт генералу ордена, инквизитор старался не смотреть ему в глаза. Поясняя случившееся в Молемском аббатстве, он назвал «дело» обыкновенной уголовной историей, которая никак не входила в сферу компетенции духовного суда. А поскольку светский суд тоже не имеет права вести дела монастырей, то... Маурицио просил генерала ждать дальнейшего продолжения событий.

И всё-таки было нечто такое, что постоянно стучало в мозг инквизитора как молот по наковальне. Концы не сходились с концами. Почему аббат Пьер был выставлен в церкви для прощания в закрытом гробу? Почему, с какой целью исчезали люди уже на протяжении ста пятидесяти лет? Если это похищения, то какая группа людей могла стоять за этим – да ещё на протяжении ста пятидесяти лет?! Заговор против правления аббатства? Маловероятно. Да и методы странные... Что же это?

Более полугода прошло с тех пор, когда Маурицио посетил бенедиктинское аббатство близ Молема. Постепенно эта загадка стала вытесняться из его памяти; детали его прошлого пребывания в мо-

настыре постепенно уступали место делам насущным. Наступил май, когда Маурицио почти совсем отделался от молемских воспоминаний; теперь они весьма редко всплывали в его мозгу, всё более и более стираясь из глубин памяти инквизитора-доминиканца. Он ничего не знал о решении Святого Престола в отношении старинного аббатства – ему это было попросту неинтересно. Однако сегодня, когда генерал ордена после капитула попросил его снова съездить в Молемский монастырь, глаза Маурицио полезли из орбит от удивления:

- Что вы сказали?! В Молемский монастырь?!

- Я сказал то, что хотел сказать, - генерал всегда отличался особенной лаконичностью. – Вам придётся ещё раз съездить в это бенедиктинское аббатство. Только на этот раз вы будете возглавлять специальную группу инквизиторов, которую – до пяти человек – лично сможете выбрать из братьев нашего Ордена.

- Да что же там, в конце-концов, происходит? – с удивлением и негодованием крикнул Маурицио.

- Об этом нам очень хотелось бы узнать. И святому отцу тоже, - интонация голоса генерала не давала ни малейшей возможности усомниться в сказанном. – Не далее как вчера папа получил очередное послание от бенедиктинских монахов, - генерал неторопливо вынул из складок рясы небольшую грамоту и положил её на стол перед Маурицио. – Вы ознакомьтесь с ним позже... Так вот, это послание – последняя угроза покинуть монастырь. В двух словах: спустя месяц после вашего отъезда исчезновения людей в аббатстве продолжились с новой силой; а совсем недавно пропал и сам аббат – отец Эсташ, о котором вы так много рассказывали мне, комментируя отчёт. За эти полгода в общей сложности пропали четыре монаха и старый аббат Эсташ. Оставшиеся братья избрали нового аббата, первым требованием которому и было написание этого ультиматума... Словом, я не сомневаюсь, что они способны осуществить свою угрозу и покинуть монастырь, если Рим немедленно не откликнется на их просьбу «изгнать дьявола», как они пишут «из стен обители св. Себастьяна». Они даже установили срок – два месяца... Что и говорить – люди не шутят, к тому же они весьма напуганы. Святой Престол не находит причин, чтобы отказать им в настоящем расследовании. Сами знаете, отец

Маурицио, что произойдёт с именем церкви, если население такого огромного монастыря разбредётся по Европе, да ещё и разнося при этом невероятные слухи о выгнавшем их из собственного монастыря призраке... – и генерал, закончив речь, многозначительно воззрится на собеседника.

Инквизитор сокрушённо махнул рукой в сторону лежащего на столе документа:

- Во имя святого послушания я отправляюсь в Молемское аббатство завтра же утром. Только никакой комиссии мне для этого не потребуется – не думаю, что она сможет обнаружить в тех местах больше моего... Я возьму с собой лишь Анджело – помощника настоятеля доминиканского монастыря святой Марии Магдалины в Риме: мы уже не раз работали вместе во славу церкви и духовного суда. В случае необходимой помощи я привлеку к содействию священников Молемского диоцеза – в силу моих полномочий от Святого Престола они не смогут отказать нам с Анджело.

- Поступайте, как вам виднее, - прищурился генерал, вставая с кресла; Маурицио поднялся вместе с ним. – Святой Престол хочет только одного: чтобы беспорядки в Молемском аббатстве прекратились. Люди больше не должны пропадать. Призраки больше не должны появляться. Проведите там хоть год, но чтобы святой отец больше не получал оттуда никаких грамот... Вам всё понятно? – резко закончил генерал.

- Да, отец, - Маурицио слегка наклонил голову в сторону собеседника. – Мне всё понятно.

К великому сожалению инквизитора, его друг Анджело был болен, уже целую неделю терзаемый болью в желудке, и Маурицио ничего не оставалось, как отправиться в путешествие подобно первому разу – в одиночку. Ни о какой следственной комиссии он и думать не хотел – вести допросы и пытки вполне можно и одному, а в данной ситуации доминиканец намеревался так и поступить. Истина – превыше всего – и он обязательно докопается до неё. Больше бенедиктинцы не будут докучать ни святому отцу, ни ему самому.

Он несколько раз внимательно перечитал послание папе от нового аббата, Готье. Что ж, если монахи желают так трусливо поки-

нуть монастырь – он готов перевернуть горы, но истинная причина этого будет раскрыта.

Маурицио был зол почти всю дорогу до Молема – его бесила и трусость монахов, и их призрак, и их исчезновения; вместе того, чтобы провести весну и лето в Риме, он должен был по их милости тащиться чёрт знает в какую глушь и ловить привидения! Он и так уже устал от всех этих духовных процессов по делам ведьм... «Боже мой, скорее получить бы кольцо и посох епископа!»

За недели пути злость его постепенно улеглась; нельзя было ничего изменить, поэтому в аббатстве св. Себастьяна он появился уже значительно остывшим. Въехав на повозке в знакомый двор аббатства, он был тут же окружён толпой монахов, которые буквально дрожали от страха; как выяснилось из разговоров с новым аббатом монастыря, лишь позавчера пропал тот самый юный послушник Анж, который видел призрак за день до отъезда Маурицио из монастыря в прошлый раз. Новый аббат Готье – ещё довольно крепкий мужчина лет шестидесяти – был выбран братией аббатства, поскольку отец Эсташ не успел назначить своего преемника. Расположившись в аббатстве, Маурицио немедленно пригласил к себе главу монастыря, подавая ему написанное им ранее письмо в Рим:

- Я попросил бы вас прокомментировать это послание, дражайший аббат!

Его собеседник развёл руками:

- Зачем, отец Маурицио? Там всё достаточно ясно изложено. Исчезновение старого аббата Эсташа, братьев Анжа, Джованни и других побудило меня сочинить этот документ... Аббатство ставит Ватикану условие в последний раз – и в случае отказа мы покинули бы монастырь через две недели... Простите, почтенный отец! – оговорился аббат, заметив недовольное выражение лица инквизитора. – Простите мне безапелляционность тона, но ведь мы живём здесь. И здесь же находится призрак Молемского аббатства.

- При каких обстоятельствах пропал аббат Эсташ и упомянутые вами братья? – осведомился доминиканец, придвигая к себе перо, чернильницу и несколько чистых листов бумаги.

- Никаких обстоятельств нет – вернее, они никому неизвестны,

- аббат Готье кашлянул в кулак. – Сначала пропал один из братьев – Джованни. Повара послали его в подвал за вином – и с тех пор его больше никто не видел. Конечно, как и в других подобных случаях, мы обшарили весь монастырь, но не обнаружили никаких следов исчезнувшего монаха...

Затем был сам аббат Эташ. Я хорошо запомнил этот день, поскольку ему надо было служить мессу. Поздно вечером он провёл ночную молитву и удалился в свою келью. Больше его не видели, ибо на утренней молитве он уже не появился, не появился вообще... Та же история и с остальными братьями. И вот, наконец, последним пропал Анж – всего пару дней назад. Никаких свидетелей его исчезновения не было.

- Понятно, - доминиканец закончил писать и, бросив перо в чернильницу, откинулся на спинку стула. Затем он скрестил руки на груди и продолжил: - А призрак? Неужели он больше не появлялся?

Его собеседник снова развёл руками:

- Это весьма странно, но за последние полгода не нашлось ни одного монаха, который мог бы засвидетельствовать его появление... И тем не менее братия убеждена: исчезновения людей – его рук дело.

- Что ж, тогда мне придётся поговорить с остальными, - задумчиво произнёс Маурицио, многозначительно глядя на аббата. – В моём теперешнем положении я не вижу ничего лучшего, как устроить в вашем аббатстве настоящую инквизицию. Может, кое-кому пытки развяжут языки, как вы полагаете? Ведь, похоже на то, что кое-кому в монастыре есть что скрывать, не так ли? И причём – уже с давних пор? – при этих словах по лицу доминиканца промелькнула стремительная, ужасная улыбка.

Аббат, по-видимому, не знал других жестов, кроме разведения руками в стороны – и опять повторил излюбленное движение:

- Неужели вы считаете, что мы не думали об этом? – и, словно подчёркивая мысль самого Маурицио, веско добавил, - неужели в аббатстве не думали об этой возможности на протяжении почти двухсот лет? У кого ещё будет вероятность убивать людей на протяжении такого промежутка времени – и не попасться? И не утратить

при этом хитрости и физической силы? Это может быть только призрак. Призрак аббата Пьера.

Дальнейший разговор с аббатом Маурицио считал совершенно напрасной тратой времени. Аббат действительно ничего не знал. Аббат действительно был напуган. Напуган не меньше остальных – и Маурицио превосходно это видел. Ему ничего не оставалось, как допрашивать других обитателей аббатства св. Себастьяна – он был серьёзно настроен на настоящее следствие с судопроизводственным процессом и пытками. Но после первых же вопросов его пытливый инквизиторский ум немедленно уловил полнейшую бесполезность от задуманного. Монахи были в состоянии лишь дрожать от страха да шёпотом молиться – более от них Маурицио не суждено было добиться никакого толку. И тогда он повёл расследование в одиночку, не прибегая к помощи свидетелей (свидетелей чего?), хотя отлично понимал, что такой образ действий может порядком затянуть следствие.

Он снова обошёл все закоулки аббатства; беседовал с монахами, надеясь услышать что-нибудь существенное – и ничего. Кроме разговоров о призраке и пропавших братьях Маурицио ни о чём больше не слышал. Инквизитор снова перечитал хронику Молемского аббатства; портрет же аббата Пьера он распорядился перенести в свою келью. Хоть о появлениях призрака по-прежнему ничего не было слышно (а был уже почти самый конец июня), Маурицио желал постоянно иметь перед глазами лик того, кто своими прошлыми появлениями вызывал ужас среди братьев аббатства и жителей близлежащих деревень.

Допросы монахов не могли дать Маурицио более того, что он уже знал от них; поэтому он часто бродил по территории аббатства в глубоких размышлениях, надеясь, что внезапная догадка осенит его, проливая таким образом свет на это весьма тёмное и запутанное дело. Думая всё чаще о странном погребении аббата, чей призрак тревожил обитель уже столь много лет, инквизитор уже намеревался распорядиться о вскрытии его захоронения – ибо какая-то догадка уже давно брезжила в его мозгу; однако внезапно сделанное им открытие направило его мысли по другому руслу.

Однажды, гуляя тёплым солнечным вечером под окнами аб-

батства, любуясь его величественным видом и размышляя о загадке, кроющейся в его древних каменных стенах, Маурицио вдруг обратил внимание на угол здания монастыря с восточной стороны от входа; позади него возвышалась огромная колокольная башня. Первое время он совершенно непонимающе разглядывал стену – а потом его словно озарило: стена, за которой располагались кельи третьего этажа монастыря, являлась гораздо длиннее, нежели (как хорошо помнил инквизитор) внутренняя длина коридора это позволяла. Доминиканец быстро подсчитал количество окон келий на всех трёх этажах здания – и на третьем их оказалось на одно меньше, чем на первом и втором! И что больше всего поразило Маурицио, так это келья аббата Пьера – её окно и было самым последним по коридору на третьем этаже.

Инквизитор ещё раз внимательно осмотрел стену и окна келий снаружи здания, а затем вернулся в монастырь. Разнёсшийся по всей округе удар колокола приглашал монахов на вечернюю молитву, однако доминиканцу было не до неё – странные мысли и неожиданные догадки обуревали его. После увиденного с улицы он не сомневался, что в здании существует неучтённое пространство, чего никак нельзя было заметить изнутри помещения. Возможно, что это была келья или зал. Возможно, что это было каким-то образом связано с призраком и людскими исчезновениями.

Маурицио стремительно взлетел по лестнице на третий этаж аббатства, расталкивая плечами бенедиктинцев, спешивших в храм на вечернюю молитву – они лишь провожали его удивлёнными взглядами и непонимающе качали головами. Инквизитор оказался в «заброшенном крыле» монастыря. Он быстро приблизился к келье давным-давно умершего аббата и настезь распахнул дверь. Маурицио, несмотря на то, что не был здесь более полугода, всё же заметил некоторую перемену в обстановке помещения: несколько сдвинутый к середине кельи стол, наглухо закрытое окно и почти совершенное отсутствие пыли и паутины. В воздухе по-прежнему не было никакого запаха тлена и гниения, как это чувствовалось в любой из соседних келий – по-видимому, это помещение кто-то регулярно проветривал, и делалось это явно неспроста.

Инквизитор открыл окно и выглянул из него: всё верно – слева от него, за стеной, обязательно должно было находиться какое-то помещение, размерами примерно три на четыре метра. Осталось лишь найти в него вход – и загадка будет решена.

Маурицио внимательно осмотрел всю левую стену кельи – никаких следов; камни плотно пригнаны друг к другу, между ними инквизитор не обнаружил ни щели. Он пробовал простукивать стену старым, взятым со стола канделябром – никакого результата: или камни были слишком большими или в стене не было никакой пустоты. Но тайная комната явно существовала – и на это недвусмысленно указывало неучтённое пространство!

Доминиканец перешёл в коридор и повторил всю операцию с осмотром стены и её простукиванием с самого начала. В коридоре становилось с каждой минутой всё темнее и темнее; снизу, из храма, до ушей Маурицио доносилось ровное пение монашеского хора... Инквизитору становилось всё труднее что-либо разглядеть в наступивших сумерках, поэтому он отправился по коридору к жилым кельям с намерением захватить с собою факел – и при его свете продолжить работу.

Сняв один из факелов со стены в жилом конце коридора, Маурицио медленно и задумчиво возвращался назад, размышляя о том, каким и где мог быть вход в тайную келью. И почему же летопись аббатства ничего не говорит о неучтённом пространстве на третьем этаже монастыря? Или, может статься, он не так уж внимательно читал хронику?

Неожданно для себя инквизитор заметил какое-то движение в самом конце коридора, около дверей кельи аббата Пьера – словно большое тёмное пятно метнулось в сторону. Доминиканец поднял факел над головой, ускорив шаг – что это за шутки? И чьи? Неужели... Он явно различил высокую фигуру в бенедиктинской рясе, шмыгнувшую в открытую дверь кельи аббата Пьера. Доминиканец крепче сжал факел в руке. Какой из монахов осмелился не явиться на вечернюю молитву?! Он крикнул:

- Кто здесь? – и поспешил за исчезнувшей за дверями кельи фигурой.

И как только он шагнул через порог, ноги его подкосились и

сердце учащённо забилось от страха – в двух шагах от него с тяжёлым канделябром в руке стоял призрак аббата Пьера! Маурицио часами изучал его портрет и не мог ошибиться – лысая голова, белая тонзура, большие глаза, огромный нос... Факел выпал из слабеющих пальцев инквизитора и с металлическим звоном покотился по полу. Призрак злобно оскалился и занёс тяжёлый канделябр над головой Маурицио... Последнее, что запомнилось инквизитору – это были безумные глаза призрака и ни с чем не сравнимая боль во лбу...

Очнулся Маурицио сидя в кресле, связанным по рукам и ногам; голова раскалывалась от боли; стянутые верёвками конечности ужасно затекли и ныли. Он со стоном повернул голову и осмотрелся вокруг, насколько ему это позволяло сидячее положение.

Он находился в помещении метра три на четыре, освещённом большим количеством свечей. Никаких намёков на окна или двери. По стенам располагались шкафы и полки с толстыми книгами, стеклянной алхимической посудой, небольшими мешочками из холста. У одной из стен стояла кровать на высоких ножках, аккуратно убранная и застеленная покрывалом. Два стола находились в центре комнаты – на них были стеклянные приборы, хирургические инструменты, песочные часы, книги; свечи горели в глиняных подсвечниках. Там же, на столе, он увидел несколько пергаментов и кинжалов, лезвия которых блестели матовым цветом... А позади столов, глядя прямо на него, стоял призрак покойного аббата Пьера.

- А-а-а, с возвращением в сознание, дорогой мой гость! – улыбаясь произнёс призрак и, обойдя столы, замер в двух шагах от Маурицио, между ним и кроватью. – С возвращением в сознание, хотя и не думаю, что это надолго... Прошу прощения за то, что пришлось вас ударить – обычно я применяю снотворное... Итак, - призрак преспокойно уселся на кровать, взглядом изучая своего связанного пленника, - судя по вашей рясе, вы не принадлежите к нашему ордену? Впрочем, это дела не меняет.

- Кто вы такой? – превозмогая боль спросил Маурицио. – Что мешает вам спокойно находиться в могиле?

В ответ призрак захихикал:

- В могиле? О-хо-хо! Вы меня уморите! О-хо-хо! Согласен поде-

литься с вами – потому что у меня есть время, а у вас много вопросов – в могиле я ещё не был, да и, по-правде говоря, не собираюсь там когда-нибудь оказаться... А я ведь запомнил вас – это вы были здесь полгода назад? – и отлично знал, что вы появитесь тут снова! Неужели братия может покинуть монастырь? Ай, как это плохо для церкви!.. Впрочем, слушайте – и вы получите ответы на все вопросы, хотя и не понимаю, как вам это сможет пригодиться... любопытно разве...

Вы, конечно же, наизусть выучили хронику аббатства и обо мне вам должно быть известно всё. Там написана почти вся правда, только изложение довольно запутанно. Никакой я не призрак – просто быть в этой роли мне не менее удобно, чем в роли живого человека. И даже более удобно, надо заметить...

После моего избрания – двести лет тому назад, вернее около ста восьмидесяти – я серьёзно занялся изучением чёрной магии. Зачем, спросите? Да затем, что это единственный путь к силе, к знанию, к вечности. Я смогу ответить на любые вопросы, касающиеся жизни, смерти, времени и власти; заметьте – власти неограниченной. Ведь человеку мало быть смертным аббатом, когда у него есть возможность стать бессмертным Богом. Этим я и занимался на протяжении многих лет – собирал книги, необходимые колдовские аксессуары, алхимическую утварь... Оборудовал эту келью – в хронике, разумеется, ранее была запись о её постройке, но я самолично удалил её, чтобы стремления и деяния мои никогда и никем не были раскрыты.

Как я и рассчитывал, с течением времени никто уже не помнил о ней – а кто ещё мог что-то помнить, был мною убран из этого мира ещё сто восемьдесят лет тому назад... Хотя, что это такое – сто восемьдесят лет для бессмертного; а ведь именно к этому я и стремился поначалу! И я им стал – после принесения жертв Силам Зла и обоюдного соглашения. Продвижение моё в сферы высшей магии отмечено даже в летописи – только если вы помните, именуется это чудесами... Я даже сожалею, что меня не канонизировали – клянусь вам, моё имя неплохо бы звучало в святцах! А если вам довелось – ведь довелось, не так ли? – увидеть мой портрет с ореолом святого над головой... Да, замечательная икона!

- Итак, - аббат Пьер молитвенно сложил руки на груди, - итак, после управления аббатством более тридцати лет, я решил удалиться из мира живых – образно выражаясь, конечно. Назначив преданного мне человека своим преемником, я распорядился «похоронить» меня в закрытом гробу – в таком виде пустой гроб и простоял несколько дней в церкви, а потом был торжественно замурован в храмовую стену. Вы, несомненно, побывали в этом чудесном месте моего «захоронения», не так ли? – игриво подмигнул он Маурицио. – Никто и не подозревал, что гроб пуст – кроме моего преемника, с которым я и разделаюсь в первую очередь, положив тем самым начало ужасной, на протяжении веков, череде людских исчезновений в аббатстве святого Себастьяна...

Вы, естественно, заинтересованы, для каких целей понадобились эти люди, похищаемые мной на протяжении столетий? Отвечу не лукавя – для совершения жертвоприношений Отцу Тьмы, наделившего меня бессмертием и огромной властью над материей. Именно Ему я обязан многими тайными знаниями – и кто ещё из известных вам живущих мог бы похвалиться подобными достижениями?! Мне совсем не нужно принимать пищу; я больше не нуждаюсь во сне – и пусть вас не смущает кровать, на которой я сижу! Словом, теперь я поистине являюсь неким существом, живущим в мире, но не от мира сего...

Единственное, что мне необходимо, так это кровь – тёплая человеческая кровь. Если вы могли бы только себе вообразить, насколько сильно значение этой красной жидкости, текущей в артериях и венах человеческих существ! Об этом можно было бы написать огромные трактаты... впрочем, я, похоже, чересчур увлёкся – и вы начинаете скучать...

Кстати, время от времени – не всегда же сидеть мне в этой лаборатории! – я позволяю себе прогуляться по моему аббатству – по двору, по тёмным коридорам монастыря. Именно это и породило легенду о моём, так сказать, разгуливающем призраке. Мне это очень даже на руку – я чувствую себя прекрасно, хотя никто и не может предположить, что я вовсе не умираю. Я всё ещё аббат святого Себастьяна! Ведь, насколько нам известно из правила святого Бенедикта, нельзя выбирать другого аббата, покуда жив его предшественник; а значит, все аббаты после меня – вплоть до

теперешнего – являются незаконно избранными... Хо-хо! – ехидно заключил старик; глаза его сверкали при свете множества свечей. – Я проживу ещё целую вечность на этой милой земле, совершая многие чудесные открытия при помощи магии и других оккультных наук. Кровь человека не даст мне умереть. Знания моим не будет предела. Не находите ли вы, мой милый, подобное состояние более лучшим, чем предлагает человеку Рай после смерти? И вообще...

- Хриstopродавец! – крикнул до сих пор молчавший Маурицио, вкладывая в слова всю ненависть инквизитора к богоотступнику. – Да что б ты сгорел в аду вместе со своим отвратительным хозяином, чьим гнусным инструментом ты стал!

- Не могу! При всём желании не могу! – тотчас отозвался его собеседник, не выказывая никаких признаков раздражения или гнева. – И причиной тому – моё бессмертие! Я избрал лучшую участь – и, как сказано в Евангелии, она у меня не отнимется... Забегу вам, что кричать вы можете сколько угодно – вас никто не услышит через такие толстые стены; а если бы и слышали, то тем более побоялись бы соваться в «заброшенное крыло», как они его называют... Я же говорю вам, что до сих пор остаюсь аббатом святого Себастьяна – и управлять обителью буду до тех пор, покуда мне это не надоест.

- Если со мной что-нибудь произойдёт, то сюда явится легион инквизиторов и следователей, - пересохшими, еле двигающимися губами прошептал теряющий последние силы Маурицио. – Рано или поздно люди обнаружат твоё логово и спалят тебя на костре как чернокнижника и вероотступника.

- И всё же позвольте мне усомниться в ваших словах относительно такой возможности, - лицо старого аббата так и сияло от самодовольства. – Рано или поздно я, так или иначе, уйду отсюда, захватив с собой всё необходимое; у меня много денег, чтобы построить жилище вдали от людей, время от времени навещая человеческое стадо, когда мне понадобятся свежие агнцы для жертвоприношения Отцу Тьмы. А если захочу, так переберусь в любой из дальних бенедиктинских монастырей – ведь меня там никто не знает! – и заживу, верша свои великие дела... Одним словом, как бы я не поступил

в будущем, вы об этом наверняка не узнаете; а если и узнали бы, то вряд ли смогли кому-нибудь поведать... – и снова хищный блеск глаз старика ослепил Маурицио.

Аббат Пьер тем временем поднялся с кровати и подошёл к столу; с тщательностью перебрал несколько кинжалов, он выбрал один из них, поднеся его острие к самым глазам. Затем он взял в руки большую стеклянную колбу и вытащил из её горлышка плотно пригнанную пробку. После этого он с торжествующим взором повернулся к Маурицио.

Инквизитор понял, что минуты его жизни сочтены; рот его был свободен – но разве помог бы ему даже самый громкий крик в таком месте?! Доминиканец, содрогаясь от смертельного ужаса, зашептал слова последней в своей жизни молитвы; тем временем страшная фигура убийцы нависла над ним огромной чёрной тенью. Маурицио закрыл глаза и услышал над своей головой зловещий тихий шёпот проклятого аббата:

- Совсем немного, совсем недолго – и для вас всё будет закончено, мой милый! Жизнь началась – и вы этого не помните; жизнь закончится – и вы тоже не удержите этого в памяти... Зато всё это буду знать я – тот, кто был задолго до вашего рождения и тот, кто останется на земле много больше после вашей смерти... Не следует вам проклинать меня – ведь я открываю вам дорогу туда, куда вы неминуемо пришли бы в конце вашего земного пути... потому, что вы не такой, как я, и обратиться в прах – прямое ваше назначение, подобно всем смертным в этом мире... Совсем немного, совсем недолго...

Удар кинжалом в горло заставил Маурицио вздрогнуть от неожиданной и нестерпимой боли; он почувствовал, как холодное стеклянное горлышко колбы коснулось места кровотока раны. Аббат с силой наклонил его голову; ужасный шёпот вновь раздался в ушах бедного доминиканца:

- Вы даже не подозреваете, для каких великих целей послужит мне ваша кровь – она откроет мне бесчисленные и удивительные тайны Вселенной... также она поддержит моё вечное существование...

Шум струи крови в наполняющейся колбе отвратительным эхом отдавался через стеклянные стенки сосуда по всей келье, по всему

аббатству, по всему миру. Конвульсивно дёрнувшись несколько раз, тело Маурицио замерло без движения – бедная жертва колдуна была мертва. Его убийца отнял горячую колбу с жидкостью от его горла и, закупорив её стеклянной пробкой, нежно прижал к груди. Затем он подошёл к одной из стен и надавил на полку с книгами рукой – в стене немедленно открылась дверь, ведущая в келью, в которой много лет назад и проживал чернокнижник.

Он подошёл к окну и открыл его – тихая ночь незримо ворвалась в помещение тёплым летним ветром и криками птиц. Затем он поставил колбу на подоконник, размышляя и прислушиваясь к чему-то; монашеского хора больше не было слышно. Потом он наклонился, поднимая с пола оброненный Маурицио потухший факел. Несколько секунд подержал его на весу в вытянутой руке, а мгновением позже сильно размахнулся – и выбросил в открытое окно...

Готико-мистическое творчество CLANDESTINUS

Издание сборника повестей, который читатель держит в руках, было задумано уже давно. Вошедшие в книгу произведения были написаны автором уже много лет назад – например, титульная повесть «Последний день одиночества» была написана в 1995 г., «Искренне ваш, Лавкрафт» – в 1996 г., а все остальные повести – в 2002 г.

Продолжая развивать классические образы детективных хоррор-историй и готико-мистического жанра, Clandestinus уверенно и без особого труда идёт по стопам своих великих предшественников: Э. А. По, Г. П. Лавкрафта, Г. Уолпола, Б. Стокера, Б. Олшвеви, У. Бекфорда. Казалось бы, что интерес к готике в наше время пошёл на убыль, однако новая книга Clandestinus доказывает, что это далеко не так. Тема мистического и ужасного, непознанного и сокрытого ещё находит множество читателей в наши дни.

Несколько критических комментариев о представленных в книге повестях. Нелегко говорить о жанре, который изобилует такими литературными переплетениями, как классицизм и готика, мистический триллер и детектив. Конечно, все нижеприведённые мысли являются ничем иным, как субъективным мнением от прочитанного, но... такова уж задача любой критической статьи – разобрать автора по косточкам.

Последний день одиночества

Похоже, автор начисто рушит свою концепцию «одиночества как высшей формы существования», которую он так долго воспевал в поэзии. Несмотря на мистичность изложения (договор с Дьяволом и т.д.), которая является не более чем канвой или фоном повествования, главный упор, однако, приходится на экзистенциальное восприятие мира главного героя – в том числе и самого себя. По боль-

шому счёту, если бы не готические образы, то повесть вполне можно было бы отнести к реалистической, более того – к психологической литературе. Сомнения, присущие главному герою на протяжении всего произведения, полны психологической драмы; его поиски – поначалу бесплодные – приводят его к полному умопомешательству и самоубийству. Так и остаётся до конца непонятным, сочувствует ли автор своему герою или нет. Clandestinus очень умело и плавно передал переход состояний своего героя из ненормального в нормальное – и наоборот.

Ужас Кастерхолла

Никогда ещё готическая литература не могла существовать в отрыве от детективного жанра – более того: детектив – это чуть ли не основа самой готики. Clandestinus превосходно справился с поставленной перед собой задачей, развернув на фоне старинного готического замка жуткую детективную историю. Неожиданно налетевшая снежная буря похоронила в Кастерхолле весёлую компанию, которая появилась в его стенах на каникулы. После этого прибывшие начинают погибать один за другим, причём весьма ужасной, кровавой смертью. Кто виноват в этом? – один из них или... старинный призрак замка, о котором повествуют старинные документы наследников семьи Кастерхолл? Оставшиеся в живых друзья подозревают друг друга, попав в непривычную ситуацию; впридачу всё действие происходит глубокой ночью, под сенью проклятого с давних времён замка.

Конец повести совершенно непредсказуем – пожалуй, по своему интригующему содержанию это одно из лучших произведений Clandestinus из представленных в книге.

Тайна графини Алукард

Несмотря на совершенно отличающийся от «Дракулы» сюжет, автор отдаёт дань, несомненно, Б. Стокеру (о чём свидетельствует сама анаграмма «Алукард»). Несущая смерть графиня Диана успешно действует на этот раз в сердце Англии – той самой Англии, из которой героям «Дракулы» удалось его изгнать. Похоже, Clandestinus желает «отомстить стокеровским героям» за поражение и смерть проклятого графа.

Примечательно то, что *Clandestinus* превосходно передаёт дух тех мест, где происходит действие повести – остров, на котором стоит древний замок, дремучий лес, деревня. Создаётся впечатление, будто нарисованная картина существует не только в воображении писателя, а в действительности: перед нами воистину старая добрая Англия – с её манерами, законом, аристократическим и плебейским населением.

Сюжет повести, как уже говорилось выше, отличен от «Дракулы», однако стоит с ним в самом прямом соотношении: оказывается, что прекрасная графиня Диана – никто иная, как вдова Вампира, явившаяся мстить людям за смерть супруга и живущая его мыслями – мыслями о создании новой расы существ, способных существовать «в смерти».

Обитатель крипты

Идея бессмертия, красной нитью проходящая через все повести *Clandestinus*, получает в указанном произведении чуть ли не наивысшее своё проявление. Главное – достичь его (и главный герой не останавливается ни перед чем для его достижения), и уже на втором плане появляются вопросы «какой ценой» и «зачем». Чистейшее, так сказать, положение магии – желание, которое является действием, намного опережает мысль о собственной безопасности в будущем.

Герой повести согласен потерять всё, что у него есть (а у него не так уж и много чего терять) – хорошие отношения с родителями, место в университете, любимую девушку... Зачем? Чтобы совершить на старинном заброшенном кладбище загадочный ритуал, с непонятным для него самого смыслом. Молодой человек идёт на всё – он во что-то верит (причём вера его – вера фанатика) и это «что-то» заполняет всю его жизнь.

Образ изложения и хода мысли автора очень напоминают тематику произведений Г. П. Лавкрафта, в котором герои жертвуют разумом, а зачастую и самой жизнью ради достижения какой-то «запретельной цели».

Герой повести напоминает собой уже упомянутого ранее героя «Последнего дня одиночества» – обоих их связывает фанатизм, вера в невозможное и почти беспредельная твёрдость.

Post Mortem

Единственный во всей книге намёк на лирику (хоть и потустороннюю), которая, вроде бы, не свойственна Clandestinus: классический сюжет, в котором один из возлюбленных является призраком, сильно напоминает собой темы старинных шотландских баллад. Одно из многих произведений автора, так сказать, «со счастливым исходом».

Дело происходит опять-таки в старой доброй Англии, во времена генерала Кромвеля и «железнобоких». Однако это лишь канва произведения. Центральными персонажами выступает молодая семья – муж, жена и ребёнок. Вот тут и начинается шотландская баллада – муж скоропостижно умирает от туберкулёза, а его жена продолжает чувствовать его присутствие даже после похорон...

Знаменательно само название повести – «после смерти». Не говорит ли это о собственных чаяниях автора по данному вопросу? Не пытается ли он убедить себя словами своего героя, говорящего о том, что «смерти нет», что «смерти не существует»? Нельзя быть уверенным, что всем читателям понравится слишком католическая подоплёка произведения, но... необходимость следования жанру и романтика повести искупают собой всё.

Кровное рабство

Вполне реальная история для Тёмного Средневековья, когда возможно было всё. Готическими описаниями здесь изобилует любая постройка – и это неудивительно: ведь описываемое время является ранним Средневековьем! Однако складывается впечатление, что изрядную долю произведения составляет именно фэнтези, а вовсе не готика – как будто бы красавицы, вооружённые мечами и луками, сошли с картин известного художника Boris Vallejo, чтобы обратить в рабов всех попавшихся им под руку мужчин.

Одна обиженная женщина способна поднять на восстание множество других – таких же обиженных. Clandestinus, похоже, свято верит в это – по крайней мере, на страницах повести. В конце-концов, в истории рода человеческого подобные случаи уже бывали – и это можно найти у древнегреческих трагиков. Например, амазонки. Или жительницы острова Лесбос. Или жёны (наподобие аристофановской Лисистрате), отказывающие своим мужьям в исполнении того,

что французы утончённо именуют супружеским долгом до тех пор, пока те не перестанут воевать между собой...

Если бы не оттенок мистики, то повесть была бы почти реалистической. Хотя любая феминистка с радостью бросила бы такое произведение в огонь, а может... прочитала и поставила на самое видное место на книжной полке – поскольку там даётся множество ценных инструкций (хотя и не новых) по пленению мужчин.

Искренне ваш, Лавкрафт

Сразу по названию повести видно, кому из писателей в стиле «хоррор» Clandestinus отдаёт особенное предпочтение. Идея произведения весьма оригинально и по-новому трактует «возможную смерть» Г. П. Лавкрафта, версий у которой и так больше чем достаточно.

Под видом вымышленного героя автор якобы (или же на самом деле?) встречается с писателем спустя много десятилетий после его «смерти». Несомненно, что некоторые факты биографии Г. П. Лавкрафта подтолкнули Clandestinus к написанию повести: писателя при жизни почти никто не видел и не знал в лицо; фотографий его (за исключением детских) почти не сохранилось; неожиданная смерть писателя породила массу легенд о её возможных причинах.

В своей повести Clandestinus путём коллажа рассматривает основные произведения Г. П. Лавкрафта, касаясь таких излюбленных его сюжетов, как «миф о Ктулху», «миф о Глубоководных» (в этот мир Глубоководных он, кстати, и помещает «воскресшего» писателя), «миф о Новой космической расе» и т. д.

Влияние упомянутого классика на автора огромно, хотя Clandestinus, подобно другим писателям и поклонникам творчества «причудливого некоронованного короля ужасов» – так назвал Г. П. Лавкрафта психоделик Стивен Кинг, – не использует в своём творчестве ни лавкрафтовской карты, ни его пантеона.

Невероятные приключения семи рыцарей

Несомненное и сильное влияние на эту повесть оказал роман сэра Томаса Мэлори «Смерть Артура», написанный в XV столетии. В этом произведении автор совершенно свободно использует идиомы

и речевые обороты, свойственные разговорным манерам того времени... и явно заимствованные у того же сэра Томаса.

Независимые друг от друга семь историй, повествующие о похождениях и подвигах семи рыцарей – можно было бы назвать повесть не «Семью рыцарями», а «Семью подвигами», поскольку, согласно произведению, получается по подвигу на брата. Нельзя сказать, чтобы Clandestinus этим произведением внёс в жанр готической литературы что-нибудь новое – так, повторение уже сказанного... ещё в XV веке. Хотя, если он хотел сказать, что мысли и образы того времени живы и поныне – в таком случае он справился на «отлично».

Призрак Молемского аббатства

Поскольку сам писатель в прошлом носил монашескую рясу, то не особенно удивляет такое его обращение и внимание к тёмному монастырскому сюжету. Завораживающая история, центром которой является зловещий аббат Пьер, поражает своим неожиданным концом, хотя произведение держит читателя в постоянном напряжении с самой завязки.

По настоятельной просьбе монахов Молемского аббатства Ватикан направляет туда своего инквизитора, т. е. главного героя повести. С недавних пор людям стал являться призрак давным-давно умершего аббата-чернокнижника, и сам Папа Римский поручает своему подручному разобраться с этими появлениями. Следует – опять-таки! – замечательная детективная история, в результате которой инквизитор выясняет, что призрак существует на самом деле. Главному герою ничего не остаётся, как в попытке разгадать секрет на свой страх и риск сунуться в его логово – таинственный коридор, считающийся среди монахов запретным...

Весьма удачное произведение, написанное в канонах добрых готических романов. Clandestinus до малейших деталей сумел передать атмосферу, царившую в стенах средневековых монастырей; атмосферу, царившую в умах людей Средневековья.

Среди последних готических изданий – как отечественных, так и зарубежных – книга «Последний день одиночества» уникальна тем, что не претупает канонов жанра, написана живым, образным

языком и обладает единой концепцией. Примечательно то, что действие всех повестей в сборнике имеет место на каком угодно отрезке истории – но только не в современном писателю мире. Впридачу Clandestinus – знаток философии и полиглот – словно провёл синтез между английской, французской и немецкой готической литературой XVII-XX столетий, демонстрируя при этом свою наблюдательность, кропотливый подход к истории и личный талант. Читатель, несомненно, замечательно проведёт время с его книгой, вспоминая о классических временах, по которым мы все успели соскучиться.

*Андрей МОСКВИН,
писатель,
вице-президент международной
литературной ассоциации «ARS MAGNA»*

СОДЕРЖАНИЕ

Грань веры и сомнения	5
Вместо предисловия	7
Последний день одиночества	11
Ужас Кастерхолла	45
Тайна графини Алукард	83
Обитатель крипты	119
Post Mortem	147
Кровное рабство	171
Искренне ваш, Лавкрафт	203
Невероятные приключения семи рыцарей	235
Призрак Модемского аббатства	260
Готико-мистическое творчество CLANDESTINUS	296

CLANDESTINUS

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
ОДИНОЧЕСТВА

В оформлении книги использованы
старинные гравюры
из алхимического трактата Splendor Solis,
датируемого 1532 г.

Редактор А. Попов.
Корректор И. Ватник.
Дизайн, верстка А. Попов.

Издание выпущено при поддержке
Калининградского Пен-центра
в рамках проекта ЕС “Соседство”